

CAHIERS PERIODIQUES
(4e cahier: Juillet 1949)

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

И. И. ТХОРЖЕВСКАГО

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Іюль 1949 года.

ПАРИЖ

Editions « LA RENAISSANCE ».

73. av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

Tel.: Ely 06-03.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Н. ТИХМЕНЕВ: Незабываемое	9
С. МЕЛЬГУНОВ: Ночь ужаса	13
Ю. ОДАРЧЕНКО: Рыжжики	22
Р. ТАРР: Весеннее свиданіе (разказ)	30
В. ФЕДОНЮК: У развалин	39
И. ГРЭМ: На желтой землѣ	52
Н. СЕРГІЕВСКІЙ: Камергер и Гишпанка, роман (продолж.)	61
Н. ТУРОВЪРОВ: Два восьмистишія	87
ИВ. ТХОРЖЕВСКІЙ: Фатъма	88
Проф. Е. СПЕКТОРСКІЙ: Чаадаев	94
С. ПЛАУТИН: «Слово о полку Игоревѣ»	103
ИВ. ТХОРЖЕВСКІЙ: О гонцах и посланниках	112
Б. ТАТИЩЕВ: «Крушеніе» 1916-1917 г. г.	116
С. АВЪЕРИНО: «Оперетта»	139
М. РАСЛОВЛЕВ: Памяти А. А. Башмакова	161
П. ДМИТРЕНКО: Восстановленіе совѣтской промышленности «ДЪЛА И ЛЮДИ»: (Политическія замѣтки)	166 175

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОЗРОЖДЕНІЕ”

Вышли из печати, и поступили в продажу:

ИВ. ШМЕЛЕВ

НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ

роман, 236 стр. Цѣна 450 фр.

ИВ. ШМЕЛЕВ

«ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

роман, 2 т.т. — 610 стр. Цѣна 1000 фр.

В печати:

ИВ. ШМЕЛЕВ

СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

И. И. Т Х О Р Ж Е В С К А Г О

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Июль 1949 года.

ПАРИЖ

Editions « LA RENAISSANCE ».

73. av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

Tél.: Ely 06-03.

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

ОСНОВАНО 3 ИЮНЯ 1925 ГОДА, В
ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С
1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАНО В
ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ Г А З Е Т У.
7 ИЮНЯ 1940 ГОДА, НАКАНУНѢ
ВСТУПЛЕНИЯ В П А Р И Ж
ГЕРМАНСКОЙ А Р М И И,
ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО
БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО;
НЫНѢ ВОЗОБНОВ-
ЛЯЕТСЯ В ВИДѢ
“ ТЕТРАДЕЙ ”

ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССІИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ЦѢННОСТЬ КУЛЬТУРЫ

ВОЗРОЖДЕНІЕ

*Издательство просит авторов адресовать письма и статьи на
адрес Редакции.*

Статьи не принятые к напечатанию не возвращаются.

Н Е З А Б Ы В А Е М О Е

К годовщинѣ убіенія царской семьи

Есть в исторіи лица и событія, к которым надо возвращаться памятью и изучать их, чтобы они вошли в сердце и в совѣсть человѣка и чтобы ясно было значеніе их для судеб челоѣчества. Надо, по мудрой китайской поговоркѣ, “чтобы старое не забывалось”.

Вот только что новой силой вспыхнула наша любовь к Пушкину. И все же, несмотря на работу ряда литературных поколѣній, не перевелись еще люди, которые знают Пушкина только по либретто опер на пушкинскія темы. И для этих людей, лично не познавших Пушкина, вся хвала ему — “великій, гениальный, всемірный” — есть лишь пустой звук.

То же и с Екатеринбургским убійством. Пустой останется душа того, кто, при мысли об этом убійствѣ, повторяя слова ужаса, негодованія и отвращенія, сердцем и совѣстью, не воспримет событія, пережив его шаг за шагом, вмѣстѣ с жертвами, и изученіем не уяснит причин и послѣдствій содѣяннаго. И только послѣ этого станут в его душѣ живыми чувствами и жалость, и ужас, и отвращеніе, и раскроется для него историческое значеніе преступления.

Неожиданным громом прокатилось по ошеломленной Россіи извѣстіе об отреченіи. Началась шумиха ложных восторгов. Но вдруг оказалось, что из Имперіи Россійской был вынут центральный стержень ея бытія, а перед общественными “силами”, самонадѣянно мнившими себя способными замѣнить этот стержень, обнаружилось их безсиліе. Россія устремилась в бездну моральнаго паденія. Одним их первых шагов этого паденія была слѣдственная комиссія для установленія виновности Императора и Императрицы в измѣнѣ и предательствѣ, которыя почему то казались несомнѣнными. Но для революціи наступило разочарованіе: не было найдено ни признака вины, ни намек на нее, а не успѣвшая еще померкнуть совѣсть славнаго русскаго суда не позволила сфабриковать ложных доказательств. И в то же время обнаружилось неожиданное явленіе. Вмѣсто ничтожнаго, лукаваго, неискренняго, слабого, но жестокаго “Николая Кроваваго” и его жены “нѣмки и измѣнницы”, вдруг предстали люди такими, какими они

были всегда, т. е. полные величія духа и глубины патріотизма. Император и Императрица, лишенные трона, свергнутые со своей полубожеской высоты, арестованные, унижаемые и оскорбляемые, облеклись в ореол обезоруживающаго царственнаго и челоуѣческаго величія. Тогда это замалчивалось. Теперь это историческая истина. Но надо, чтобы это не забывалось.

Чернь, подстрекаемая приспѣшниками врагов Россіи и носителями догмы интернаціонала, чувящими добычу в разваливающейся странѣ, бунтовала и требовала крови. Однако, допустить царевѣйства в Петроградѣ люди, стоявшіе у власти, хотя уже почти и уступившіе ее черни, все же не могли. От дѣйствительной ли невозможности вывезти царскую семью за границу, или от прикрывавшагося этой невозможностью нежеланія, семья тайно была отправлена в Сибирь в сопровожденіи нѣскольких послѣдовавших за ней близких придворных и слуг, число которых было скупю ограничено.

Год длилась сибирская голгофа царской семьи, ставшая особенно жестокой послѣ окончательнаго овладѣнія властью большевиками. Не было того униженія, которому не подвергались бы узники. То, что предметом издѣвательствъ были Царь и Царица, усиливало садическое наслажденіе тюремщиков. Грубо оскорблялись личности заточенных. Оскорблялось безпрестанно цѣломудріе четырех беззащитных молодых дѣвушек, царских дочерей. Худшим моральным оскорбленіемъ была попытка сдѣлать Императора участникомъ большевистскаго униженія Россіи — соблазнить его обѣщаніемъ свободы за подпись под брест-литовским миром. Все дѣлалось, чтобы **оскорблять** их. Но **оскорбить** ихъ было нельзя: и в ссылкѣ, и в униженіи они сохраняли нерушимымъ величіе царскаго достоинства. А какъ люди они стали уже по ту сторону оскорбленія: пламенная любовь къ Россіи, къ народу русскому, горячая несокрушимая вѣра в промыслъ Божій были ихъ покровомъ. Слѣдуя примѣру Евангелія, которое они постоянно читали, они прощали ненавидящимъ ихъ. Величіе ихъ духа побѣждало стражу — ее приходилось мѣнять, ибо укору просыпавшейся совѣсти дѣлали тюремщиковъ ненадежными.

Теперь знаетъ обо всемъ этомъ міръ. Знаютъ — и из страха молчатъ и в Россіи. Знаютъ всѣ и в эмиграціи. Но одни говорятъ об этомъ громко со скорбью и любовью. Другіе — ничего не забывшіе и ничему не научившіеся — замалчиваютъ...

Послѣ отказа Царя купить свободу цѣной униженія своего и униженія Россіи, наступило и послѣднее дѣйство. Царская семья и тѣ немногіе, которымъ было еще позволено оставаться с нею, послѣ заключенія в тюрьмы остальныхъ, были разбужены ночью и под обманнымъ предлогомъ имъ было велѣно сойти в подвалъ дома, отведеннаго для ихъ жилья. Наскоро одѣлись, сошли вниз. Государь нес сына на рукахъ. Кто-то принесъ стулья для

него и для больной Императрицы. Преданная ей горничная захватила для нея с собой подушку — через час эта женщина судорожно металась по комнатѣ, прикрываясь этой подушкой от направленных в нее выстрѣлов. А затѣм в подвал вошли люди. Один из них сказал Государю, что всѣ сейчас будут убиты и в ту же минуту в упор застрѣлил Государя. Скоро все было кончено. На полу подвала в общей грудѣ семнадцати трупов,

лежали и три тѣла — Императора и Императрицы Всероссийских и Наслѣдника русскаго престола. Их не “разстрѣляли”. С этим словом связано искони представлеіе о каком то почетном церемоніальѣ казни. Их просто пристрѣлили. Вот так, как шанхайскіе полицейскіе пристрѣливали на улицѣ китайцев-грабителей, фильм чего обошел недавно всѣ кинематографы Парижа.

За нѣсколько секунд до смерти, услышав смертный приговор, и видя перед собой дуло направленного на него револьвера, Император успѣл вскрикнуть — “за что?”

Да — за что? Что же отвѣтить нам, русским людям, на

этот вскрик-вопрос — первый и послѣдній протест, вырвавшійся у замученнаго Царя? Отвѣтить ли — “за то, что ты виноват”, как еще смѣют говорить иные, или сказать, наконец, в сокрушеніи, стыдѣ и раскаяніи — “за то, что виноваты были мы; за то, что мы были злы, невѣжественны, слѣпы, нетерпѣливы, хотѣли в угоду доктринерству ускорить историческій процесс, так, как ребенок, думая ускорить распусканіе цвѣтка, руками раскрывает цвѣточную почку. Забыть ли нам — или мы должны помнить — как безсовѣстная совѣсть міровая отмахнулась от злодѣянія французским словечком “эксцесс”, мало внятным русскому уху, но прочно влетѣвшим в революціонный жаргон. — и столь удобным для прикрытія им самых гнусных преступленій русской революціи? Думать ли нам, что на нас и на дѣтях наших лежит пролитая в ипатьевском домѣ кровь, или успокоиться на мысли, что мы, русскіе люди, тут не при чем, что мы этого не хотѣли, и случилось это помимо нас, как то само собой? И думать ли о том, что, если бы не было этой крови — слѣдствія того преступно ошибочнаго пути, которым шли к ней русскіе люди, то не было бы ни второй міровой войны, ни того гнета ожиданія новой, атомической — апокалиптической — войны, который душит и давит мір. Соглашаться ли с тѣми, кто восторгается “достиженіями”, говоря, что “за тридцать лѣт там достигнуты тѣ національныя цѣли, осуществить которых не смогли за три предшествующія столѣтія” — или освободиться от наважденія географической карты, неизмѣнной при всяких обстоятельствах, понять истинныя цѣли, которыя осуществляются на пространствах этой карты, и скорбѣть, и ужасаться, что оттуда с этих пространств, из родины нашей, из бывшей Россіи, из дома Пресвятой Богородицы, идет на мір ядовитый и отвратительный прибой духовнаго паденія и удушенія.

Пролитая 31 год назад в подвалѣ екатеринбургскаго дома кровь Царя и Царицы російских и их семьи смѣшалась с кровью десятков милліонов русских людей — говоря словами церкви: “в темницах и на горьких работах злѣ умученных, на градах, на стогнах и сонмищах убіенных, наипаче же за вѣру Христову вѣнец мученической пріявших”. И тридцать лѣт европейско-американскій мір не вѣрил нам, русским изгнанникам, что и ему, этому міру, грозит участь “злѣ умученных”, если он не одумается. Теперь, кажется, наступает прозрѣніе. И нам неустанно надо дѣлать, во имя любви к родинѣ нашей и во искупленіе нашей вины перед замученным Царем, дѣлать все, что мы можем, чтобы это прозрѣніе углублялось. Чтобы воспріял мір убѣжденіе, что перемѣна там, “за занавѣсом” будет не “перемѣна режима”, но подлинное, не только російское, но и міровое **Возрожденіе.**

Н. М. Тихменев.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ДРАМА

(Из неизданной книги «Революція и Царь»).

I.

НОЧЬ УЖАСА

Мы не будем воспроизводить позорнаго зрѣлища бойни беззащитныхъ жертв, которую устроили екатеринбургскіе фанатики в ночь с 16 по 17 іюля в подвалѣ дома Ипатьева. Эту кошмарную потаенную расправу с Царскою семьей и с близкими ей людьми могли совершить лишь тѣ, кто в момент своего дѣйствія потеряли человѣческой облик. Безобразная обстановка, в которой совершенъ был «революціонный» акт, не дает возможности даже поставить вопрос «оправдывает ли исторія такое убійство?..» Такой вопрос впоследствии поставил себѣ небезызвѣстный Беседовскій, слушая в Варшавѣ пьяную исповѣдь полпреда Войкова о его участіи в екатеринбургском «историческом актѣ». Уже тогда Беседовскій, состоящій еще в рядах отвѣтственных большевицких дѣятелей, не мог, по его словам, отрѣшиться от тягостнаго впечатлѣнія подавленности, которую навѣял на него расказ убійцы, ибо ничего героическаго не было в «работѣ мясников».

Скрупулезная слѣдовательская работа обрисовала в деталях почти исчерпывающе кровавыя сцены в ипатьевском подвалѣ и послѣдующее сожженіе останков разстрѣлянных в старых рудниковых шахтах урочища «четыре братьев». Сенсаціонная тема вызвала за истекшіе годы многочисленныя отклики всякаго рода прямых и косвенныхъ свидѣтелей екатеринбургской драмы: то были преимущественно фантастическія измышленія — разбираться в них большого историческаго смысла нѣтъ. К категоріи такихъ свѣдѣній надлежит отнести и сообщеніе знаменитаго в своем родѣ іеромонаха Иллѣодора, напечатанное первоначально в одном из американскихъ журналов и обошедшее эмигрантскую печать. Правдоподобія, которое усмотрѣли в них (в частности, «Послѣднія Новости» — орган Милюкова) там нѣтъ, — начиная от того момента, какъ Иллѣодор, случайно оказавшійся в Екатеринбургѣ в «Святую пятницу» 18 г., проѣзжая из Владивостока, посѣтил 3-го мая, по приглашенію «краснаго коменданта» Войкова, жильцовъ дома Ипатьева. («Комендантомъ» Ипатьевскаго дома Войков никогда не был). Совершенно невѣроятно, чтобы дневникъ Царя не отмѣтилъ столь необычайнаго визита со стороны — необычайнаго не только в единообразномъ обиходѣ екатеринбургскаго «тюремнаго режима», но и единственнаго за все время сибирскаго пребыванія; визитъ Иллѣодора долженъ былъ произвести тѣмъ большее впечатлѣніе, что бывшій геройъ царицынской эпопеи будто бы напомнилъ Императрицѣ пророчество царицынской юродивой и яснови-

дядей Марфы о гибели всей царской семьи*). Войков, не открывая полностью своих карт перед Иллёдором и тайно заявляя, что Романовы, которых хотят похитить, отсюда живыми не выйдут, желал, чтобы Иллёдор засвидетельствовал, что он видел подлинного Царя в заключении и тем пресёк в будущем возможность самозванства**). Иллёдор далее рассказывает со слов Гусевой, как Войков осуществил свой план — Гусева всё детали знала от своего любовника красноармейца «Анатолія», принимавшего непосредственное участие в убийствѣ. Указаніе на роль Войкова могло бы имѣть нѣкоторое значеніе (официальное слѣдствіе не выяснило, кто персонально был вторым членом «слѣдственной комиссіи», присутствовавшим в домѣ Ипатьева в ночь 17-го іюля), если бы «воспоминанія» Иллёдора не появились через нѣсколько лѣтъ послѣ того, как Беседовским было опубликовано рассказанное ему самим Войковым ночью под новый 1925 год, послѣ танцевального вечера сотрудников совѣтскаго посольства в Варшавѣ. Как ни отнестись к этому рассказу человѣка, сидѣвшаго с «красными, воспаленными глазами», с «мутными взглядами» в обстановкѣ быстро опустошаемой «батареи коньяковых и ликерных бутылок», все же это единственный рассказ, который мы имѣем, со стороны непосредственного и отвѣтственного участника екатеринбургских событій. Рассказывая все «строго конфиденціально» (постановленіем политбюро запрещалось участникам убійства рассказывать, о чем была взята «формальная подписка» молчать о происшествіи), Войков в руках держал «кольцо с рубином, переливающимся цвѣтом крови» — он его взял в Екатеринбургѣ в ипатьевском домѣ, послѣ разстрѣла царскаго семейства. Оставим пока в сторонѣ то, что Войков говорил о роли, сыгранной центральной властью в рѣшеніи судьбы царской семьи, — может быть, это самое важное, но как раз здѣсь возникают и наибольшія сомнѣнія. Первоначально воспроизведем ту часть повѣствованія, гдѣ изображаются отвратительныя сцены в ночь на 17-го іюля, о которых было «прямо стыдно рассказывать, как все это происходило» При разработкѣ вопроса о «проведеніи разстрѣла» в екатеринбургском комитетѣ партіи Бѣлобородов предложил «слѣдующій план»: «инсценировать похищеніе и увоз семьи, кромѣ царя, и увезенных тайно разстрѣлять в лѣсу, близ Екатеринбурга. Бывшаго царя разстрѣлять публично, прочитав приговор с мотивировкой разстрѣла. Однако, Голощекин возра-

*) В 1910 г. А. Ф. специально поѣхала в Царицын, чтобы узнать от Марфы свое будущее. Когда юродивая оказалась в присутствіи Царицы, она развернула восемь кукол, завернутых в газеты. С силой бросив их на пол, закричала: «Это — вы, это — вы! всѣ вы». Затѣм из чайника облила куклы красной жидкостью... и подожгла их спичкой. Когда всѣ куклы вспыхнули, она воскликнула: «Вот ваше будущее! Всѣ вы спорите! Я вижу кровь... много крови!..» Так повѣствует бывший виноук Ил. Труфанов.

**) С Иллёдором Войкова свела также знаменитая Хіонія Гусева — та самая, которая, наканунѣ великой войны 1914 г., в іюнѣ, «пырнула» ножом «старца» Григорія.

жал против этого проекта, считая, что инсценировку будет очень трудно скрыть. Он предложил разстрѣлять всю семью за городом, в лѣсу, побросав трупы в одну из шахт, объявив о разстрѣлѣ царя и о том, что «семья переведена в другое, болѣе надежное мѣсто». Тут Войков начал мнѣ рассказывать подробно ход преній в областном комитетѣ партіи по этому вопросу. Он лично выступал против обоих проектов, предлагая вывести царское семейство до ближайшей полноводной рѣки и, разстрѣляв, потопить в рѣкѣ, привязав гири к тѣлам. Он считал, что его проект был самым «чистым»: разстрѣл на берегу рѣки с прочтеніем приговора и затѣм «погребеніе тѣл с погруженіем в воду». Войков считал, что такой способ «погребенія» явился бы вполне нормальным и не дискредитирующим, проведенное в жизнь, революціонное мѣропріятіе. В результатѣ преній областной комитет принял постановленіе о разстрѣлѣ царской семьи в домѣ Ипатьева и о послѣдующем уничтоженіи трупов. В этом постановленіи указывалось также, что, состоявшіе при царской семьѣ доктор, повар, лакей, горничная и мальчик поваренок «обрекли себя к смерти и подлежат разстрѣлу вмѣстѣ с семьей». Выполненіе постановленія поручалось Юровскому, коменданту ипатьевского дома. При выполненіи должен был присутствовать в качествѣ делегата областного комитета Войков. Ему же, как естественнику и химику, поручалось разработать план полного уничтоженія трупов. Войкову поручили также прочитать царскому семейству постановленіе о разстрѣлѣ, с мотивировкой, состоящей из нѣскольких строк и он, дѣйствительно, разучивал это постановленіе наизусть, чтобы прочитать его возможно болѣе торжественно, считая, что тѣм самым он войдет в исторію, как одно из главных дѣйствующих лиц этой трагедіи. Юровскій, желавшій, однако, также «войти в исторію», предупредил Войкова и, сказав нѣсколько слов, начал стрѣлять. Из-за этого Войков его смертельно возненавидѣл и отзывался о нем всегда, как о «скотинѣ, мясникѣ, идиотѣ» и т. п. Вопрос о том, каким оружіем дѣйствовать при разстрѣлѣ, также подвергся тщательному обсужденію. Рѣшили разстрѣливать из револьверов, так как ружейные залпы были бы далеко слышны и привлекли бы вниманіе жителей Екатеринбурга. Для разстрѣла Войков приготовил свой маузер, калибра 7,65. Рассказывая об этом, он вынул из кармана и показал мнѣ этот маузер. Такой же маузер был, по его словам, и у Юровскаго. Перейдя к описанію самой обстановки, Войков утверждал, что Юровскій так хотѣл поскорѣе закончить убійство, что очень торопился и из-за этого превратил «торжественный историческій акт» в работу мясников. Тут же Войков добавил, что рѣшеніе пощадить мальчика поваренка было принято Юровским по инициативѣ Войкова и с большой неохотой. Юровскому, при его жестокости было жалко разставаться с одной из жертв. В ночь под 17-ое іюля Войков явился в дом Ипатьева в 2 часа ночи вмѣстѣ с председателем Чрезвычайной комиссіи Екатеринбурга. Юровскій доложил им, что царская семья и всѣ остальные уже

разбужены и приглашены сойти вниз в полуподвальную комнату, откуда должна произойти их дальнѣйшая отправка. Им объявлено, что в Екатеринбургѣ тревожное настроеніе, с часа на час ожидается нападеніе на ипатьевскій дом и что поэтому необходимо для безопасности сойти в полуподвальную комнату. Царское семейство сошло вниз в 2 час. 45 мин. (Войков смотрѣлъ на свои часы). Юровскій, Войков, предсѣдатель екатеринбургской чеки и латыши из чеки расположились у дверей... Члены Царской семьи имѣли спокойный вид. Они, видимо, уже привыкли к подобнаго рода ночным тревогам и частым перемѣщеніям. Часть из них сидѣла на стульях, подложив под сидѣнія подушки, часть же стояла. Бывшій царь подошел нѣсколько вперед по направленію к Юровскому, котораго он считал начальником всѣх собравшихся, и, обращаясь к нему, спокойно сказал: «Вот мы и собрались, теперь что же мы будем дѣлать». В этот момент Войков сдѣлал шаг вперед и хотѣлъ прочитать постановленіе Уральскаго областного совѣта, но Юровскій предупредил его. Он подошел совсѣм близко к царю и сказал: «Николай Александрович, по постановленію Уральскаго областного комитета вы будете разстрѣляны с вашей семьей». Эта фраза явилась настолько неожиданной для царя, что он совершенно машинально сказал «Что?» и, хлопнув каблуком, повернулся в сторону семьи, протянув к ним руки. В эту минуту Юровскій выстрѣлил в него почти в упор нѣсколько раз, и он сразу же упал. Почти одновременно начали стрѣлять всѣ остальные, и разстрѣливаемые падали один за другим, за исключеніем горничной и дочерей царя. Дочери продолжали стоять, наполняя комнату ужасными воплями предсмертнаго отчаянія, причем пули отскакивали от них. Юровскій, Войков и часть латышей подбѣжали к ним поближе и стали разстрѣливать в упор, в голову. Как оказалось в послѣдствіи, пули отскакивали от дочерей бывшаго царя по той причинѣ, что в лифчиках у них были защиты брильянты, не пропускавшие пуль. Когда все стихло, Юровскій, Войков и двое латышей осмотрѣли разстрѣлянных, выпустив в нѣкоторых из них еще нѣсколько пуль или протыкая штыком, из двух принесенных из комендантской комнаты винтовок. Войков рассказал мнѣ, что это была ужасная картина. Трупы лежали на полу в кошмарных позах с обезображенными от ужаса и крови лицами. Юровскій, этим, однако, не смутился. Может быть, влѣдствіе своей фельдшерской спеціальности и привычекъ к крови, он кладнокровно осматривал трупы и снимал с них всѣ драгоценности. Войков также начал снимать кольца с пальцев, но, когда он притронулся к одной из царских дочерей, повернув ее на спину, кровь хлынула у нея изо рта и послышался при этом какой-то странный звук. На Войкова это произвело такое впечатлѣніе, что он отошел совершенно в сторону. Через короткое время послѣ убійства, трупы убитых стали выносить через двор к грузовому автомобилю, стоявшему у подъѣзда. Сложив трупы на автомобиль, их повезли за город, на заранѣе приготовленное

мѣсто, у одной из шахт. Юровскій ѣхал с автомобилем. Войков же остался в городѣ, так как он должен был приготовить все необходимое для уничтоженія трупов. Для этой работы были выдѣлены 15 отвѣтственных работников Екатеринбургской и Верхне-Исетской партійной организацій. Они были снабжены новыми остроконечными топорами, такими, какими пользуются в мясных лавках для разрубанія туш. Помимо того, Войков приготовил сѣрную кислоту и бензин. Уничтоженіе трупов началось на слѣдующій же день и велось Юровским под руководством Войкова и наблюдением Голощекина и Бѣлобородова, нѣсколько раз пріѣзжавших из Екатеринбурга в лѣс. Самая тяжелая работа состояла в разрубаніи трупов. Войков вспомнил эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что когда эта работа была закончена, возлѣ шахт лежала громадная кровавая масса человѣческих обрубков, рук, ног, туловищ и голов. Эту кровавую массу поливали бензином и сѣрной кислотой и тут же жгли двое суток подряд. Взятых запасов бензина и сѣрной кислоты не хватило. Пришлось нѣсколько раз подвозить из Екатеринбурга новые запасы и сидѣть все время в атмосферѣ горѣлаго человѣческаго мяса, в дыму, пахнувшем кровью... Это была ужасная картина, закончил Войков. Мы всѣ, участники сожженія трупов, были прямо таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровскій и тот под конец не вытерпѣл и сказал, что еще таких нѣсколько дней, и он сошел бы с ума. Под конец мы стали торопиться. Сгребли в кучу все, что осталось от сожженных остатков разстрѣлянных. Бросили в шахту нѣсколько ручных гранат, чтобы пробить в ней никогда не тающий лед и побросали, в образовавшееся отверстіе, кучу обожженных костей. Затѣм мы снова бросили с десятков ручных гранат, чтобы разбросать эти кости основательнѣе, а наверху на площадкѣ, возлѣ шахты, мы перекопали землю и забросали ее листьями и мхом, чтобы скрыть слѣды костра...» Беседовскій «сидѣл, подавленный рассказом Войкова». Таково было его непосредственное впечатлѣніе. Но и теперь, чрез много лѣтъ, с чувством того же моральнаго ужаса перелистываешь страницы зафиксированной в воспоминаніях Беседовскаго ночной бесѣды в Варшавском полпредствѣ, которая воспроизведена им, очевидно, не без вліянія уже опубликованнаго текста дознанія слѣдователя Соколова. Мы повторяем описаніе, как единственный рассказ непосредственнаго убійцы, хоть и дошедшій до нас через вторыя руки. Умом понять не всегда возможно дѣйствія екатеринбургских палачей. Почему, обсуждая разные проекты сокрытія слѣдов убійств, они остановились на сложных манипуляціях в заброшенных шахтах «Ганиной ямы» в урочищѣ «четыре братьев»? Не могли же организаторы убійства в дѣйствительности думать, что таким путем они добьются того, что мір никогда не узнает, что они сдѣлали с царской семьей? — так будто бы болтал еще в Екатеринбургѣ в совѣтском дамском обществѣ будущій посол в Варшавѣ. Еще меньше логики в версіи, что они по-

лагали избѣгать появленія самозванцев, ибо таинственная обстановка вокруг урочища «четыре братьев» должна была лишь создать атмосферу легенд и мифов. «Рѣшеніе уничтожить трупы было принято в связи с ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать в руки контр-революціонеров возможность с «мощами» бывшаго царя, играть на темнотѣ и невѣжествѣ народных масс», пишет совѣтскій историк «последних дней Романовых». И это натянутое объясненіе «предусмотрительности» екатеринбургских политиков, явно придумано. Может быть, главный стимул, толкавшій на тѣ или инья рѣшенія, лежал в плоскости грубаго инстинкта — безотчетнаго страха, находившихся в состояніи психоза людей, в подсознаніи ощущавших, что творят они низкое дѣло. Это была обыкновенная и всегда довольно элементарная психологія преступников. «Цареубійство» для какой бы то цѣли ни было, всегда народу кажется преступленіем», — сказал декабрист Рылѣев, один из тираноборцев начала прошлаго столѣтія и основоположников въковой борьбы за политическую свободу в Россіи. Если русская дѣйствительность и в особенности дѣйствительность революціоннаго угара могла, допустим, примирить народное сознаніе с «цареубійством» при соблюденіи «традиціонно-историческаго церемоніала» внѣшней формы судебной Немезиды, то отвратныя сцены, разыгравшіяся в подвалѣ «дома особаго назначенія», гибель дѣтей и тѣх, кто вмѣстѣ с вѣнценосцем сами «обрекли себя на смерть», не могли найти себѣ никакого моральнаго оправданія. Такой «народный суд» был чужд подлинной народной психологіи. Это неизбѣжно чувствовали екатеринбургскіе палачи, отсюда их инстинктивныя стремленія, бессмысленно, «скрыть слѣды». Совершенныи ими «народный суд», их «предусмотрительность» на время достигли своей цѣли; «находились даже фантазеры, которые пытались внушить населенію, что семью Романовых вмѣстѣ с Николаем из Екатеринбурга вывезли» (Быков). В самой столицѣ Урала трагедія, происшедшая в особнякѣ на углу Вознесенскаго пр., «почти в центрѣ города», в первые острые дни прошла незамѣтно: шум автомобиля заглушил стрѣльбу в подвалѣ, а стража «еще два дня спустя аккуратно выходила на наружныя посты». А потом началось послѣднее бѣгство из оставляемаго Екатеринбурга: 25-го он был взят чехословаками и русскими «бѣлогвардейцами».

*
**

Урал сдѣлался «могилой» не только Царской семьи и погибших вмѣстѣ с ней в ночь на 17-го іюля «приближенных» Боткина, Демидовой, Труппа и Харитоновна. Погибли, за исключеніем Чемодурова, всѣ тѣ, кто были вывезены Яковлевым из Тобольска (Нагорный, Сѣднев, Долгорукій) и всѣ тѣ, кто при переходѣ остальных членов семьи в Екатеринбург были не допущены в «дом особаго назначенія» и попали в тюрьму (Татищев,

Гендрикова, Шнейдер), — одному Волкову случайно удалось бѣжать на самомъ мѣстѣ 22-го августа в Перми изъ под разстрѣла. Вслѣд за страшной ночью на 17-го іюля послѣдовало почти столь же гадкое и безобразное в ночь 18-го в Алапаевскѣ, куда переселены были на жительство в. кн. Елиз. Фед. с двумя сестрами московской Марфы-Маріинской общины, в. кн. Сергѣй Мих., сыновья в. кн. Кон. Конст. — Игорь, Іоани и Константин, кн. В. Палѣй и ихъ служители. Они помѣщались на краю города в зданіи «Напольной школы» под охраной караула из 6 красноармейцев и пользовались относительной свободой, работали в огородѣ, могли гулять в прилегающем полѣ и ходить в церковь. 21-го іюня жизнь заключенныхъ рѣзко измѣнилась: удалены были всѣ служащіе за исключеніемъ «сестры» Ягвѣловой при Елиз. Фед. и слуги Серг. Мих. — Ремежа, конфисковано имущество и установленъ «тюремный режим». Впрочем, этотъ «тюремный режим» под наблюденіемъ алапаевского исполкома не былъ слишкомъ строгъ и не помѣшалъ Серг. Мих. увѣдомить брата Николая в Вологдѣ о своемъ арестѣ инсказательной телеграммой: Салуэ м. Кофре э ле Пер Лустре, что означало, что всѣ они посажены в тюрьму и что письма подвергаются перлюстраціи.. Одновременно Серг. Мих. принесъ жалобу в областной совѣтъ, и из Екатеринбургa пришелъ отвѣтъ за подписью Бѣлобородова, что «заключеніе является предупредительной мѣрой противъ побѣга в виду исчезновенія Михаила в Перми». 17-го іюля в школу прибылъ чекист Старцевъ с группой «большевиковъ», смѣнилъ красноармейскую стражу и заявилъ, что всѣ арестованные будутъ ночью переведены в Верхне-Спиченскій завод. Ночью былъ инсценированъ побѣгъ заключенныхъ. Около зданія школы послышались взрывы гранат и ружейныхъ выстрѣловъ. Были по тревогѣ вызваны из казарм красноармейцы, разсыпаны цѣпью около школы, но оказалось, что «бѣлогвардейцы увезли на аэропланѣ» заключенныхъ. Рано утромъ алапаевскій исполкомъ телеграфировалъ в Екатеринбургъ, что «банды неизвѣстныхъ людей» напали на школу. Князьямъ и прислугѣ удалось бѣжать в неизвѣстномъ направленіи. Когда прибылъ отрядъ красноармейцевъ, банды бѣжали по направленію къ лѣсу. Задержать не удалось. Розыскъ продолжается». Аналогичная телеграмма была послана Бѣлобородовымъ в Москву и Петербургъ и напечатана в пермскихъ «Извѣстіяхъ»^{*)}. Свидѣтели послѣдствіи рассказали, что черезъ нѣсколько дней в городѣ стали говорить, что комиссары обманываютъ народъ, сочинивъ басни о похищеніи князей, а что на самомъ дѣлѣ князья ими убиты. Характерно, что в официальной телеграммѣ о похищеніи Елиз. Фед. не было сказано. Народная молва цѣпlichemъ подтвердилась: тѣла всѣхъ заключенныхъ

^{*)} Телеграмма отмѣчаетъ жертвы с обѣихъ сторонъ. Слѣдствіе установило, что мнимый «бандитъ» трупъ котораго былъ найденъ у школы послѣ увоза заключенныхъ, оказался мѣстнымъ крестьяниномъ, задержаннымъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ алапаевской чекой.

в «Напольной школѣ» были обнаружены в глубинѣ одной из старых шахт мѣстнаго рудника. По медицинско-полицейскому осмотру трупов было установлено: увезенные были «звѣрски» убиты, так как за исключеніем Серг. Мих., на тѣлѣ котораго были обнаружены огнестрѣльные пораненія, всѣ остальные были брошены в шахту живыми, — затѣм шахта была взорвана гранатами. Кто совершил это преступленіе?*) Слѣдствіе отзѣтило: екатеринбургскія и алапаевскія убійства — «продукт одной воли, одних лиц». Соколов цитирует показаніе арестованнаго чекиста Старцева, заявившаго, что алапаевскія убійства произошли «по приказанію Екатеринбургa» и что для руководства им оттуда пріѣзжал специально Сафаров, член уральскаго областного совѣта и редактор «Уральскаго Рабочаго». Дитерихс ссылается лишь на соответствующую телеграмму (но не приводит ее) из Екатеринбургa за подписью Сафарова, которую получил председатель алапаевскаго исполкома — телеграмма эта будто бы гласила: «Ликвируйте, согласно выработанному плану. Подробности нарочным». Возможно, однако, что алапаевская драма не связана непосредственно с драмой екатеринбургской или связана лишь косвенно — территоріей, временем и только отчасти лицами. И у Соколова, и у Дитерихса приведен один важный документ, разобратъ который в деталях нам еще предстоит. Он был оставлен среди других бѣжавших «в паникѣ» из Екатеринбургa большевицкими властями. Это подлинник телеграфной ленты переговоров 20-го іюля председателя ВЦИКА с неуказанным в лентѣ лицом из Екатеринбургa. По мнѣнію Соколова, это был Голощекин, по мнѣнію Дитерихса — Бѣлобородов. В концѣ концов, послѣднее не важно — оба были связаны с центром и занимали отвѣтственные посты. Но Соколов отбросил начало телеграфной ленты, имѣвшее непосредственное отношеніе к событіям в Алапаевскѣ. Бесѣда Москвы и Екатеринбургa начинается с запроса Свердлова: «Прежде всего, сообщи, работа Алапаевска дѣло рук Комиссіи или нѣтъ?» Отвѣт: «Сейчас об этом ничего не извѣстно. Производится разслѣдованіе». Свердлов: «Необходимо немедленно запросить Мотовилиху и Пермь. Примите мѣры скорѣйшему оповѣщенію нас». Этот разговор как будто бы не позволяет связать непосредственными узами событія в Екатеринбургѣ с алапаевским происшествіем. Загадка лежит в особой дѣятельности «Комиссіи» — партійной слѣдственной комиссіи, засѣдавшей в Перми и состоявшей из лѣвых элементов коммунистической партіи. К ней должен был быть близок Сафаров. Участники этой пермской комиссіи за мѣсяц перед тѣм, в ночь с 12-го по 13-е іюня, устроили тайное похищеніе в. кн. Михаила, — как прообраз того, что совершилось 18-го іюля в Алапаевскѣ. По этому

*) Для тѣх, кто спѣшит дѣлать заключеніе, добавим, что исполнителями алапаевскаго убійства, повидимому, всѣ были русскими по національности.

адресу и направляет вниманіе своего собесѣдника Свердлов, знавшій, очевидно, подлинную подоплеку пермскаго «побѣга». Обратимся и мы к событію, происшедшему в Перми и так тѣсно связанному с екатеринбургской и залаевской драмами.

С. Мельгунов.

(Окончаніе в слѣдующем номерѣ).

Р Ы Ж И К И

(Из повѣсти «Дѣтскіе страхи»).

— Ну вот уж выдумал. Какой же я богдыхан? — говорит Дмитрій Сафонович, поглаживая свой живот. — У богдыхана всегда брюхо, а у меня едва замѣтная покатость, да и то только в послѣобѣденные часы.

— Ходить надо! — поддерживает Колю Гриня.

Коля сидит на крашеных приступочках крыльца и ловкими красивыми пальцами доплетает из розовой лозы огромную корзину.

— Доплету, и в лѣс!

— А плетешь ты хорошо, — разглядывая корзину говорит Дмитрій Сафонович. — Апостол Павел тоже плел корзины и продавал их, чтобы не слышать упреков от злословящих его.

— И вам бы у Коли поучиться не грѣх — глядишь пригодится.

Но Коля заправил послѣднюю лозу, нагнул голову и острыми, как осколок стекла, зубами откусил горьковатый конец ея. От сплетенной корзины вѣяло рѣчной свѣжестью и вся она блестяла точно выкрашенная. Коля не сразу поднял голову. Свѣжій запах прутьиков заставил его в одно мгновеніе продѣлать длинный обратный путь в шумную мартовскую Москву, гдѣ на Красной площади, там, гдѣ сейчас придушил всякое дыханіе тяжелый гроб из литого стекла, продавали в Вербное воскресенье и тещин язык, и морских жителей в стеклянных трубочках, и свѣжую вербу, запах которой манил из Москвы на далекую рѣчку Псел. Коля уже тогда подозрѣвал, что всѣ эти тещины языки и черти оживут когда-нибудь и воцарятся на площади у подножія московских церквей. А воздушные шары, синіе, красные, зеленые, улетят в голубое небо и взглянувши оттуда вниз, в ужасѣ полопаются и посыпятся на землю разноцвѣтными, но мертвыми тряпочками.

— Ну что-ж ты? Запутался?

— Готово! — Коля прыгнул вниз с крылечка и взмахнул над головою тяжелой корзиной. — Идем.

— А ты, Гриня?

— Да я ж не богдыхан.

— Пойдем с нами, — зовет Коля, — грибов теперь по лѣсу — страсть... Вдвоем не дотащим.

— На каком ты это языкѣ говоришь, Колянька? В гимназіи тебѣ за такое обязательно кол влѣпят.

— Аксютка всегда говорит, когда много, — страсть. И сразу видно: тысяча тысячей. Пойдем с нами!

Гриня соглашается. Вниз по крутой дорогѣ мимо озера, всѣ трое отправляются в лѣс. Какой бы ни был жаркій июльскій день, когда на небѣ «ни одного облачка», Дмитрій Сафонович, все-таки, брал с собою черный с бамбуковой ручкой зонтик. Быть может, дѣйствительно, брал он его не от дождя, а от коров и быков.

— Вы не смѣйтесь, господа, — говорит он, — если бык на меня, я перед самой мордой его раскрываю зонтик — ж-ж-ж-жик! — и бык в обморок!

— Отойдите от меня всѣ боязливые...

— Нѣтъ, ты, Коля, молчи, предосторожность не есть боязливость. Это не про меня сказано. Какой я боязливый?!

Дорога минула озеро и теперь поднималась в гору, незамѣтно превращаясь в узкую тропинку, гѣснимую орѣшником. Временами с корнем вырванное деревцо преграждало путь, и тогда Коля ловко перепрыгивал через него, а Гриня приподнимал дерево, чтобы дать возможность Дмитрію Сафоновичу пролѣзть под ним. Лѣс становился диким и чары его усиливались с каждым шагом вглубь. Кое-гдѣ стали попадаться сосны. Преступная осина породнилась с невинной березкой и, утеревши вѣчную перепуганность свою, уже не трепетала здѣсь блѣдными листьями. Молодые побѣги дубовых кустов, почти совсѣм вытѣснили орѣшник. Запах хвои боролся с пряным запахом лиственных деревьев. Куда ни взглянешь, сердце отзовется лѣсу — как хорошо! Было о чем плакать некрасовской Сашѣ.

— Сыроѣжки не в счет! — предупреждает Коля, удаляясь от своих спутников. И через минуту слышен его звонкій полос: «бѣлый, и какой! Рыжик, два!» Всякій маленькій грибок, еще не выросшій из земли, а только чуть приподнявшій хвою — не ускользает от взгляда мальчика. Коля, оглядываясь, видит три-четыре гриба сразу и запомнив, гдѣ увидѣл их, летит от одного куста к другому. Корзину он отдал Дмитрію Сафоновичу и прибѣгает класть в нее аккуратно срѣзанные перочинным ножиком — рыжики, бѣлые грибы, бабки, подосинники и грузди. Найдя рыжик, он присаживается перед ним на корточки и, раздвигая листья и хвою, долго любуется им. Когда ножка гриба срѣзана, — ослѣпительно оранжевый кружок сіяет среди прогнивших листьев и Коля смотрит на него и жальѣет срѣзанный рыжик. Дмитрій Сафонович положил в корзину огромную волнушку и с гордостью говорит Коля: «У меня один, да самый большой!» Коля видит ошибку, но не хочет огорчить своего друга и подтверждает — «самый большой».

Гриня позвал Колю. Около старых пней выстроилась цѣлая армія оленок. Одни из них задорно взбѣгали на пни и шапкой набекрень клонились на сторону, другіе с опаской спускались вниз и стройными рядами выстраивались ша покрытых мохом корнях.

Коля замер в восторгѣ. В это время послышался крик Дмитрія Сафоновича:

— Ко-о-ленька! Вот тебѣ ужище, да какой!!

Мальчик стремглав бросился на зов, предчувствуя что-то недоброе. Дмитрій Сафонович улыбаясь стоял перед большой лѣсною гадюкой и шевелил ее кончиком своего зонтика. Черная змѣя свернулась в клубок и выгнула шею вопросительным знаком. Казалось, она сейчас прыгнет на своего обидчика. Все остальное произошло в одно мгновение: Коленька, пихнув своего друга с такой силой, что тот навзничь свалился в кусты, выхватил из его рук зонтик с бамбуковой ручкой и с размаху ударил по черному клубку.. Еще и еще. Змѣя повернулась, обнажив бѣлое брюхо, и пыталась уползти, но слѣдующій удар был нанесен ей в голову. Коля стоя блѣдный, нижняя губка его слегка вздрагивала — казалось он сейчас заплачет. Прибѣжал Гриня и взялъ за хвост двухаршинную змѣю. Дмитрій Сафонович, поднявшись из кустов, красный, с каплями пота на лбу, проговорил еле внятно: «и будет жалить тебя в пятю, а ты будешь поражать его в голову».

— Что ж вы, ужа от гадюки отличить не можете?! — сердится Гриня, — такой огромной и не видали! А толста..

— Страсть, — вторит Коля.

Всѣ трое вернулись к опенкам. «Цѣлый город!» — удивляется Дмитрій Сафонович. Коля присаживается на пенек и с восхищеніем смотрит на прижавшіеся друг к другу грибки, Гриня нагнулся к одному семейству и тянется рукою к золотистым шапочкам.

— Не трогай, Гриня, — говорит мальчик, — жаль.

— Кого?

— Опенки жаль.

— А змѣю тоже жаль?

— Нѣтъ. А не змѣю жаль.

— Ну вот еще. Одни умрут, другіе вырастут. Да здравствует закон вѣчнаго обновленія!

— И люди тоже так? — спрашивает Коля.

— И люди тоже.

— А я хочу чтобы все навсегда, — с грустью говорит мальчик.

— Ну что ты, Гриня, — вмѣшивается Дмитрій Сафонович, — обновленіе обновленіем, а я — это — я!

— Вы же говорили сейчас: и будет жалить тебя в пятю, а ты будешь поражать его в голову. Это про закон обновленія и сказано.

Коля что-то соображает. Пальчики его сжимают основную шишку, которая пріятно хрустит каждый раз, как ломаются ея деревянныя перышки.

— Ты, Гриня, говоришь и так и не так, — с трудом произносит он, — я змѣю убил потому что так надо, и когда послѣднюю змѣю на землѣ убьют, тогда и жалить некому будет. Значит и все навсегда..

— Ха-ха-ха! — торжествует Дмитрій Сафонович, — вот тебѣ и закон вѣчнаго обновленія. А ты говоришь: и люди тоже!

— Ну ладно, пусть навсегда, но не сегодня же.

Дмитрій Сафонович рад одержанной Колей побѣдѣ и опасаясь продолженія разговора, встает и направляется в глубь лѣса.

— Хоть один бы найти, — говорит он уходя.

Гриня разлеся у Колиных ног на мягкой мшистой землѣ и ласково спрашивает мальчика: «Ну о чем ты теперь? как съѣл, так и лоб нахмурил». Коля говорит с Гриней совсѣм по-иному — серьезно, — он любит говорить с ним.

— Люся рассказывает, что ей всегда один и тот же сон снится: будто ѣдет она на рыженькой лошаdkѣ задом наперед, а с неба золотые рублики сыпятся и всѣ кругом смѣются. Это хорошо.

— А тебѣ снятся сны?

— Страшные.

Гриня положил свою большую теплую руку на бѣлобрысую голову мальчика.

— Страшные сны непременно всѣм философам должны сниться, — с улыбкой говорит он, — но ты жизнь любишь и потому не погибнешь.

— А философы, — что это?

— Философы? Гм, это люди, которые живут не для того, чтобы думать, а думают для того, чтобы мочь жить. Не понял? Ну, люди, которые думают от страха.

«А-у-у!...» — донеслось из лѣсу.

Гриня и Коля пошли на голос.

— А-уу!.. — донеслось ближе. — Вот, вот смотрите, нашел. — кричит Дмитрій Сафонович. Он сидит на корточках и тычет в в птичье гнѣздо, с опаской одергивая палец.

В гнѣздѣ четыре маленьких птенчика и над ними — птенец-чудовище, явно на братьев своих не похожий. Птенец сердито раскрывает клюв, четко обрисованный замшевой ленточкой. Глаза его злы и безпокойны: вот-вот тыпнет Дмитрія Сафоновича за красный волосатый палец. Двѣ маленьких пичужки точно осы вьются вокруг, издавая отчаянные пронзительные крики.

— Что же с ним теперь дѣлать? — говорит Гриня, — вѣдь этот тоже вроде змѣи.

— Ну, теперь пускай уж, вѣдь онѣ думают, что это их птеник, — указывает Коля на взволнованных птичек.

— Вот, брат, казія! — не может успокоиться Дмитрій Сафонович. — Этакое чучело! Неужели они не поймут, что это кукушкин?

— Инстинкт подарил птицѣ крыло, но отнял всякое соображеніе, — смѣется Гриня.

— Да как же так? положить яйцо в чужое гнѣздо и ждать, покуда эти пташки выкормят такого тулеядца!?

— Пойдемте, Дмитрій Сафонович, сего наш человѣчскій

разум понять не может, — повторяет Коля слова, столько раз слышанные от своего друга. В это время вдали бархатным голосом крикнула кукушка.

— Кукушка, кукушка, сколько мнѣ лѣтъ жить? — одновременно сказали Коля и Дмитрій Сафонович. Кукушка начала было отсчитывать года, но поперхнулась и замолкла.

— Ну, вот, я скоро умру, — задумчиво говорит Коля.

— Да что ты, что ты. Ты что? — не в мѣру всполошился Дмитрій Сафонович. — Во-первых и не ты вовсе спросил, а я. Я и помру.

— Да ну вас, суевѣры! — восклицает Гриня.

— Суевѣры, суевѣры... Тебѣ все суевѣріе, и кошка дорогу перебѣжит — тоже суевѣріе. Скоро помру! Да как ты смѣешь говорить такое!?

— Ну хорошо, — успокаивает Гриня, — вмѣстѣ спросили, потому она и кричать перестала. Вмѣстѣ не считается.

Дмитрій Сафонович послѣ такого заключенія мгновенно успокаивается и смотрит на часы. «Ого, уже шесть».

Коля прищуривается на заходящее солнце и поправляет: «Почти семь, у вас часы стали».

— Да, стали, — удивляется Дмитрій Сафонович, — идем скорѣе, — и круто поворачивает назад.

— Не туда идете.

— Как не туда? Отсюда пришли, сюда и возвращаемся.

— Да нѣтъ-же, — настаивает Коля. Гриня разводит руками и склоняется к мишнью Дмитрія Сафоновича. Мальчику лѣнь спорить и он соглашается: — Пройдемте немного и сами увидите.

Сумерки наступают в лѣсу сразу, будто сторожат заблудившихся. Только поймут тѣ, что зашли не туда — небо уже потемнѣло, над верхушками сосен зажглась звѣзда, а вдали промяукал сыч о том, что не всѣ еще змѣи убиты на землѣ, и смерть слѣдит за людьми ненасытными глазами теперь, как слѣдила за ними отвѣка.

— Ну вот и наша полянка, — торопит Дмитрій Сафонович. Но полянка оказалась опушкой лѣса, переходящей в зеленый сырой луг, поросшій острой рѣжущей руки травой.

— Вот те на... Цимбаловскія болота! Вишь, куда зашли, — растерянно смотрит на Колю Дмитрій Сафонович.

Нѣсколько мелких холодных капель хлестнули по лицам блуждающих. Казалось, падали они не с неба, а принесло их из непроходимых болот, над которыми клубами поднимался бѣлый туман.

Это были тѣ Цимбаловскія болота, в трясинѣ которых утонул восьмилѣтній Ванюша. Шел он тогда по лугу со своею сестрой Парашей, как вдруг из под самых ног его выскользнул коростель или, как говорят у нас и по всей округѣ, — дергач. Выскользнул и промеж кочек побѣжал к высокой рѣжущей руки травѣ. Эти тяжелыя птицы, раз научившись летать, предпочли все же бѣгать

на своих крѣпких ножках по землѣ — так надежныѣ, вѣроятно, думают онѣ. Ванюша бросился за дергачем и попал в трясины. Сестра долго металась вокруг него, пытаясь стать босой ногою на зловѣщую зыбкую топь, а мальчик уже по пояс в трясинѣ звал обезсильѣвшим голосом: «Пашенька, Пашенька, помоги!»

Параша тогда убѣжала прочь, а много позже нашли ее жившей на стройной осинѣ у самой опушки лѣса. Когда вечерѣет и бѣлый туман поднимается над Цимбаловскими болотами, чуть слышный голос, нѣтъ-нѣтъ да и позовет: «Пашенька, помоги!»

Порою слышится он из тумана, порою раздастся над самым ухом, а порою кажется, что жалобный голос этот вырвался из вашей же груди.

Путники в нерѣшимости стояли на опушкѣ лѣса, когда тихій голос донесся до их слуха: «Пашенька, Пашенька, помоги!»

— Что это? — отшатнулся в сторону Дмитрій Сафонович.

— Ракиты скрипят, шелестят камыши, — говорит Гриня.

«Пашенька, Пашенька, помоги!» — явственно послышалось над самым ухом.

— Какіе же камыши, какая ж ракета? — еле слышно шепчет Дмитрій Сафонович. Коля молчит, его не пугает голос. Это именно ему кажется, что тихая жалоба вырвалась из его собственной груди.

Гриня оглядывается и на краю лѣса замѣчает стертую сумерками сторожку.

— Переночевать будет гдѣ, — говорит он, — идемте.

Коленька остается на мѣстѣ.

— Ну что ж ты?

— Я не пойду туда. Туда нельзя.

Мальчик, растопырив пальцы, отставил руки назад и весь дрожит. Глаза его — два колодца, в которых нѣтъ дна.

— Да что ты, Коленька? — Гриня говорит простым ровным голосом, но какая то нотка безпокойства передается и ему. Дмитрій Сафонович поглядывает то на одного, то на другого и нерѣшительно спрашивает: — Почему нельзя?..

— Развѣ не видите?

— Да что «видите?» Что ты видишь?

— Не вижу, а так.. — Коля пятится назад, умоляюще глядя на Гриню.

— Коленька, успокойся. Ты с этой змѣею разволновался. Что тебѣ чудится? — Гриня берет мальчика за руку. Маленькая ладошь его покрыта каплями пота.

Ночь бросила на землю еще одну туманно-сѣрую кисею, потом голубую, синюю.. и вот-вот прикроет всю землю черным бархатным пологом.

Путники подошли к избушкѣ. Дубовый сруб стоял низко у самого луга. Калитка в маленькій двор была не заперта. «Эй, кто там?» — крикнул Гриня. «Кто там?» — повторил Дмитрій Сафо-

нович. Отвѣта не послѣдовало. Тогда Гриня пошел к настежь отворенной двери избышки.

Всѣ трое дошли до порога. На стеклах маленькаго окна отражался, невѣдомо откуда, слабый отблеск. В тѣсной комнаткѣ стоял неубранный стол. Стул на трех ножках перекоился набок и повернулся к вошедшим. Вдоль стѣны на широкой лавкѣ, высоко поднявъ бороду к потолку и свѣсив до полу обѣ руки, лежал мертвый.

— Теперь пойдём, Гриня.. — еле слышно прошептал Коленка.

— Ну нѣтъ, никуда мы не пойдём, — спокойно, но неестественно громко отвѣтил Гриня, — заночуем здѣсь. Помогите мнѣ, Дмитрій Сафонович. — И Гриня взялъ мертваго за плечи.

— Что ты дѣлаешь, Гриня, — зашептал крестясь Дмитрій Сафонович.

— На дворѣ скамейка, помогите мнѣ перенести его. Ну, живо!

Дмитрій Сафонович уронил корзинку и рыжикі разсыпались по земляному полу. Умершаго уложили на скамейку. Коленка стоялъ на порогѣ. Теперь холодный дождь моросил так, как-будто и не было никогда яснаго лѣтняго дня, как будто люди знали о таком днѣ только по наслышкѣ, а дождь и туман были всегда и навсегда останутся.

Когда вернулись в избу, мальчик с упреком сказал:

— Как же так, Гриня, а дожди?

— Ничего, — отвѣтил Гриня, — мертвому и под дождем хорошо, а ты мальчик, не думай ни о чем и спи спокойно. Умаялся, небось, герой..

На просторной печи можно было легко помѣститься втроем — мальчик почти не занимал мѣста. Гриня закрылъ на крючки ставни и подойдя к двери опустил засов. Тяжелый засов звякнувъ влип между дверью и чугунной лапкой, придѣланной к дубовому срубу избы. Гриня поднялся на печь и уложил мальчика.

— Спи мой милый, спи до утра, — проговорил он ласково.

«Ишь какой он», — подумал про себя мальчик.

Дмитрій Сафонович вытянулся рядом.

— Мы утверждаем дѣйствительность, — слышит мальчик, как Гриня глуховатым голосом поучает Дмитрія Сафоновича. — Мертвый выходит из орбиты этого утверждения. Мы его боимся. Он не только не помогает нам, но нам самим надо утверждать его.

— Но как же утверждать его? — прошептал в отвѣтъ Дмитрій Сафонович и вздохнул так шумно, что большая муха сорвалась с потолка и долго потом летала по комнатѣ, стучаясь слѣпой головою о потолокъ и стѣны избы. Наконец она жалобно жужжала и затихла гдѣ-то в дальнем углу.

Тончайшія нити звуков потянулись изо всѣх концов избы к ногам, рукам и головѣ мальчика. Один комар выводил такую замысловатую мелодію, что жужжаніе других казалось всего лишь аккомпанементом к ней, — первая скрипка. И как стройно поспѣ-

вают за ней всё другія. Коленькѣ представляется большой зал с хрустальными люстрами. На эстрадѣ один скрипач, впереди всѣх, изогнулся в удивительной позѣ, другіе стоят, как вкопанные, и только смычки их медленно двигаются назад и наполняют зал жалобным стоном, не давая первому голосу вырваться и улетѣть прочь. Рукава и длинныя фалды черных фраков окутали люстры, черная крышка рояля уперлась в потолокъ и зал провалился во тьму.

Когда мальчик проснулся, то не сразу сообразил, гдѣ он, Пыльный луч солнца пробивался сквозь наглухо закрытые ставни и освѣщал разсыпанные по полу рыжики. Мальчик повернулся к спящим и вспомнил все. Дмитрій Сафонович лежал рядом скрестив на животѣ волосатыя руки и храпѣлъ присвистывая с таким мастерством, что для Коли не было сомнѣнія в том, что в обѣих ноздрях его сіяющаго носа были вдѣланы двѣ разнаго тона свистульки, какія вставляют кустари в глиняных голубей и уток, продающихся по воскресным дням на базарах и в Лебединѣ, и в Сумах, и в Михайловкѣ. Коля улыбнулся и перевел взгляд на Грину. Судорога пробѣжала по тѣлу мальчика: Гриня сидѣлъ упершись в печь руками и, казалось, влип спиною в закоптѣлую стѣнку. Страшно раскрытыми глазами он смотрѣлъ в сторону двери.

Коля повернул голову.

Дубовая дверь была попрежнему наглухо заперта, и чугунный засов тяжело лежал на своем мѣстѣ. Вдоль стѣнки на широкой лавкѣ лежал мертвый и вода каплями стекала с его одежды на земляной пол.

Юрій Одарченко.

ВЕСЕННЕЕ СВИДАНІЕ

(Разсказ).

I

Тонкая, бллая рука Андрея Васильевича повисла в воздухъ: дверь оказалась настежь открытой.

Разстояніе от станціи подземной желѣзной дороги до кафе было небольшое: оббитый плюшем боковой фасад старой церкви; продолговатое озеро площади, пестрое от двойного потока длинных, разноцвѣтных, с водолазными глазами, автомобилей. Но долго ли было замѣтить, что каштаны на бульварѣ за ночь зазеленѣли, перламутровыя пуговицы на угловом лоткѣ заблестили, как елочные звѣзды, а зубы кино-звѣзд на сине-красных обложках, плотно облѣпивших газетный кіоскъ, расцвѣтились, как перламутр.

И если бы сложный період, разоблачавшій ошибки основоположников современной физики, успѣлъ окончательно сложиться в мозгъ Андрея Васильевича в подземном мракѣ туннеля, он, разумѣется, не мог бы не замѣтить, что, как каждый год, весна в Парижѣ наступила внезапно.

Как всегда в голубые дни, кафе казалось полутемным. Медленно, словно опираясь на свой явно профессорскій портфель — не полупустой, как у начинающаго адвоката, но и не разбухшій, студенческой, допускающій самыя смѣлыя предположенія о его содержимом, — Андрей Васильевич дошел до середины зала. Здѣсь, под двумя образовавшими прямой угол раскрашенными китайцами, спинки длинных диванов составляли границу, которой они за долгіе годы встрѣч не перешли ни разу.

Когда-то она неизмѣнно приходила ранѣе назначеннаго часа; взволнованная, нетерпѣливая, опускалась на ближайшій к дверям стул и смотрѣла, не отрываясь, на улицу, ничего не видя, кромѣ мужских силуэтов, которые на какую-то долю секунды могли ввести ее в счастливое заблужденіе. И когда, наконец, наступало избавленіе, и сердце ея становилось на мѣсто, лакей переносил петронутую чашку ея остывшаго кофе на столик «под божками», и они устраивались рядом на холодном темном диванѣ.

В этот ранній послѣполуденный час «их» мѣсто было свободно. Андрей Васильевич шокорно протиснулся в тѣсное, как корридор вагона, пространство между островом столика и узкой прибрежной полосой дивана и, сѣвъ в угол, разложил перед собой

длинныя корректурныя гранки. Фразу, показавшуюся ему недостаточно ядовитой, необходимо было передѣлать немедленно. Он разыскалъ нужное мѣсто текста, и ровныя, четкія строчки побѣжали по желтоватым негладким полям.

Ея опозданіе было, в нѣкотором родѣ, удачей. Андрей Васильевич улыбнулся и, прежде чѣм перечестъ написанное, посмотрѣлъ на отражавшійся в зеркалѣ круглый циферблат. Для человѣка, изучившаго роль часов в исторіи цивилизаціи, возстановить положеніе помѣнявшихся мѣстами стрѣлок было дѣлом несложным. Между тѣм взгляд его, казалось, задержался дольше чѣм нужно на двѣнадцати матовых полосках, самое тождество которых свидѣтельствовало о незыблемости счета времени, установленнаго человѣчеством.

Тринадцатая, бѣлая полоса, обнаружившая неожиданную кривизну и блеск, и перенесшая его вниманіе — и геометрически, и логически — в другую плоскость, оказалась ничѣм иным, как раздѣлявшим темныя, неподвижныя волны женских волос узким пробором. Нехитрая прическа, высокій, загорѣлый лоб над густыми полудуніями бровей, шелковая бахрома опущенных рѣсниц и согнутая кое как пополам книга в дѣтской рукѣ с недорогим опаловым кольцом, показались ему странно знакомыми. «Только русскіе обращаются так с книгами... Сколько ни живут в Европѣ, не научатся уважать то, что по настоящему достойно уваженія...» Поставив жирную, немедленно расплывшуюся на зернистой бумагѣ точку, Андрей Васильевич, как всегда в минуты раздраженія, вытащил из жилетнаго кармана темную, обкуренную трубку и, нервно ковыряя в ней чѣм-то похожим на варварскую русскую ухвертку, попробовал вернуться к своей корректурѣ. Но застрявшее в мозгу сходство мѣшало уловить погрѣшность в изложеніи опытов Галилея. Сдвинув желто-серебряныя брови, — (с нѣкотораго времени остатки его когда-то огненных волос, доставлявших ему в юности столько сентиментальных, и даже полицейских, тревог, приобрѣли почти ангельски-кроткій оттѣнок), и так и не закурив, он снова перемѣнил «ухвертку» на американское самопишущее перо. В ту же минуту неискушенная в законах отраженія дѣвушка встала с мѣста и, сдѣлав нѣсколько шагов, остановилась возлѣ него, поднявъ голову к часам. И, раньше чѣм Андрей Васильевич успѣлъ принять мѣры, столик ея покачнулся, и небыстрый кофейный ручеекъ перестѣкъ сомнительныя строчки, явно стремясь добраться до кожанаго кисета с табаком.

— Je suis désolée, Monsieur, je suis absolument navrée...

Теперь она смотрѣла на него огромными, темно-зелеными глазами и, вопреки отражавшемуся в них раскаянію, гдѣ-то, в их непрозрачной глубинѣ, родилась непрощенная улыбка: пухлыя, красныя изнутри, от избытка живой крови, губы раздвинулись и, точно изливаясь из прелестных ямочек на щеках, теплый румянец освѣтил милое лицо...

— Je vous en prie, chère Mademoiselle, il n'y a aucun mal...

Андрей Васильевич, вѣрно, и сам бы удивился, если бы слышал до конца неожиданно-мягкий отгѣнок своего голоса. Слово «сhère», пожалуй, тоже было не совсѣм умѣстно в обращеніи к незнакомой молодой дѣвушкѣ, к тому же француженкѣ. Ея пѣвучій парижскій акцент и, несмотря на совершенную неловкость, какая-то неуловимая четкость движеній, не оставляли сомнѣній в том, что небрежное обращеніе с продуктом человѣческой мысли было в ней не русской, а просто женской чертой. «Вот и Людмила Николаевна, так страстно любящая книги...» И тотчас же ему стало ясно, что она просто похожа на Людмилу Николаевну. И дѣтская улыбка, и зеленая заводь удлиненных глаз, и даже мгновенно зажегшійся румянец чудесным образом вызвали из смутной дали дѣт «Милочку». Такою он в первый раз увидѣл ее на площадкѣ сѣрой петербургской лѣстницы, когда она не то от нетерпѣнія, не то от холода, пажав слишком рано на металлическую ручку лифта, остановила его. Нѣсколько секунд Андрей Васильевич смотрѣл тогда на нее снизу вверх и, покуда она помогала ему выбраться из тѣснаго ящика, держал ее маленькую руку с опаловым кольцом (даже кольцо было похоже!) и объяснял ей, что он и есть товарищ ея брата. «прапорщик-артиллерист» Андрей Мичурин.

Кажется, он тогда же подумал, что хорошо бы поцѣловать ее именно в эти очаровательныя ямочки.. И никогда потом этого не сдѣлал, как никогда не позволил родившейся, вѣрно, тогда же нѣжности проникнуть за бастион эфемерной его свободы.

От прохлады петербургских бѣлых ночей до неумолимаго провансальскаго солнца, через переполненные перепуганными людьми города гетманской Украины и ослѣпительныя от известковой пыли дороги голоднаго Крыма, через зеленыя горы Шварцвальда и берега Атлантическаго океана, через мелькающія как верстовыя столбы на долгом пути, окна и зеркала парижских кафе, пронес он эту странную глухую страсть, ни разу не захотѣвши назвать ее своим именем.

И это слово, такое милое, такое русское слово «Милочка» — ни разу не произнес он и не написал он его. А писал он ей всегда и отовсюду — это в концѣ концов сдѣлалось таким же своеобразным суевѣріем, как брать с собой в путешествіе истрепанный, устарѣлый путеводитель.

Она тщательно хранила эти немногословныя письма, со странным обращеніем, точно позаимствованным из «Почтоваго Ящика» женскаго журнала. Сам же он, раз пробѣжав глазами густо исписанные лиловые листки, аккуратно складывал их вчетверо и медленно рвал по безупречно ровным сгибам.

Как-то раз он даже сказал Людмилѣ Николаевнѣ, что было бы непріятно, если бы, умри она внезапно, напримѣр в желѣзнодорожной катастрофѣ, — чей-нибудь нескромный взгляд прочел бы между строк «истинный характер их отношеній». Она тогда испуганно посмотрѣла на него, вдруг поняв, что всѣ ея — счастливыя или печальныя, но всегда рожденныя в головокружитель-

ной глубинѣ ея любви, — слова, гибнут насильственной смертью. Засмѣялась коротким смѣшком и общала беречь и себя, и письма.

Все это было давно. И Андрей Васильевич никак не мог бы объяснить, почему сейчас вдруг с неумолимой яркостью вновь увидѣл ея поблѣднѣвшее тогда лицо, с потемнѣвшими зрачками, и почувствовал, как близка она была в ту минуту к слезам. Тогда, во всяком случаѣ, разговор он прекратил, убѣдившись в его бесполезности. К тому же к женским слезам он всегда относился как к нелояльному оружію, нарушающему равенство сил противников, и противорѣчащему его представлѣніям о «душевной стыдливости». Впрочем, если бы она и заплакала, он, вѣрно, сумѣл бы этого не замѣтить, как сумѣл не замѣтить в осенній дождливый вечер, в этом же парижском кафѣ, внезапного «слѣплого дождика» (это было ея выраженіе) на ее загорѣлом от недавняго горнаго солнца лицѣ. Из миклы и грустных глаз ея текли ровныя, безшумныя капли, на мгновеніе задерживаясь в неожиданных ямочках насильственной улыбки и попадая в недопитый, как всегда, кофе. Что, в самом дѣлѣ, мог бы он ей сказать, если слезы ея были вызваны тѣм самым извѣстіем об его отъѣздѣ в далекую восточную столицу, которое для него воскрешало иллюзію прежних шатаній по земному шару, в поисках неожиданных горизонтов.

С тѣх пор, утратив вкус к «жизни насквознякъ», он впервые, в черной для его второй родины час, избрал путь наименьшаго сопротивленія. Через моря и континенты привел его этот путь на полуостров, устремленный в небо не остріями готических колоколен, а плоскими крышами шумных дансингов. Теперь это кругосвѣтное путешествіе (мечта, сбывшаяся, как это часто бывает, в искаженном видѣ) — было сложено в дальнем, рѣдко посѣщаемом углу памяти, и он не мог бы извлечь оттуда ни одного из ослѣпительных ландшафтов, промелькнувших перед его утомленными полуопущенными вѣками, с такой отчетливостью, с какой затуманенные глаза трепетно влюбленной Милочки неожиданно стали на мѣсто причудливых меандров математическаго анализа.

«Рая я себѣ не представляю никак», сказала Людмила Николаевна, когда он рассказывал ей об островѣ, гдѣ, по преданію, цвѣло дерево добра и зла. «Но ад я знаю; ад — это сознаніе вины перед человеком, котораго больше нѣтъ в живых, когда надежды заглядить нѣтъ...»

Неожиданный экскурс в прошлое начинал становится неприятным. Мичурин недовольно поднял голову. «Так-ли уж, правда, эта маленькая неуклюжая француженка была похожа на Милочку?» Но столик под часами был пуст. Андрей Васильевич успѣл только замѣтить в дверях блестящее полукольцо лакированнаго кушака, темный узел волос и мужскую руку на узком, почти дѣтском плечѣ. Потом ея безоблачное лицо проплыло в сіяющем окнѣ и исчезло, растаяв в зеленом блескѣ весны..

«Вот кто сейчас твердо знает, что такое рай», подумал Андрей Васильевич. Окончательно выбросив из головы Галилея, он по-

смотрѣлъ внимательно на свои руки — то немного, что ему нравилось в его наружности, — и вдруг, с необычайной силой воображенія — такой уж выдался странный день — представил себѣ, как он здѣсь же в кафэ, обнимает за плечи Людмилу Николаевну. Она сразу станет похожей на петербургскую Милочку, и он, глядя прямо в ея большіе зеленые глаза, скажет ей всѣ тѣ слова, которыхъ она напрасно ждала столько лѣтъ. Потом они уйдут отсюда и растворятся, как тѣ двое, в собственномъ счастьи.

И совѣм как дѣлала в былые годы Милочка, он стал внимательно всматриваться в прохожих, и, не зная с какой стороны появится небольшая, легкая фигурка, переводить глаза с окна на дверь.

Гдѣ-то, не очень ясная, мелькнула мысль, что опозданіе ея становится странным, «а она так неловко переходит через улицы». Но останавливаться на этой мысли, значило бы понять, что такое «ад», а Андрей Васильевич уж и без того слишком долго оперировал сегодня понятіями, давно исключенными из его хорошо устроеннаго «интеллектуальнаго хозяйства». Теперь просто было необходимо, чтобы Милочка пришла поскорѣе, покуда он еще твердо знал, что нужно ей сказать.

Когда-то давно, — очень давно! — позвонив ей в час завтрака из сосѣдняго городка в горную гостиницу, он в такой же внезапной, необъѣдимой лихорадкѣ, ждал ее у телефона. Но услышав взволнованный, заранѣе на все согласный голос, нашел только день, час и адрес, куда она должна была прѣхать на очередное «свиданіе монархов» (тоже ея словцо!).

В послѣдній разъ вернувшись к прошлому, Андрей Васильевич стал, уже не отрываясь, смотрѣть на дверь. Вмѣстѣ с солнцем и трохотом, в кафэ входили чужіе, ненужные люди. А Милочки все не было...

II.

«Angoisse», пожалуй, по русски «сердечная тоска», но как сказать «тоска» по французски? Людмила Николаевна — в который уже раз — подумала, что слова в разныхъ языкахъ заходятъ одно за другое, никогда не совпадая, и что переводчики поневолѣ становятся людьми компромисса, и глубоко вздохнув, повернулась лицомъ к комнатѣ, к буднямъ, к «ближнему».

Почувствовав, что сопротивленіе слабѣет, противникъ атаковал сразу. Телефон, звонки на парадномъ, уборщица, прачка — со всѣхъ сторонъ шла на нее жизнь. За окномъ звенѣлъ веселый гулъ весенняго Парижа и, время от времени, она с облегченіемъ вспоминала, что в сегодняшнемъ днѣ — будутъ два часа «большой перемѣны». Выраженіе казалось ей удачнымъ и, хотя она навѣрное знала, что никакая сила в мірѣ не можетъ сдѣлать, чтобы в желтѣвшемъ на полу конвертѣ оказалось что-нибудь другое, а не четырехзначный телефонный счет, она подняла конверт, улыбаясь. Но

веселая, нарядная француженка, которой необходимо было срочно научиться понимать по нѣмцки, чтобы «занять отвѣтственный пост в зонѣ», сидѣла гораздо дольше, чѣм это было нужно. Дни, часы, дѣна, все было выяснено, а она не уходила, стараясь извлечь из этого еще бесплатнаго разговора первыя полезныя свѣдѣнія об утрашающем среднем родѣ и совсѣм уже непонятных склоненіях. Людмила Николаевна любезно улыбалась (как всегда — пока не доказано противное!) и украдкой посматривала на часы.

Когда, наконец, сидя перед тускловатым зеркалом, она стала неловко укладывать в локоны слишком медленно сдѣвшіе волосы, раздался телефонный звонок. Издатель переносил завтрашнее свиданіе на сегодня. Отказать было нельзя, но пробный перевод не был переписан до конца. Людмила Николаевна воткнула вѣлѣбую гребень и, не выпуская изо рта нѣскольких «невидимок», открыла машинку.

О метро нечего было и думать. Пометавшись минут десять по площади и вливающимся в нее радіусам широких улиц. Людмила Николаевна опередила прихрамывавшаго сѣдоватаго господина с красной розеткой в петлицѣ и, стараясь не смотрѣть на него, втиснулась наконец в желтую, как яичница, коробку такси. Она уже знала, что безнадежно опаздывала и, так как вопреки распространенному предразсудку, часы не останавливаются и в такси, а издатель долго ждать не станет, было ясно, что для кафэ, для «интеллектуальной гастрономіи», времени не остается. Зато вмѣсто налегающих со всѣх сторон плеч, рук и бедер, вмѣсто мелькающих перед глазами загадочных — (что они значат?) — бѣлых кругов с черными крестами на сѣрых стѣнах туннеля, в автомобиль было одиноко и тихо. За дребезжавшими стеклами небыстро бѣжали сиреневыя набережныя. Узкая полоса зеркала отражала слегка колебавшееся под синей вуалью усталое женское лицо. Людмила Николаевна вынула пудреницу, похлопала пушком по крыльям носа, смахнула мгновенно образовавшійся на отвѣротах блѣдно-розовый палет и, как дѣлают манекены, чтобы не заставлять ждать кліентов, провела, не глядя, помадой по верхней губѣ, крѣпко сжав рот. «Забыла надушиться, экая досада... Раньше никогда не забывала...» «Раньше» это было в той, до-военной жизни, когда к свиданію она начинала готовиться за недѣлю вперед и выходила из дому нарядная, счастливая оттого, что кончилось напряженное ожиданіе звонка или письма, откладывающаго «праздник» на неопредѣленное время. А возвращаясь, неизмѣнно вспоминала дѣтство, разноцвѣтные огарки на синем блюдѣ, гдѣ еще так недавно сіял и переливался шоколадный пирог, и отчаянную, непоправимую пустоту от сознанія, что теперь нужно будет цѣлый год ждать слѣдующих именин, а пока жить кое-как, лишь бы дождаться.

Людмила Николаевна еще раз разсѣянно взглянула на опущенные углы рта, на раскрытый вѣер морщинок у глаз и

не думая больше об опоздании, с радостью заметила впереди яркую, зеленоватую линию бульвара. «Верно, подъём-то здесь, в одной из таких длинных тихих улиц, с высокими заборами и чугунными воротами, Свани почувствовал внезапное избавление от наводнения любви».

Сама она только раз пережила чудо мгновенного раскрытия и часто потом говорила, что если есть в мире что-либо непонятное любви, то это именно внезапный ее конец. Непомнящий разросшийся «первый план», заполнявший всю поверхность душевного экрана, вдруг сжался до нормальных размеров, и как одиноко удаляющаяся чаплинская фигурка, слился с горизонтом, открыв ей вновь все многообразие жизни. Но весь этот эпизод, бурный и короткий, как майская гроза, пронесся над нею, как говорят, «не причинив значительных разрушений».

Любовь же ее к Андрею Васильевичу умирала так же долго и мучительно, как жила.

В годы их последней, самой продолжительной и самой, казалось, безнадежной разлуки, в годы, когда страх смерти блуждал только перед ужасом жизни, читая бессонными ночами книгу своей молодости, она все реже открывала ее на неоконченной главе об этой странной любви. Все реже, прислушиваясь с остановившимся сердцем к одиноким солдатским шагам на большой дороге, за глухой каменной стеной, она представляла себя, как он сейчас поднимается, не торопясь, на незнакомую ей кафедру, раскладывает перед собой портфель, плоские, золотые часы, аккуратные большие прямоугольники с замками: 1), 2), 3) и, глухо откашлявшись, начинает говорить о... квантах. Вскорь она начала мучительно завидовать всем, для кого утро не означает сигнала к сражению с собой и с миром, забывала об Андрее Васильевиче, и, сердясь на себя, на нетопленную комнату, на хозяев, точно сбывавших из паноптикума, поворачивалась к холодной стене и тревожно засыпала.

Когда же, вместе с мебелью, занавесками и тарелками, исчезло под бомбами все то, что она всерьез считала своим, она, даже не слишком удивившись, поняла, что ей больше жаль итальянских фотографий, чем нарядной, обтянутой весенним кретоном коробки с тяжелым ворохом поблуждавших писем..

«Вот и вышло, что в катастрофе погибла не я, а они.. А я осталась как этот никому ненужный цоколь без памятника», вдруг подумала она, взглянув на промелькнувшую в окне грязновато белую пробку, потерявшую своего великого человека.. — «Сказать бы это Андрею Васильевичу?» Он слегка закинет голову и, сощурив глаза, негромко разсмеется. В коричневых зрачках загорятся золотые искорки, и ничего не останется от спокойного сдвигатого профессора, кроме симметричного блеска коронок по углам рта.

Часы на руке, как всегда, сильно сплывили и, прежде чем она успела отсчитать нужное количество минут, ее отбросило назад, и автомобиль, миновав открытую дверь кафе, поровнялся с одиноким плетеным креслом и резко остановился.

Потому-ли, что она оказалась между окном и дверью, или просто взгляд Андрея Васильевича дал перелет, но она, порывшись в нѣдрах поношенной сумки и дав на чай значительно больше, чѣм хотѣла, уже подходила к его столику, а он все еще искал глазами на солнечном бульварѣ легкую, проворную Милочку.

— Ради Бога, простите... Я хотѣла позвонить, но тут всегда занято... — она говорила быстро, слегка задыхаясь, и, не пытаясь пробраться на диван, присѣла на край стула. — Издатель требует пробный перевод непременно сегодня, не позже трех... Пришлось переписывать. А теперь надо схватить прямо к нему... Вы не сердитесь?

Андрей Васильевич, как будто только сейчас поняв, что ждать больше не нужно, увидѣл, наконец, в лучах равнодушнаго солнца, немолодую, тяжеловатую женщину, с просѣдью в волосах, с опущенными углами небрежно нарумяннаго рта. Сквозь вуалетку, ея виноватые усталые глаза казались синими и глубокими, а вся она, торопливая и утомленная, ни на кого не похожая, каким-то непонятным образом была совсѣм чужой, — и, вмѣстѣ, самой близкой: единственным «свидѣтелем исторіи»!

— Что вы на меня так смотрите, Андрей Васильевич? Что-нибудь не так? Я так торопилась... — Она слегка приподнялась, пытаясь рассмотреть себя в далеком холодном зеркалѣ.

— Нѣтъ, ничего, все как нужно. — Андрей Васильевич положил свою ладонь на ея маленькую дѣтскую руку, которой она тщетно старалась справиться с непослушным замком сумки. — Не надо, все в порядкѣ... Я просто почти уже не ждал вас... Смотрѣл тут на молодёжь и думал, что если бы мы... если бы я был сейчас как они, непременно в такой весенній день опять влюбился бы в ...Милочку.

Это было нелѣпо, почти невѣроятно, но несомнѣнно: в первый раз за десятилѣтія их близости, он произнес ея имя. Произнес запнувшись и сейчас же, не глядя на нее, сдѣлал знак лакею.

— Миѣ ничего не нужно, — горлом сказала Людмила Николаевна. — Я должна уйти сейчас же, а то не застану... — Точно чего-то испугавшись, она замолчала, легко закрыв глаза ладонью.

Андрей Васильевич неторопливо расплатился и грустно покосившись на кофейное пятно, уложил свои корректуры.

— Ну, что-же, тогда пойдемте. — Голос его был на пол-тона ниже обычнаго, на вискѣ билась синяя жилка. — Я посажу вас в такси.

Как всегда, он первый пошел к двери, не дожидаясь ее, и не оглядываясь. Сколько раз хотѣла она ему сказать, что только еврей, в ея родном провинціальном городѣ, шли в синагогу впереди своих жен, да и то потому, что так требовала традиція — (и, разумѣется, никогда не сказала). Но на этот раз она была ему благодарна за тѣ нѣсколько секунд, которых ей казалось достаточно, чтобы справиться с собой. Она быстро нагнала его и, уже стоя в дверях,

положила руку на его сѣрое, мохнатое плечо: «Я думаю, мнѣ лучше сначала позвонить... Может быть, он уже ушел.. Вам я тоже позвоню... В концѣ недѣли.. До свиданья, дружок...»

Все так же торопясь, она повернулась и исчезла в глубинѣ зала, в узкой желтой клѣткѣ. Неподвижная голова странной черной птицы смотрѣла на нее десятью круглыми глазами... «Одеон». Забыв о жетонѣ, она вложила палец в послѣднее, самое круглое отверстие, и, вдруг, охватив руками толстый красный горб на груди птицы, прижалась к нему поблѣнѣвшим лицом, и плечи ея безшумно и горестно затрепетали.

«C'est une cabine publique; quand le numéro n'est pas libre, on cède le tour au suivant », — говорил рядом чей-то молодой и недовольный голос.

Она растерянно емотрѣлась, вытерла покраснѣвшіе глаза, опустила буалетку и, безнадежно махнув ручкой в сторону телефона и издателя, повернула задвижку.

P. Tapp.

В. К. ФЕДОНЮК

(Бывший офицер сов. морского флота)

У РАЗВАЛИН

(Глава из романа)

Фронт уходил все дальше и дальше. Бои, на Югѣ Россіи, происходили гдѣ то под Одессой. Радио ежедневно приносило все новыя и новыя печальныя извѣстія. Бессарабія цѣликом была в руках нѣмцев, лишь отдѣльным островком держался Измаил. Гарнизон осажденнаго города истекал кровью. Противник занимал оба берега рѣки и это ставило под угрозу корабли флотиліи. Она была окружена, отрѣзана от внѣшняго міра, далеко в тылу противника. Когда был получен приказ об эвакуаціи, фронт проходил почти у самаго города. Командующій флотиліей и фронтом, контр-адмирал Абрамов, как всегда, выпившій и пересыпающій свою рѣчь бранью, носился метеором между фронтом и портом. В порту шла погрузка цѣннаго имущества на рѣчные пароходы и баржи. Абрамов, рыча, как звѣрь и дыша в лица людей водочным перегаром, совал под нос огромный трофейный «Маузер»:

— Если ты, сучья душа, не погрузишь баржу к сроку, пристрѣлю.

Обѣщал он отвѣтственным за погрузку и стрѣлял, если сроки не выполнялись. Его боялись. Контр-адмирал не считался ни с чем. Он был владыка, вино и власть кружили голову:

— Трибунал у меня в кобурѣ, а я сам себѣ прокурор, — рычал Абрамов на перепуганных людей, вращая воспаленными глазами.

Рухнули моральные устои, но, как слабы были они, кое-как склеенные из теорій о человѣколюбіи, цѣнности человѣческаго матеріала и других совѣтских теорій, коль рухнули, от перваго дуновенія военных вѣтров, и разсыпались, подняв тучи пыли. Закусив удила, понес и закрутил по странѣ произвол власть имущих. Партія давала им свободу дѣйствій, право. Они были все-ильные владыки, в чьих руках суд и неограниченная власть.

Оболезет с ног до головы, как зловонными помоями, тяжелым русским матом, переберет всѣх предков, сунет под нос тяжелый пистолет, друга пристрѣлит на глазах у тебя. Молчи, русскій человек и радуйся, что ты живешь в странѣ совѣтов, в странѣ свободной и единственной в мірѣ демократической. Там всѣ равны. А что тебѣ зубы выбили, друга застрѣлили или обиду нанесли, которую не смоют года до конца твоей жизни и ты, умирая, будешь мучиться от того, что отомстить не смог, так это ничего. У нас

нѣтъ класса эксплуататоров, он, твой обидчик, такой же, как ты. Ничего, что он владыка, ничего, что он и его семья привыкли к роскоши, а ты к нуждѣ. Ничего, что его жена уносится экспрессом в далекую Азію, гдѣ ждет ее вилла, а твоя шпылит босыми ногами, неся на руках мертваго ребенка. У нас всѣ равны и нѣтъ ни бѣдных, ни богатых.

*
**

Послѣдній день Измаила. Андрей, взобравшись на колокольню церкви, корректировал артиллерійскій огонь кораблей дивизиона. Части гарнизона постепенно снимались с фронта и производили посадку на корабли. Оставались отряды загражденія, обреченные на гибель.

Ночью прошел дождь. Воздух был чист. До самаго горизонта раскинулись золотистыя поля хлѣбов и кукурузы. Над головой у Андрея тихо и монотонно гудѣлъ церковный колокол. Он осматривался. Город горѣлъ, все, что оставалось цѣннаго и нельзя было увезти, жгли и взрывали. А дальше, там, гдѣ кончались дома предметей и зеленые квадраты опородов, горѣли нѣмецкіе танки. Дым черными столбами поднимался на безвѣтріи ровно вверх.

В порту, сотрясая воздух, грохотали орудія кораблей и снаряды, с воем пролетѣвъ над колокольней, рвались шрапнелью, оставляя в воздухѣ бѣлыя пушистыя шапки дыма. Снаряды рвались все чаще и чаще, сила огня доходила до предѣла. Нужно было, во что бы то ни стало, прижать противника к землѣ и отвоевать время до темноты. Там, гдѣ кончались огороды, была линія фронта. Противника не было видно, лишь до колокольни доносилась ружейная стрѣльба, да гулко лаяли нѣмецкіе пулеметы. Их Андрей сразу отличил по звуку. В бинокль было видно, что в окопах обороны происходило какое то движеніе. Заблестѣли штыки. «Сейчас будет атака», — подумал Андрей и увидѣлъ, как кто то выскочил на бруствер окопа. Человѣкъ, повидимому командир, что то кричал, став вполоборота к окопам и, махнув рукой в сторону противника, побѣжал. За ним черной лавой пошли в атаку моряки и скрывались в кукурузѣ. Чаще затарахтѣли нѣмецкіе пулеметы, а «ура» все нарастало и набирало силу. Корабли переносили огонь вглубь полей. — «Трубка... возвышенно... Два больше» — командовал Андрей. Телефонист, надрывая голос, вторил ему, передавая данныя на корабли. Блеснув яркими искрами, рвались снаряды над обороной нѣмцев, усывая воздух шарами дыма. Тяжелыя гранаты мониторов вздымали черныя фонтаны земли, а над городом коршуном кружился нѣмецкій развѣдывательный самолет. На фронтѣ что то произошло. Андрей видѣлъ, что моряки отходили назад к окопам. Припадая на колѣни, они отстрѣливались и снова бѣжали, оставляя за собой недвижимыя тѣла убитых. В кукурузѣ, появляясь на миг, короткими перебѣжками, шли в контр-атаку румыны.

— Огонь, чаще на уменьшение! — вырвав трубку у телефониста, закричал Андрей, но огонь ослабевал.

— Нас нащупали, мѣняем позиціи, — как из под земли, донесся голос с другого конца провода.

Андрей с досадою бросил трубку.

— Чорт возьми, в такую минуту, — выругался он и оглянулся на порт. На рѣкѣ, серебристыми жуками носились глиссеры, распустив бѣлые хвосты дыма. Ставили манкировочную завѣсу. Под ее прикрытіем, колесные пароходы, буксируя тяжелыя баржи, медленно выходили из порта и разсосредотачивались по камышам. Начиналась эвакуація. Противник теперь вел обстрѣл порта вслѣпую. Андрей сверху смотрѣл на дым-завѣсу и она представлялась ему бѣлым покрывалом, наброшенным на рѣку. Когда снаряды, снижаясь, пролетали над ней, завихрились дымные смерчи. Гдѣ падали снаряды, там дым-завѣса пучилась, и казалось, что кто то выпирал кулаком это бѣлое покрывало. Тѣм временем, на другом концѣ города, на огородах, отряды прикрытія, неся потери, медленно отходили к предмѣстью, цѣпляясь за каждый бугорок. Андрей не мог оторваться от бинокля: Румыны уже заняли окопы, занимавшіеся моряками до атаки, и защитники города, укрываясь за случайными укрытіями, отстрѣливались от насѣдающаго противника. Валя заборы огородов, из кукурузы вышел нѣмецкій танк. Застопорив ход, он с мѣста выпустил нѣсколько снарядов и вдруг ринулся на порог. Его пушка, как длинный палец, вытянутый вперед, часто плевалась языками пламени. Забухали разрывы гранат, гулко хлопали противотанковыя ружья, а танк, как единорог полей, неся вперед, мощный и, казалось, несокрушимый. Вот он уже там, гдѣ засѣли моряки. Крутятся на одной гусеницѣ, танк опоясался сплошной трассой пулеметных пуль и снарядов, поливая свинцом и сталью оборону города. Через мгновение он шел к городу и вскорѣ скрылся за первыми домами предмѣстья. Пѣхота противника, кинувшаяся было в атаку вслѣд за танком, захлебнулась огнем моряков и отошла назад. Телефонист тряс Андрея за плечо и что то кричал на ухо.

— Отстаньте, — отмахнулся тот, не в силах оторваться от бинокля.

— Вас требуют на корабль, — не отставал телефонист.

— Хорошо, хорошо, — не совсем понимая, что от него хотят, отвѣтил Андрей,

Из-за домов горящим факелом выскочил танк и стремительно неся обратно, стараясь сбить пламя. В тѣснинѣ улиц танк облили зажигательной жидкостью и участь его была рѣшена. В тѣсной стальной коробкѣ танкисты, корежась от нестерпимаго жара, чувствуя, как, треща, горят собственные волосы и лопаются на лицах кожа, старались выжать из машины предѣльную скорость, что бы успѣть добраться к своим. Оставалось совсем немного роковых метров, но танк вдруг с хода остановился и, прыгая через пламя из него выскочили танкисты. Нѣсколько секунд они

озирались по сторонам, туша руками тлѣющую одежду, а потом бросались бѣжать к городу. Перерѣзая им путь, торопливо, на ходу стрѣляя, пошли в погоню нѣсколько моряков. Вся эта группа скрылась за домами и там гдѣ-то разыгралась чья то кровавая трагедія. Тѣм временем, противник подтянул артиллерию и минометы. Сначала упали первые снаряды, там гдѣ застѣли моряки, а потом все скрылось в сплошном вихрѣ вздыбленной земли и дыма.

— Сообщите на корабли, нужен артиллерійскій огонь. Гибнут отряды прикрытія, — нагнувшись к уху телефониста, закричал Андрей, сам не слыша своего голоса.

— Связь прервана, корабли отключились. Вас вызывали на корабль.

— Чорт знает что. Люди гибнут и никому дѣла нѣтъ.

Андрей в бѣшенствѣ закрутил ручку телефона:

— Ало! Ало! Морская! — Но телефон молчал. Первые пули зацокали по колокольнѣ. Снизу вверх, через дома, чинными стайками разноцвѣтных огоньков, приближались они, безобидные на вид, а ударившись в камень, стѣны, с воем, рикошетили во всѣ стороны. Нѣмецкіе наблюдатели замѣтили движеніе на колокольнѣ и обстрѣливали ее из пулеметов. Положив руки на подоконник, Андрей окинул взглядом поле боя. Послѣдніе моряки выходили из зоны артиллерійскаго обстрѣла противника. Они занимали послѣдній рубеж обороны — дома предмѣстья, чтобы держаться там до послѣдняго патрона и дать время уйти кораблям, а самим... погибнуть. Простым глазом было хорошо видно пѣхоту румын, идущую в послѣднюю атаку на город.

Между городом и наступающими румынами, медленно, как большая гусеница, полз раненый моряк. Он на миг припадал к землѣ и лежал без движенія, как бы набираясь сил от земли-матушки и опять полз на одних руках, волоча перебитыя ноги. Раненый истекал кровью и терял силы. Это было видно по его движеніям, становившимся все медленнѣй. Вот он послѣдній раз высоко приподнялся на руках, посмотрѣл долгим взглядом туда, гдѣ скрылись его соратники, и запрокинувшись тяжело упал на спину. Так и остался лежать он, подвернув под себя ноги, широко раскинув руки. Сколько ни смотрѣл Андрей, раненый больше не шевелился.

Внизу, на церковной площади, с противным воем, разорвалось нѣсколько мин. Колокольнѣ начинали удѣлять большее вниманіе. Нужно было уходить, дѣлать здѣсь было нечего. Телефон по прежнему молчал. Андрей схватил его и бросил вниз. — «Пошли», — кивнул телефонисту.

*
**

Палубу корабля сплошь заполнили люди. Маленькая, юркая фигурка помощника метнулась на встрѣчу Андрею:

— Зарѣзали, подлецы.

— Кого зарѣзали? — не понял Андрей.

— Меня.

— Ну, что вы, Николай Иванович, я говорю вѣдь не с вашей тѣнью.

Вид Николай Иванович имѣл и в самом дѣлѣ истерзанный. Китель криво застегнут, от чего одна пола была выше другой. Из под фуражки выбивались косички потных волос, прилиная къ разгоряченному лицу.

— Что у вас тут происходит? — удивился Андрей.

Вмѣсто отвѣта помощник испуганно вскрикнул:

— Вот он, паразит, — и пытался спрятаться за Андрея.

— Не возьму, не возьму ни одного ящика, — неожиданно пискляво закричал он, забыв о своем намѣреніи прятаться.

— В чем дѣло? — Андрей поймал за рукав бросившагося куда-то помощника.

— Этот негодяй, — показал Николай Иванович на военного, растрепаннаго не меньше, чѣм он, и подходившаго к ним, но тот с достоинством напомнил:

— Выбирайте выраженія.

— Да пойдѣ ты к..... — и помощник пустил такой мат, что даже Андрей поморщился. Повидимому, Николай Иванович был доведен до крайности.

— Этот сучій сын со своими бандитами привез двѣ машины ящиков и хочет грузить на корабль. Я ему по человѣчески сказал: не возьму, корабль военный, не баржа, кромѣ того людей нужно спасать, а он со своими ящиками.

— Правильно, одобряю. Ну и что же?

— Но этот тип, повидимому, не понимает русскаго языка: только отвернешься, а он уже сует на палубу свои ящики, прогонись, займись своим дѣлом, а он ходит слѣдом и поет, как пчела в мѣшкѣ: «возьмите», «возьмите». Не подходи ко мнѣ! Зашибу! — зарычал Николай Иванович на военного, и вся его маленькая фигурка нахохлилась, от чего он стал похож на боевого пѣтуха.

— Сколько людей приняли на корабль?

— Всѣх по наряду штаба.

— Хорошо. Из амуниціи грузить только личное оружіе, пулеметы, боезапасы и продовольствіе на два дня.

— Уже все сдѣлано. Раненых размѣстил в кубриках команды.

— Всѣх, сколько можно, вниз. Заполнить всѣ помѣщенія, кромѣ машиннаго и артиллерійскаго погребов. С выходом из порта, пассажирам лежать, на палубѣ никакого движенія, меньше будет потеря. А теперь, Николай Иванович, идите вниз, пол часа отдохните и приведите себя в порядок. Я присмотрю за всѣм.

Помощник ушел.

— Что у вас в ящиках? — повернулся Андрей к военному. Тот замаялся.

— Отвѣчайте смѣлѣй.

— Вещи секретаря городского комитета партіи.

— Что? Вещи? Ребята, ко мнѣ! — Нѣсколько матросов сбѣжало с корабля на зов командира.

— Бросайте эти ящики в воду.

— Что вы дѣлаете! Это произвол!

— Да ты и в самом дѣлѣ негодай. Там люди гибнут, а ты вещи спасаешь секретаря горкома партіи! Не стыдно заниматься этим в такое время? Вон отсюда! Что бы через секунду я не видѣл тебя возлѣ корабля.

Военный бѣгал за каждым ящиком, пытаясь отнять вещи из дружных матросских рук, но Дащенко двинул его широким плечом.

— Не вертись под ногами, зануда, наступлю, одно воспоминаніе от тебя останется.

Послѣдним, жалобно звякнув пружинами, полетѣл в воду матрац.

— Вы хоть меня возьмите, — на трапѣ догнал Андрея военный.

— Не слѣдовало бы, да уж так и быть. Найдите себѣ мѣсто на палубѣ и не попадайтесь моему помощнику на глаза.

Андрей спустился в офицерскій корридор. В салонѣ развернулся госпиталь. На столѣ, застланном бѣлыми простынями, блестя хирургическіе инструменты. В корридорѣ, в повалку, лежали измученные защитники Измаила. Ударило в носе запахом грязных шортянок и немытых, потных тѣл. Осторожно переступая через лежащих, Андрей пробрался к своей каютѣ. У двери сиротливо стояла молодая женщина, качая на руках плачущаго ребенка. Она с жадной завистью заглянула в каюту. Там был уют, чистота и самое главное — кровать, на которую так просилось уставшее тѣло. Перехватив взгляд женщины, Андрей почему то смутился и заспѣшил:

— Я сейчас уйду и до Одессы буду занят. Входите и располагайтесь как дома.

— А я вас не стѣсню? — просіяв лицом, спросила женщина.

— Нисколько. Вот вам ключ, закройте и никого не пускайте. Ъсть вам принесут. Вода вон там и в умывальникѣ.

— Как мнѣ вас благодарить, не знаю.

Но Андрей уже вышел из каюты, осторожно прикрыв за собой дверь.

Обойдя корабль, он остался доволен. Все было предусмотрѣно и подготовлено к предстоящему бою. Навстрѣчу ему, ловко лавируя между людьми, сіял вымытым лицом и новым кителем Николай Иванович. Андрей обнял его за плечи.

— Спасибо за подготовку корабля. Придаться не к чему.

— Спасибо и вам за ваше вниманіе. — И они пошли рядом, довольные друг другом.

— Пришлось побѣгать. Народ-пѣхота не понимает наших порядков, лѣзет вездѣ, тут еще этот тип со своими вещами.

Вспомнил помощник своего врага и вдруг тигром бросился на носовую палубу.

— Вон с корабля, сию же минуту, вон, сукин сын! — пронзительно закричал он, увидѣвъ военнаго, не успѣвшаго во время скрыться. Андрей с трудом догнал Николая Ивановича.

— Я разрѣшил ему остаться, не бросать же человѣка здѣсь.

— Только, что вы, а то бы выбросил за борт.

— Ладно, забудем это дѣло. Распорядитесь, чтобы к ужину всей командѣ выдали водки, а сейчас всѣм по мѣстам. На моих часах без пяти минут четыре, думаю, что в четыре ноль-ноль будет налет авіаціи противника.

Андрей поднялся на мостик и скомандовал:

— Боевая тревога.

Во всѣх помѣщеніях рѣзкой трелью забили электрическіе звонки. Через пять минут пришли самолеты, сбросили бомбы на флотилію и ушли за рѣку. В небѣ таяли дымки зенитных снарядов и жужжа падали в воду осколки. Это стало будничным событіем и никого не трогало.

В каскѣ, которая как гриб возвышалась над румяным лицом, на мостик поднялся Николай Иванович.

— Я без вас пустил на корабль женщину с ребенком.

— Она в моей каютѣ. Кто такая?

— Жена сержанта из дивизіи. Мужа убили, а она одна с ребенком осталась. Родные в Николаевѣ. Услыхала об эвакуаціи, прибѣжала в порт в чем была. Не то, что этот тип с вещами. Секретарь тоже хорош: сам на самолет, а вещи холую поручил отправить большой скоростью. Мерзавец. Много их таких развелось.

— Ну, это вы преувеличиваете.

— Нисколько.

— Вот что. Давайте, лучше оставим этот разговор. Побезпокойтесь, чтобы накормили нашу пассажирку. У нее грудной ребенок, а эти маленькіе обжоры сосут, как насосы.

— Уже все сдѣлано, но я хочу просить вас о другом. Нельзя ли выдѣлить ей что нибудь на пеленки?

— Дайте нѣсколько простыней, одѣяло и полный комплект обмундированія. Оно ей пригодится впоследствии. Перешьет и будет носить.

— А как спишем все это?

— Ах, да бросьте вы. Нашли о чем говорить. Имущества на миллиарды гибнет, а вы о такой мелочи морочите голову.

— Плохо вы знаете нашу структуру, товарищ командир, миллиарды гибнут не по нашей винѣ. Это ничего, а вот попробуй я раньше срока пару брюк выдать, меня судить будут.

— Не волнуйтесь, Николай Иванович. Может быть, мы с вами в живых не будем через нѣсколько часов. Выдайте женщинѣ все, как я сказала. Если ей придется погибнуть, пусть хоть в послѣдніе часы жизни будет согрѣта чьей то заботой. Живы будем, составите как нибудь акт, я подпишу.

— Шифровка по флотиліи, товарищ командир, — прервал их разговор радист.

Андрей прочитал поданную телеграмму: «сниматься в семнадцать ноль-ноль тчк движеніе согласно моего плана тчк Командующій тчк». Андрей недоумѣвал: почему командующій мѣнял время и уводил флотилію, не дожидаясь наступленія темноты, но уже совсѣм близко за домами, раздавалась стрѣльба и гулко рвались гранаты. В породѣ шли уличные бои и оборона напрягала послѣднія силы, держалась в крайних, перед портом, домах. Больно ждалось сердце. До отхода осталось нѣсколько минут. Это было отступленіе, позорное отступленіе, под ударами болѣе сильнаго и болѣе опытнаго врага. Там, за этими домами, в агоніи бились люди, обреченные на гибель. Они своею смертію спасали Андрея и всѣх, кто должен был уйти с флотиліей. Затаив в груди чувство эгоистической радости, Андрей с надеждой смотрѣлъ на улицы, выходящія на набережную. Ему хотѣлось, чтобы из них выбѣгали тѣ неизвѣстные герои, что своими тѣлами прикрывали корабли, и убѣждались, что их не бросили, а ждут, давая надежду на спасеніе и будущее. Но стрѣлки часов неуклонно приближались к пяти. Набережная была пустынна, лишь в одном окнѣ, подстрѣленной чайкой, билась на сквознякѣ, бѣлая занавѣска.

— Отдать кормовые концы, — дрогнувшим голосом командовал Андрей и передвинул рукоятки машиннаго телеграфа на малый ход. Корабль медленно отходил от пристани, разворачиваясь кормой на выход. Шлепнулись в воду и носовые концы, и дружные руки выхватили их на палубу. Связь с этой землей, пропитанной кровью, была прервана. Пристань отодвигалась все дальше и дальше, корабли по одному выходили из порта, занимая свое мѣсто в строю. Город, отодвигаясь, показывал новыя крыши домов и вершины деревьев, разворачивая свою панораму. С колокольни, которую теперь стало видно, торопливо закашляли пулеметы врага и пули длинными очередями полоснули по водѣ. На головном мониторѣ заворочались башни, пламя зло лизнуло воздух. Колокольня окуталась пылью. Когда пыль разнесло, ее больше не было.

Андрей не мог избавиться от грусти. Все кончено. Они уходят. Тѣ, кто остался в городѣ, с боем будут отходить до тѣх пор, пока за спиной останется лишь вода, а впереди незнакомые люди, называемые противником. Но обстановка не позволяла отвлекаться и предаваться грусти. Противник на обоих берегах рѣки, вниз по ея теченію, сконцентрировал крупныя силы артиллеріи, с цѣлью помѣшать кораблям выйти в море. Флотилія, рѣчные пароходы, баржи, катера, длинной вереницей в нѣсколько рядов, входили в русло Дуная. Мониторы и бронированные катера уже вступили в бой с батареями противника. Сквозь дым-завѣсы гулко раздавались артиллерійскіе залпы. Из камышей, отчаянно дымя и шлепая колесами по водѣ, выходили рѣчные буксиры с баржами. Они сбивались в беспорядочную кучу. Раздавались рѣзкіе гудки, треск и грубая ругань, как попытка доказать виновность того или другого лоцмана, висѣла в воздухѣ. А надо всѣм этим властвовали бо-

евые звуки, нарастая и приближаясь, по мѣрѣ движенія корабля. Еще миг и корабль вышел из дым-завѣсы. Впереди был простор рѣки, освѣщенной солнцем. Легкія с жадностью втягивали воздух свободный от ѣдкаго дыма. Перед глазами Андрея развернулась панорама боя.

Мониторы вели дуэль с артиллерійскими батареями нѣмцев, маневрируя на фарватерѣ, прикрывая своей броней, транспорты и баржи, они старались отвлечь вниманіе противника на себя. Броневые катера, часто стрѣляя из своих коротких пушек и тяжелых пулеметов, вели перестрѣлку с артиллеріей кинжального огня, расположенной на самом берегу. Глиссеры, снуг под самыми берегами, сбивая листья с прибрежных ив, ошпаривали пулеметным огнем орудійные расчеты вражеских батарей.

Выныряя из дым-завѣсы, корабли дивизиона, вступали в бой.

Караваны буксиров и барж, под прикрытіем огня кораблей, двигались вниз по рѣкѣ, неся потери. Горѣло нѣсколько барж. Вращая в воздухѣ колесом, кренясь на один борт, тонул большой пассажирскій пароход, подбитый тяжелым снарядом. Люди прыгали в воду, а вокруг сновали катера, подбирая спасавшихся.

Палуба под ногами Андрея дрогнула от первого залпа корабельных орудій. Корабль, послушный его волѣ, вплеп свои октавы в вакханалію боевых звуков.

— Правый борт, курсовой тридцать, батарея противника.

— Курсовой, борт, батарея противника, — стараясь преодолѣть шум, то и дѣло кричал сигнальщик, ведущій наблюденіе.

Огонь противника был силен, но не настолько, чтобы остановить людей, предпочитавших смерть, позорной сдачѣ в плѣн противнику, о жестокости и варварствѣ котораго, было столько слышано.

Флотилія, энергично и зло огрызаясь, медленно выходила из зоны Тульчинскаго укрѣпленнаго района противника. Дальше можно было ждать болѣе спокойнаго плаванія; тѣм болѣе, надвигалась ночь. На палубѣ появились первые раненые и убитые. Волоча вывалившіяся внутренности, натыкаясь на предметы, как слѣпой кот, лѣз на четвереньках солдат. Он широко раскрывает рот и Андрей видит, как во рту бьется язык. Раненый кричит от ужаса и боли, но крика не слышно. Солдат ложится на бок, торопливо заталкивает кишки в себя, но они пузыряются и голубоватыми кольцами вываливаются из раны. Осколки и шрапнель смертельными роями проносятся над палубой. Командор Власенко, зажав рукой рану на вискѣ, пробѣжал в госпиталь, но на кормѣ, изрѣзанный новой порціей свинца, тяжело рухнул на палубу. Из под него, к борту обильно текла кровь. Легко царапнуло и острой бритвой разсѣкло лоб Андрею, боли он не почувствовал, лишь слышал, как фыркнув у самаго лица, пронесся осколок. Глаза залило кровью и ея солоноватый вкус ощутился на губах. Наспѣх обмотав голову бинтом, Андрей снял фуражку и надѣл каску. А бой все кипѣл. Берег вздыбился разрывами снарядов и вихрями

дыма взорванных батарей. Вдали горѣла Тульча, подоженная артиллеріей мониторов. Орудія кораблей бьют уже на кормовых углах, посылая противнику свои прощальные залпы. Теперь мониторы шли послѣдними, прикрывая отход основных легких сил и транспортов. Андрей бросил взгляд на палубу. Раненый в живот солдат умирал. Лежа на спиѣ, он медленно поджимал и выпрямлял ноги, корчась в агоніи. Мелькали бѣлые бинты с пятнами крови на раненых, в застывших позах лежали убитые.

Рядом смолк сигнальщик. Оглянувшись на него, Андрей увидал бѣлое, как мѣд, лицо и тонкія струйки крови, сочащіяся между губ.

— Что с вами?

Матрос пытался отвѣтить, закашлялся, из горла хлынула кровь и он медленно опустился на палубу, смотря уже мертвыми глазами на командира. Дашенко перекрестился. Перед лицом смерти, человекъ вспоминает Бога и становится самим собой.

На пути отхода караваны ушедшіе вперед, оставили свои слѣды. Догорающія баржи чадили ѣдким дымом, из воды торчали трубы, мачты затонувших пароходов и от них, по теченію тянулись маслянные дороги. Подбитый пароход выбросился на берег и было видно, как там, в мелком кустарникѣ, солдаты противника гонялись за высадившимися русскими.

Бой с укрѣпленіями Тульчи длился час, а потом все стихло. Зарываясь широкими корпусами в воду, в голову колонны выходили мониторы. В наступившей тишинѣ были слышны шум мощных вентиляторов и тяжелые вздохи дизелей. На флагманском мониторе взметнулся флажный сигнал.

Андрей прочел: «Занять мѣста в строю, согласно плана».

Броневые катера понесли потери. Пересчитав их, Андрей не досчитался нѣскольких кораблей. Остальные шли, ведя на буксирах подбитых товарищей. В серединѣ колонны, высоко задрав носовую часть, погрузившись в воду до кормовой башни, шел бронекатер с брейд-вымпелом командира дивизиона. Почти на всѣх кораблях, на легком вѣтеркѣ, развѣвались флаги, спущенные до половины. Там были убитые и это был траур.

Потери флотиліи понесла тяжелая, но гораздо меньшія, чѣм ожидал Андрей. Его охватила радость и увѣренность в благополучном исходѣ операціи. Но радость была преждевременной. Не успѣли убрать убитых и смыть с палубы кровь, как на бронеющем шолетѣ, из за камышей, на флотилію свалились нѣмедкіе штурмовики. Налет был настолько неожиданным, что корабли открыли огонь лишь тогда, когда начали падать первыя бомбы. Из за солнца, волна за волной шли «Юнкерсы», и все слилось в сплошном воющем и ревушем ералашѣ. Происходящее похосило на тяжелый кошмар. Отдѣльные эпизоды боя ярко запечатлѣлись в сознаніи Андрея. Самолеты шли и шли, эскадрильи, смѣняя одна другую, стремительно падали в пикѣ. Аппараты, снижаясь до самых мачт, вываливали тяжелыя бомбы. Сплошные вихри пуль и

снарядов неслись от кораблей к самолетам, перекрещиваясь со встречным ливнем свинца и стали. Большой морской транспорт «Молдавія» и мониторы шли окруженные сплотным кольцом громадных фонтанов воды, поднятых бомбами. С «Молдавія» люди, чьи нервы не выдерживали напряжения, прыгали в воду и находили там смерть. «Мессершмидты» и «Штурмовики», опускаясь до самой воды, летали между кораблями, обсыпая их мелкими бомбами и каскадами пуль. Рѣжет слух и кидятком ошпаривает нервы рѣзкій вой самолетных сирен. Аппараты пролетают так низко, что даже видны напряженно склонившіяся фигуры летчиков. Взбѣшенный их безнаказанностью, Андрей бьет по ним из пистолета. Корабли несут потерю. Погружаясь носом в воду, гибнет первый корабль дивизиона. Его винты, выйдя на поверхность, бѣшено вращаются, срывая мелкую водяную пыль, отчего корма корабля, как обручем, охвачена разнодвѣтной радугой. Андрей смотрит вперед. Над буксирами и баржами сплошная карусель в небѣ, розовѣющим закатом. «Мессершмидты», тонкими осами ваяясь на крыло, стремительно падают на беззащитные баржи и буксиры и от них, как длинные, огненные жала, тянутся пучки смертоносных трасс. Люди, скученные на этих суденках, не могут укрыться от разящей смерти и она валит их друг на друга, как жнец снопы в страдную пору. С воем идет в шикѣ «Юнкерс» и врѣзается в воду с оглушительным взрывом. Другой, выходя из атаки, повис в воздухѣ и разламываясь на части, упал в камыши. Яркими кострами горят на обоих берегах, сбитые самолеты и медленно плывут парашюты, а под ними, маятниками качаются летчики. Глиссеры бьют по ним из своих скорострѣльных пулеметов. В началѣ атаки авіаціи корабли дивизиона отбивались от «Мессершмидтов» и «Штурмовиков»; основныя силы нѣмцы бросили на мониторы и «Молдавію». Но вскорѣ и дивизиону было оказано должное вниманіе. «Юнкерсы», построившісь в круг, начали свою дьявольскую пляску над кораблями. Закипѣла вода, как живой вздрагивал корабль от близких разрывов тяжелых бомб.

Андрей внимательно слѣдил за приближающимся самолетом. Уже отчетливо видно свастику на фюзеляжѣ, а бомб все нѣтъ. Посовая кабина самолета разрисована под оскалившуюся в смѣхѣ пасть. Кажется, что самолет ржет дьявольским смѣхом над узким и длинным кораблем, собираясь уничтожить его, вмѣстѣ с людьми, в огненном смерчѣ разрыва. Длинные черныя бомбы вываливаются из под крыльев и, описывая дугу, несутся на корабль. Взмах руки и Дашенко рѣзким поворотом штурвала, бросает корабль в сторону. Бомбы рвутся за кормой. Молотом бьет в днище корабля детонація и рѣзко вздрагивает палуба.

Новая атака, новый маневр и грохот за кормой. Казалось, этому не будет конца. Уже перегрѣлись орудія, палубу заваливали стрѣльные гильзы, а атака с воздуха все продолжалась. Лежащіе на палубѣ солдаты с тоской смотрят в небо, безпомощные и обреченные, подавленные происходящим, таким грозным и величе-

ственным, что даже самый тяжелый бред, ничто по сравненію с ним.

Не выдерживали нервы. Солдат вскочил, заметался по палубѣ, топча ногами людей живых и мертвых. У самого борта он повернулся искаженнымъ лицомъ къ Андрею и что то кричитъ, показывая на берег. Он ищетъ спасенія на берегу, он требуетъ итти туда, он тербитъ лежащихъ солдатъ, показывая то на Андрея, то на берег. Еще миг и паника охватитъ людей. Андрей разряжаетъ пистолетъ въ искаженное лицо паникера и тотъ падаетъ въ воду. Черезъ мигъ тѣло, изсѣченное винтами, розовыми клочьями вынырнуло за кормой и скрылось за высокимъ буруномъ. Порядок водворен. В этомъ аду есть воля и твердая рука, это должны чувствовать всѣ. Корабль проходитъ мимо горящей баржи. Она вся охвачена огнемъ. Изъ бушующаго пламени, несутся крики скрытыхъ въ трюмахъ людей. Раздаются выстрѣлы и глухіе взрывы. Несчастные люди, обреченные передъ смертью на страшныя мученія! Отъ нестерпимаго жара тлѣетъ одежда, лопаются глаза и счастливъ тотъ, кто имѣетъ изъ чего пустить себѣ пулю въ лобъ или гранату, чтобы взорваться.

Вокругъ баржи, попыхивая дымкомъ, кружится пузатенькій рѣчной буксиръ. Отъ него въ бушующее пламя льется тоненькая струйка воды. Какъ онъ безпомощенъ и жалокъ, этотъ, беременный съ самой постройки, пароходикъ. За стекломъ рубки виденъ бородатый дѣдъ лодманъ. Онъ вращаетъ большой штурвалъ, машетъ руками и что то командуетъ своею бородатою командою. Велика привычка въ этомъ неизвѣстномъ героеѣ. Онъ всю жизнь водилъ баржу и теперь не можетъ бросить ее. Пусть хоть всѣ бомбы рвутся на палубѣ, этотъ бородатый дѣдъ будетъ стараться спасти «подругу» своего смѣшного корабля. Когда же она развалится и поплыветъ шишащими головешками, дѣдъ разведетъ руками: «Смотри ты, какая оказія приключилась».

Ушли, наконецъ, самолеты. Заходящее солнце большимъ краснымъ дискомъ опускалось за холмы. Небо пылало багровымъ заревомъ заката, въ рѣкѣ отражало этотъ закатъ. В ней, какъ въ зеркалѣ, висѣли опрокинутые контуры береговъ и плыли розовыя облака. Все, что происходило недавно, казалось сномъ, но тамъ сзади, за островомъ, который только что прошли, висѣло зловѣщее облако дыма. В наступившей тишинѣ съ кораблей и барж раздавались стоны раненыхъ. По рѣкѣ, которая становилась шире, сновали посыльные катера, собирая разбросанный боемъ караванъ.

В началѣ ночи остатки флотиліи вышли въ море. В лицо ударило свѣжимъ соленымъ вѣтромъ, пахнувшимъ родными морскими запахами, за кормой парили бѣлыя чайки и, обгоняя корабль, съ любопытствомъ смотрѣли на людей. Подъ ногами плавно покачивалась палуба, первыя волны разбились объ форштевень и брызгами упали на палубу.

— Здравствуй, родное море!

Кончился плѣнъ въ душной тѣснинѣ рѣки, пахнувшей болотомъ. Андрей въ бинокль осмотрѣлъ длинную линію каравановъ. хвостъ

которых терялся в сумерках. Мониторы неуклюже ныряли на непривычной морской волнѣ, а рѣчные пароходы, шлепая колесами, поднимали брызги и смѣшно переваливались с борта на борт. Рѣзкій вечерній вѣтер срывал с пароходных труб дым и уносил его к чуть видному румынскому берегу. Надвигалась ночь. Зажглись первыя звѣзды, блѣдно мерцая на освѣщенном закатом небѣ. Андрей с удовольствіем раскрыл папку с картами, больше года лежавшими без употребленія, и склонился над ними, изучая путь флотиліи. Вѣтерок стихал и вскорѣ море покрылось ласковой гладью, дыша мертвой зыбью. Впереди, узкой полоской зажегся кильватерный огонь, идущаго впереди корабля. Все было мирным и тихим. Пережитое недавно отошло в прошлое. Люди начинали приходить в себя. Послышался говор многих голосов. На носовой палубѣ несмѣло пропѣла гармошка. Николай Иванович, приподнявшись на носки, грозно крикнул:

— На бакѣ!

Андрей остановил его:

— Оставьте, пусть играет.

— Но у нас на борту убитые.

— Им теперь все равно. Нужно подумать о живых, люди сегодня много пережили, пусть развлекаются.

Над уснувшим морем полилась грустная мелодія. Андрею казалось, что он видит, как гармонист, положив голову на инструмент, устремил глаза, затуманенные мечтой, в темноту и вмѣстѣ с волнами музыки уносится куда-то далеко.

О чем пѣла гармонь, вѣдал лишь он один. Об убитом другѣ, с которым в дѣтствѣ лазили по чужим садам. О бѣлокурой подругѣ музыканта, которая в эту ночь, быть может, так же смотрит на звѣзды и думает о нем. Или о минувшем прошлом, канувшем в вѣчность, которое больше никогда не вернется. Хотѣлось молодому музыканту жить и жить. Тѣло и сердце просили любви. Еще так много неизвѣданнаго было оставлено в том мірѣ, откуда пришел на войну, а он уже видѣл смерть и, кто знает, будет ли завтра ласкать пальцами клавиши или царапать землю в предсмертных судорогах. Долго лилась печальная музыка, проникая в самое сердце, рыдала и пѣла гармонь и притихли люди на палубѣ, лишь под форштевнем шумѣла вода. И вдруг! Рванули руки гармонь, заходили плечи гармониста, понеслась лихая плясовая. Удалъ была в ней, рожденная радостью бытія.

К чорту все! Что завтра будет, пусть приходит, а сегодня наша ночь и мы живы. Ожила палуба. «Шире круг», чьи то ноги заходили в пляскѣ, выбивая четкую дробь истоптанными каблуками.

— Эх ты, поддай, родная. Ух, ух, ух, пошла писать, — безсвязано выкрикивает танцор, а ноги так и ходят, то лихо притоптывая, то переходя на безшумную присядку. Танцора смѣняет танцор. Судорожное веселье царит на полубѣ. Ожили люди и занялись дѣлами, забытыми во время боя..

В. К. Федюнк.

НА ЖЕЛТОЙ ЗЕМЛѢ

1.

Кометой появился над садами пассажирскій клипшер в Нанкин и, прогнвъ мотором, снизился за сумеречной глыбой небоскреба. На темнѣющем небѣ разбросались ивовыя вѣтки; уже явственен одуванчик луны.

Возлѣ зеркала, отразившаго вспышки хрустальных флаконов, полуодѣтая, с голым, еще неподкрашенным лицом, пустомелет Мэри-Лу. В молодости Джо шутил: хорошо бы использовать болтливость жены для научнаго опыта, присоединив к ней электрическую батарею. Но он давно перерос эти шутки.

Из сосѣдняго гаража супругов Ромашко вышестѣл двухцвѣтнѣй Бьюик, синій с голубым. И у зеркала затараторили назойливѣй, почти с криком.

— Да, он слушает. Нѣтъ, он не замѣтил грустнаго вида мистера Ромашко в прошлую субботу; каждый гражданин свободен грустить или веселиться. Встав с пуфа, Мэри-Лу одернула корсет, справа и слѣва размѣщая свой жир. Стѣсняться незачѣм, они не любовники: почти пожилая пара. Как выглядѣла Мэри-Лу в первые годы замужества, не вспоминалось. Толстѣть она начала послѣ операци, лишившись близнецов.

Небо за вѣтками прозрачнѣй зеленаго стекла. Таким бывает небо в пустынях Невады, за тысячи миль отсюда. Но в этот час там не слышно ни птиц, ни шороха ящериц по камням: нѣмѣет пустыня, звенит тишина. И отдаленныя взгорбѣя скал кажутся вырѣзанными из картона.

— Ты слишком часто задумываешься, — сказала Мэри-Лу. — Это вредно для кровяного давленія.

Не дослушав, Джо вышел в гостиную. Стая тропических рыбок застыла в аквариумѣ. Полосатыя, бѣлорозовыя, как раковыя шейки, канареечныя с улыбчатым ртом; двѣ лиловыя, похожія на неоновыя фонарики. Когда умер скворец, Джо купил этих рыбок, полюбившихся за безгласіе. Лишь временами, набирая воздух, они булькают, вызванивают стеклянную пѣсенку.

Бой, — поверх бѣлаго халата желтая атласная курма, признак высокаго образа жизни хозяев, — принес Бакарди в облѣденѣлой рюмкѣ. Газета брошена развернутой на страницѣ свѣтских сплетен.

«Среди гостей мистер и миссис О'Рурк младшіе, судья и миссис Джайльс, мистер и миссис Ромашко, мистер «Пинки» Смит...».

«Прием посетил доктор и миссис Нэш, мисс Сильвия Цэу, мистер и миссис Ромашко, мистер «Пинки» Смит...»

Неподвижная тишина пустыни. Поужинав, он садится у порога, курит. Над скалами вспыхивает прожектор, поворачивается и, устремив тонкий луч к небу, закрывает горящие глаза звезд.

А в передней переполах: топчась на спеленутых копытцах в туфлях треугольником, ама*) подает Мэри-Лу то лисью накидку, то норковый шарф. Бой выбежал на крыльцо, шоффер, взяв под козырек, держит дверцу. Мэри-Лу, шурша тафтой, разсылась и заняла две трети места. Мимо каменного ламы, караулящего под елями, мимо его каменного коня, — к воротам. Шоффер развернул машину, набирая скорость. В уши впрыгивают отдельные слова: клуб, бридж. Пригласить на коктейли. Чтобы не отвѣтить наобум, Джо изрѣдка мычит, по привычкѣ отвлеченный: фары свѣтящимся, вѣником расчищают асфальт; рикша заметался под радиатором, сворачивая в сторону, и отрывисто огрызнулся шофферу, наступивший на тормоз; сквозь переплет тополей высверкивают стекла особняков.

А рядом та-же словесная дребедень, и Джо думает: радио можно изломать. Попугаю свернуть шею. Но как спастись тому, кто заперт в клѣткѣ с болтающей мартышкой?

— Пригласить Пири, — тараторит Мэри-Лу. — Жена вице-президента. Дамы в обѣденных платьях, мужчины запросто. Пятьдесят человек гостей.

Клубный подъезд дымится огнями, из под навѣса, взлескивая лаком, вытекают кузовы. Черная пальто и бѣлая кашнэ, пропустив вперед легучіе шлейфы, подхватывают отброшенную назад дверь. Из теплоты нахлынула музыка, около дамской комнаты пернатый гомон. Между витых колонн, качкой и поворотами влачатся пары — щека к щекѣ — сбоку двуликія. Мелькнули золотистые локоны и кружевное платье, — стройна, как маргаритка в хрусталѣ; гостяшно улыбаясь шуруется миссис Ромашко, прильнув к щеголю с рыльцем вареной креветки, кажется, это «Пинки» Смит и есть. Споткнулись синкопы, напѣв осьѣкса. Кругом захлопали, и, отдавая пальто у вѣшалки, в ропотѣ привѣтствій, подумалось: кто еще здѣсь плѣнник домашняго очага?

На верандѣ расположились игроки. Мимо зеленых столов, крахмальных манишек, тасующих и сдающих рук, Джо прошел к рулеткѣ. Однажды ему выпало семь раз подряд на девять и двадцать три. Случилось это в Лас-Вегас, что бушует океаном электричества среди пустынь Невады.

Шарик понесся по кругу. Двадцать три. Не удивляясь, Джо удвоил ставку.

По субботам в Лас-Вегас ѣдут всадники, спѣшиваются возлѣ зеркальных фасадов, под скачущим неоном вывѣсок. Залы игорнаго дома слѣпят свѣтом; за столами видны клѣтчатыя рубахи

*) «Ама» — женская прислуга.

ранчеров, ковбои, вывороченным мѣхом штанин напоминающіе козлоногих, — высокіе каблукі полусапожек сбиты наискось от пятки.

Но вот он здѣсь, окруженный смокингамн. И как знакомы лица: тѣ же проборы и лысины; сломанный двухэтажный нос; собачьи щеки; подбородок вымышем.

Через год Джо бросит дѣла, уѣдет в Неваду, выстроит бревенчатый сруб, заведет мула и собаку. Одинокій, он проберется через горныя кручи, гдѣ золото вспыхивает бродячим огнем, а скалы блещут самоцвѣтами. По пути он увидит заброшенные поселки рудокопов: вѣтер свистит в безглазых бараках, грохочет кровля над опустѣлой лавкой, и треплется клочок афиши: «Провѣдом.. цирк.. шагоглотатель...»: Сюда пылили повозками и брели пѣшком обросшіе хищники с винчестером, киркой и лопатой, одержимые жадностью к золоту. И тот-же безпокойный дух шел из-за океана чужеземцев, собравшихся в этом клубѣ: островок, затерянный в желтых землях неподвижнаго Китая.

Двадцать три выпало еще раз, и Джо поставил на двойное зеро. Удвоенная пустота, геометрической очерк вѣчности; едва родившись, мы дѣлаем ставку на двойное зеро. И проигрываем, обреченные пустотѣ небытія.

Как он помнит утро, когда корабль всплывал в узкогорлую рѣку, словно взрѣвая килем чешую исполинской рыбы. По береговой топи находились мохнатыя деревни, вдали, за изгородью мачт и джонков, мгlistым видѣніем туманятся зданія, кровли кумирен. Млѣвет, ширится городское море, а над ним златотканым свитком развернулась заря. Вѣтер хлещет по лицу, подсѣкает полет чаек. В то утро Джо чувствовал себя завоевателем; в то утро он не проиграл и половины ставки на двойное зеро.

Но вот прошли годы и вышло так, что жил он ради расплаты в пустотѣ, а обогащался ради Мэри-Лу и ея колониальнаго снобизма. А сейчас не нужно ничего, кромѣ отсрочки по платежу: бревенчатаго сруба в пустынѣ и тишины.

Позади заплескали хлопки и, приглушенный музыкой, донесся хмельный гул из бара. Но сразу же рванулся очередной танец, застрекотали кастаньеты, и кто-то в оркестрѣ подхватил вскрикивающій пригѣв:

— Ла кукара-ча! Ла кукара-ча!

Вдобрѣ стучат каблукі по паркету, зал ухнул разнополосым хором. В стеклянныя двери веранды всматривалась узкоглазая, азиатская луна.

2.

Массажистка, наградив послѣдним шлепком, простилась до завтра. Возлѣ приготовленной ванны ждет ама: толщина мѣшает самой тереть спину. В опаловой водѣ удлинняются ноги, истончились пальцы рук, — что-то дѣвическое. Мыльная пѣна шелко-

виста, струйки душа не покальвают, а гладят. Растертая махровым полотенцем, благоухающая, Мэри-Лу выходит к завтраку.

Джо давно в конторѣ. Прислуживают два боя. Утренняя радость жизни слегка омрачена діэтой: лимонный сок, черный кофе, два сухаря. Но в газетѣ Мэри-Лу упомянута два раза, и это примиряет с тѣм, что на подносѣ нѣтъ сливок и сахара.

За открытыми окнами лепечет апрѣльскій сад. Солнце вызолотило пряди плакучих ив, пламенѣют тюльпаны, и бабочки вьются бархатными лоскутками. К дому сосѣдей ведут верховых лошадей. На крыльцѣ, натягивая перчатки, появилась миссис Ромашко, чьи галифѣ роднят ея фигуру с мандолиной, и двѣнадцатилѣтняя Кира, стройнѣй елочки. Мэри-Лу привѣтственно машет. Сосѣди ея были людьми выдающимися: потомок Анны Карениной, мистер Ромашко натурализовался в Англии, а прошлое его блистательно: пажескій корпус и гвардія, кузен всѣх княжеских фамилій Россіи. Живя в Шанхаѣ, миссис Ромашко знала всѣ придворныя новости Европы, как окатный жемчуг нанизывая: великій князь и свѣтлѣйшая княгиня. Герцогиня Кентская. Принц Уэльскій, любящій восклицать по-русски:

— Елки-палки!

Из благородства, миссис Ромашко называет заливную курицу «Lennox chicken», а кислую капусту «choucrouste». Дочь свою воспитала по старинѣ: реверансы, при гостях сует ей руку для пощѣлуя. И даже дятел, ежегодно сидящій в обнимку с бамбуковой антенной на крышѣ Ромашко, выстукивает с упорством маниака:

— Мы дворяне. Мы русскіе дворяне. Мы родственники аристократов. Враки. Враки.

Мистер Ромашко не забывал двух лѣтъ в Добровольческой, дѣля челоуѣчество на кавалеристов и всѣх остальных. Однажды, на банкетѣ, мистер Ромашко провозгласил:

— Господа, я предлагаю тост за русскую лошадь.

Немудрено, что семья его ежедневно прогуливалась верхом.

Досмотрѣвъ, как рыбій оскал миссис Ромашко и черный бархатный картуз Киры проплыли поверх забора, Мэри-Лу пожалѣла, что всѣмѣшает ей заниматься этим шегольским спортом. Впрочем, предстоял день, полный развлеченій. Одѣвшись, она поѣдет по магазинам; завтрак с приятельницами и партія в бридж; к шести часам коктейли в гостях и парадный обѣд.

Календарь, куда Мэри-Лу заносит приглашенія, расписан на мѣсяц. В свѣтѣ она счастлива: одна из первых дам города. И жизнь сложилась удачно, — Джо богат и самостоятелен, не пришлось тревожиться, что его обгонят по службѣ и поэтому враждовать с женами соперников, распаяясь в кошачьих битвах до остервенѣлости. Неизвѣстны ей и униженія молодости многих: величественные кивки начальства, снисходительныя улыбки, паобида, когда на приѣмах путают имена подчиненных.

Только при поѣздках на родину Мэри-Лу раздражалась: ни-

кто ее не знал. Чтобы утѣшиться, она завязывала разговор с продащицами и маникюршами, повѣствуя им о Китаѣ. Подчас это производило впечатлѣніе, но как-то причесывавшая ее дѣвченка, щелкнув жевательной резинкой, прохихикала.

— Вы из Китая? Ну, тогда я из Тимбукту!

На родинѣ трудно удивлять, и нью-йоркцы скоры на отвѣтъ. Но вот Джо уйдет на покой, купит дом в Южной Калифорніи. Со средствами будет легко попасть в избранный круг. Мэри-Лу прочтет в женском клубѣ нѣсколько лекцій о Востокаѣ, расскажет о своих встрѣчах со знаменитостями: она игрывала в бридж с женою китайскаго премьер-министра, по изысканности напоминавшей лотос из слоновой кости, видала великаго маршала Чжан-Зу-Чана, шандунскаго владыку. Гигант, с лицом спящаго тигра, маршал Чжан самолично рубил головы плѣнных врагов. А доктор Мэй Лан-Фан? Многіе находят его гением, но от завыванія четырех китайских тонов и мѣднаго грохота тарелок, у Мэри-Лу в театрѣ всегда разбалывалась голова.

Мэри-Лу помнит также церемонное время, когда молодыя дамы не смѣли обращаться к старшим по имени, а жены тайпанов *) просили своих подруг:

— Помогите мнѣ занять разговором жен помощников.

Расскажет она и о китайских обычаях: новый год справляют треском хлопущек, отгоняющих злого духа; послѣ ѣды из вѣжливости принято отрыгивать; китайцу убійственно «потерять лицо», — оконфузиться.

Жизнь Мэри-Лу состоит из счастливых «предѣленностей». мѣняется лишь свѣтскій сезон. Бывало, Джо подшучивал:

— Союз обезьянствующих под столичное общество.

И Мэри-Лу сердилась: как и многіе, она согласна с международными сносами, заштамповавшими горестный и мрачный Шанхай «Нью-Йорком Дальняго Востока».

А сезоны чередуются в Шанхаѣ с астрономической законмѣрностью. К веснѣ и осени голубѣет газон ипподрома, загородившагося каменной стѣной от зловонных ущелій переулков; горбоносые монголки, закидываясь и злясь, скачут по хрусткому гравію, над сѣдлами пестрым комком повисли жокеи. Рѣют флажки, и на трибунах, — чѣм не Дэрби, — модницы соперничают в шикѣ.

Лѣтом, в коричневом зеркалѣ каналов громоздятся облака; и опрокинутыя, лебедями скользят отраженія яхт, проплывают палубы моторных катеров; на соломенных цыновках нѣжятся выѣхавшіе к взморью. В клубных бассейнах, сверкающих сквозь стеклянную крышу бирюзовой прохладой, слышен плеск пловцов; на зеленом бобрикѣ лужаек пощелкивают теннисные мячики, с подскоком и размахом сервируют спортсмены. А в замерших от вечерняго зноя садах, под пилящій ливень цикад, совершаются

*) «Тайпан» — директор прелл ріятя.

приемы: дамы в цвѣтистом фулярѣ и франты в фланели глотают виски-сода.

Зимой кружок любителей, волнуясь, ставит прошлогодній аншлаг Бродвея; в ложах иконостас декольте и фраков, в партерѣ мѣха и смокинги. Послѣ спектакля принято ужинать: клубы, или бронзовый сумрак вышки отеля «Катэй», гдѣ на тигрово-полосатых диванах вѣжливая тѣснота, а за роялем «шепчущій пѣанист», как сказано в программѣ, под сурдинку выговаривает пѣсенки.

Зимой, — ежевечерній обряд коктейлей: с шести до восьми. И круглый год партіи в бридж, мачжан. Трудно соскучиться.

Но за послѣднее время безпокоил Джо. Мэри-Лу не размышляла, любит-ли она мужа; Джо, — это одушевленная собственность, часть обихода. Других отношеній нѣтъ. Правда, Мэри-Лу слышала, будто от любви страдают и даже сходят с ума и гибнут» но из знакомых никто не вел себя так странно.

Джо попрежнему ѣздит в контору, попрежнему молчаливо закрыт газетой, пока Мэри-Лу рассказывает ему дневныя событія; попрежнему выписывает чеки, бреется, мѣняет костюмы, ѣст и пьет. Безпокоила его задумчивость: отвѣты невпопад, сам себѣ улыбается. Недавно, при каком-то рассказѣ Мэри-Лу, вдруг закутал голову газетой и выбѣжал из комнаты. В другой раз, за обѣдом, не успѣла Мэри-Лу поднести ко рту вилку, отрывисто сказал: — Собака, брось бифштекс.

Мэри-Лу юстолбенѣла, а Джо, словно проснувшись, объяснил: ему вспомнился не совсѣм приличный анекдот.

Заподозрить Джо в измѣнѣ нельзя: когда ни позвонишь, — он в конторѣ. Мэри-Лу рѣшила провѣрить, не пьет ли Джо, и вчера подставила ему щечку для поцѣлуя, но муж, отпрянув, взглянул дико, чуть не с испугом.

Повидимому, у Джо повышено кровяное давленіе. Или ему не хватает витаминов. Вызвав повара, Мэри-Лу подробно объяснила, почему хозяин должен ѣсть больше овощей. А повар почтительно слушал свою мисси, думая словами Конфуція:

— Длинный язык женщины подобен ступеням: по ним входят в дом всѣ несчастья и горести.

3.

Каменный лама с неподвижной усмѣшкой спрятал четки в широких одеждах, склонил узкобородый лик. Каменный крутобедрый конь засѣдлан поодаль. Днем оба дремлют под золотыми лучами дракона, одѣвшагося в голубой небесный шелк. А ночью, шагнув в стремя, лама уѣзжает в чингизовы степи, дымку, туман.

Поѣхать бы слѣдом, свернуть на восток. Каменный конь вспѣнит синеву океана. Этим путем летѣли когда-то паруса Колумба. Звѣзды укажут берег.

Трепетны спящія оливы; благоухают лимонныя рощи. Впляс выплывает конская ископыть, заяц, как бѣлое привидѣніе, взмет-

нется навстрѣчу. Сонной великаншей нахмурилась горная цѣпь. Здѣсь коню не пройти: нужен мул, низкорослый «бурро» Невады, с желѣзными сухожилиями и дублеными боками. Выносливый товарищ, за икающей клич прозванный «соловьем пустыни».

Еще год — и бурро затрубит на разсвѣтъ. В отвѣтъ тѣвкнет собака. Ночная муть гадукой отползла за кактусы, фіалковые хребты гор позлащены розовым. Взвигнув, собака кинется лапами на грудь. И, притворяясь суровым, он скажет:

— Не балуй, собака. Ступай за газетой.

Собака дрессированная: несет из города газету, — тридцать миль туда и обратно. Приучена ходить за покупками: на ошейникѣ корзина, на спинѣ полевое радіо. Зная собачью повадку, легко услѣдить на разстояннн, если унюхает в корзинкѣ мясо; радіо скажет голосом хозяина:

— Эй собака. Брось бифштекс.

Полевое радіо большая подмога: можно послать собаку в Лас-Вегас, когда самому лѣнь ѣхать. Подойдет к рулеткѣ и по приказу в радіо поставит на двойное зеро. Собака ученая, играет без промаха.

Это она отыскала золотую долину и повисшія над уступами пещеры. За кактусами, сквозь пожар цвѣтущаго шиповника, через ущелья, — застывшій водопад камня, — пролегла дорога к первым людям Невады. На скалах высѣчены надписи, рисунки человѣчьих, распластанных рук, изображенія солнца, похожія на жука о восьми лапок.

Помнится, как в желтом зноѣ, воспарив, замерли орлы; помнится черное серебро ручья, лепетавшаго навзрыд по гольщам. Из-за валунов и появились тогда рыжеволосые люди. Костистые, мохнатые, они скачущими прыжками гнались за серной, швыряя ей вслѣд камни. Но серна взвилась над ручьем и прорвавшись сквозь вереск исчезла. А рыжіе сгрудились и заурчали, как безпокойные звѣри. Один, навѣрное вожак, — громадный, криволапый, затылок врос в спину, — схватил бульжник и метнул через ручей. Из пещер, цѣпляясь о выступы, сыпались вниз рыжіе люди: все племя собралось травить серну, даже старухи: позади всѣх тащилась лысая карга, скалила клыки.

Скрытый обломками валунов, Джо слышал запах разъяренных тѣл, видѣл лица с нечеловѣческими, будто раздавленными и смазанными чертами, рты от уха до уха, ощеренный зѣвъ вожака, бѣшеные глазки старухи. И странно: рыжеволосые попирали золото. Бульжники чистаго золота круглились в долину, песок на берегу ручья был золотым, сыпучим. Здѣсь было больше золота, чѣм в игорных домах Лас-Вегас; больше, чѣм в странѣ, именуемой Китаем, гдѣ временами Джо живет ненастоящей жизнью.

Если бы найти дорогу обратно, в золотую долину. Но собака отказывается ити по прежнему слѣду, и бурро не хочет вновь карабкаться среди круч. Сколько раз бурро противился окрику:

— Наполеон! Иди вперед, чертов сын!

И почему-то Наполеон отвѣчал женским голосом:

— Джо! Джо! Ты опять спишь наяву...

Но он помнит заросли пепельнаго вереска, укравшія серну; помнит знаки на скалах. О чем они говорят? Не о тайнѣ-ли золота, поработившаго тѣх, кто пришел на смѣну рыжеволосым людям?

Черточки, кружки и усагы палочки. Недавно, его секретарша, улыбаясь, вернула ему конторскій документ, испещренный на полях этими знаками. Навѣрное, секретарша вообразила: начальник рисует, задумавшись над дѣлами. В дѣйствительности же, эти знаки были поставлены вожаком рыжеволосых, что-то напоминали, приказывали.

Ночью Джо вышел в сад и начертил знаки на стѣнѣ своего дома: палочки и лапчатое солнце. С рисовых полей плывет лягушечій перезвон, сонно шушукуются тронутыя вѣтром ивы. Газон индѣвет лунным свѣтом, лиловы воронки вьюнов, завивших ограду. За ней разбѣжались поля, и фанзы далекой деревни кажутся кусками сахара. Холм и дерево над ними затканы радужным дымом: здѣсь похоронен деревенскій праведник; может быть лунный свѣт был его тѣнью. Или это воплотившійся перед разсвѣтом человѣк-лиса, длиннохвостый, остромордый, крадется пугать китайчат. А каменный лама под елями ожил, нашептывает стансы Ли-По:

В торжественном весельи своем я не отвѣчу: зачѣм живу среди зеленых гор. Иное небо, и земля иная обителью мнѣ служат. Я там один, и вижу на персиковом деревѣ цвѣты. Я слышу, как вдаль течет спокойная рѣка.

Тысячелѣтія прожил лама. Вѣщее сердце его знает: время не имѣет силы, преодолевается разом. В лунном зеркалѣ отражены водоемы вѣка. И шелестом надтреснутаго колокольчика зазвенѣл по саду четырехтонный распѣв:

Зачѣм ты пришел в мою застѣнную страну, иноземец? Чтобы обогатиться? Развѣ ты не зналъ, что лишь помыслы глупца обращены к наживѣ, тогда как мудрый ищет познанія и свободы. Человѣк должен быть подобен водѣ, учил великій старец; движеніе ея непрерывно, но встрѣтив запруду — остановилось. Прорвется запруда, — снова текут струи. В четырехугольном вмѣстилищѣ вода четырехугольна; в круглом — она круга. Нѣтъ ничего могущественнѣе воды, утверждал Лао-Цзы. Но ты, иноземец? Жадность изсушила твой источник, и вмѣсто живоносных струй в душѣ твоей мертвый песок. Ты заполнил свои дни поспѣшностью, забывъ, что разумному человѣку не приличествует торопиться «Ю-кунфу», — говорим мы, тысячелѣтніе: есть время. Вот почему мы так любим созерцать падающій снѣг. Бѣдствіе твое не от того, что тобою не сдѣлано в жизни, но от того, что ты посвятил себя ненужному. В твоём домѣ обитает глупая женщина, чей удѣл суета и праздность. Цзао-Ван, геній домашняго очага, от тебя отвернулся. Ты приобрѣлъ сокровища, достаточныя для благополучія многих семейств; не думаешь-ли ты, что богатство поможет тебѣ

при свиданіи с неизбѣжным? Въчасъ не встрѣтитъ тебя пѣніемъ флейтъ, и боги будутъ печальны.

Вѣтеръ хлынулъ изъ-за елей, разнесъ хвойную качель. Въ лунномъ столбѣ заплескала грива коня: лама тронулъ поводья, ѣдетъ голубымъ путемъ императрицы небесъ. И сразу померкъ садъ, только свѣтляки плывутъ искрающимися многоточіями.

Азіатская ночь всепоглощающа. Изъ темныхъ нѣдръ ея возникаетъ очеркъ многояруснаго корабля. Помнится, была сильная качка: шелъ тайфунъ. Каюта падала набокъ и, выпрямившись, проваливалась въглубь. Иллюминаторъ окатывало водой, кто-то дубасилъ стопудовымъ кулачищемъ въ бортъ, стучалъ желѣзными когтями надъ потолкомъ; тряслись замки, скрипѣли болты. А на утро, — солнце вставало въ радугѣ сходящихся волнъ, изъ зеленого ихъ студня выпрыгивали летучія рыбы и, сверкнувъ, проносились серебряной проволокой поверхъ гребней. Корабль, пошатываясь, держалъ курсъ на западъ, гдѣ загорелый тайфуномъ дремлетъ шелковый Китай, ждетъ пришельца. И очаровывая маревомъ своихъ разступающихся далей, желтая земля заманитъ его, измучаетъ видѣніями.

Въ углу сада мелькнула тѣнь; лунный дождь осеребрилъ рыжія космы. Вожакъ. Скалясь, показываетъ что-то знаками. Усиливаясь понять, Джо стиснулъ голову руками; вселенная сошлась въ черную, подмигивающую точку. Въ саду двое: онъ и вожакъ, нѣмой въ своемъ первозданіи. Двое, да еще домъ съ лунными стеклами, спящее чудовище. И стало вдругъ понятно: не собака и не бурро отыщутъ золотую долину: туда приведетъ только вожакъ первыхъ людей земли. Но эту ночь надобно зажечь, освѣтивъ путь къ одиночеству и свободѣ. Недаромъ среди таинственныхъ надписей сияетъ восьмилепное солнце.

Повинуясь беззвучному приказу, Джо прокрался въ гаражъ, нашелъ банку съ керосиномъ. Осторожно, стараясь не загремѣть, приволокъ въ комнату. Спавшія рыбки встрепенулись, растарашивая сквозь стекло черныя пузыри зрачковъ. Вынося аквариумъ въ садъ, Джо увидѣлъ, что вожакъ смѣется, киваетъ взлохмаченной головой.

Въ темномъ домѣ ни стука, ни шороха. У керосина холодноватый, пронзительный запахъ; влажныя полосы измѣнили коверъ, смокла обивка креселъ. Какъ вырвавшійся клинокъ, полосонуло пламя. Кинувшись въ садъ, Джо оглянулся: огонь ручьемъ заливалъ коверъ, шторы пылали дымнымъ факеломъ. Со стономъ лопнули стекла, посыпавшись въ траву.

Перемахнувъ черезъ ограду, Джо понесся впередъ, перепрыгивая черезъ рытвины, настигаемый скачущей тѣнью. Позади послышались крики: какія-то фигуры сбѣгаютъ во дворъ по боковой лѣстницѣ, толстуха въ пижамѣ заламываетъ руки. А подъ елями, освѣщенный дрожащимъ заревомъ, неподвиженъ въ своемъ покоѣ каменный стражъ желтой земли.

Ирина Грэм.

„КАМЕРГЕР И ГИШПАНКА“
ИЛИ „РУССКІЕ В КАЛИФОРНІИ“

(Историческій роман)
(Продолженіе)

Copyright 1949 by the author.
Tous droits réservés.

В СТОЛИЦЪ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Сквозь сѣтку мелкаго дождя Рѣзановъ с любопытствомъ разглядывал столицу Баранова: сотни три байдарок, вытянутых на отлогій берег, дальше за ним на возвышенности бревенчатая стѣна блокгауза форта с пушками, повернутыми жерлами в сторону темнаго лѣса, и часовыми, шагающими вдоль крѣпостнаго вала. На рейдѣ стояло три судна: красивая «Нева», которую так странно показалось опять встрѣтить в этой глуши, маленькой корабль Компаніи «Елизавета» и какая то стройная, крѣпко сбитая шхуна, под кормой которой Рѣзановъ в подозрную трубку разобрал названіе и мѣсто постройки судна: «Юнона» из Бристоля, штат Род Айленд. Таков в общей совокупности был вид на Ново-Архангельск, куда Рѣзановъ пришел 26 августа 1805 года.

Грохнули салюты пушек, подхваченные многоголосым эхо. И поселок высыпал на берег встрѣтить почетнаго гостя во главѣ с Барановым. Вопреки описаніям, «король Аляски» оказался коренастым человѣком невысокаго роста с черной бородой и в черном же парикѣ, который он имѣл странную привычку подвязывать цвѣтным носовым платком, выходя наружу. Заросшее волосами характерное лицо в общем напоминало обезьянье. Он замѣтно хромал — слѣдствіе жестокой податры, и пальцы на руках в силу той же причины были сведены.

Подходя к Рѣзанову, Баранов вскинул обѣ руки, привѣтствуя его.

— Добро пожаловать в наши глухія палестины, ваше высокопревосходительство.. Жаждался вас. От души рад дорогому гостю.

И в этих простых словах и в крѣпком пожатіи кулачка Баранова Рѣзанову почувствовалась прямота и искренность.

— Я уж знаком с вами по многим разсказам, Александр Александрович, — сказал Рѣзанов. — От Петропавловска чрез всю Русскую Америку только имя ваше и слышишь.

— Болтают обо мнѣ не мало, — улынулся Баранов, отчего

лицо его еще больше получило сходство с обезьяньим. — Милости прошу в мои палаты.

Палаты короля Аляски оказались тѣсной избой с протекающей крышей, не лучше, если не хуже всѣх других изб в поселкѣ, в которых жили рядовые промышленники.

Баранов был полу пьян. Это было его обычное состояніе, несколько не отражавшееся на его рѣчи и движеніях. И в «палатах» на почетном мѣстѣ посреди стола стояла дежурная бутылка водки, поставившейся на Аляску из Сибири Компаніей. Присѣвъ к столу, Баранов привычным точным движеніем плеснул себѣ из бутылки в стакан вровень с краями.

— Не прикажете ли, ваше высокопревосходительство, погрѣться с дорожки? — предложил он гостю.

— Спасибо, я этим дѣлом не очень балуюсь.

— Станете баловаться, батюшка, коли подольше с нами поживете. Тут без этого нельзя.

И когда затѣм Баранов повел Рѣзанова смотрѣть поселок, и Рѣзанов увидал бѣдное жильѣ промышленников и почти пустые провіантскіе магазины, он подумал, что прожив тут зиму, чего добраго дѣйствительно от тоски запьешь.

Обходя поселок, салотопенный и канатный заводы, уже построенные Барановым, и рассказывая о своем путешествіи и о посѣщеніи Кадьяка, Рѣзанов мельком упомянул о «музеумѣ», основанном им там.

— Да что вы! — даже остановился Баранов, хлопнув себя по бокам. — Музей с Иван Ивановичем на Кадьякѣ открыли? Вот это мнѣ в голову никак не пришло бы. Только, ваше высокопревосходительство, умственность умственностью, дѣло хорошее, а все бы вы еще лучше сдѣлали, кабы нам чего-нибудь и понасушище привезли. А то чѣм, позвольте спросить, кормить я вас буду?

— Ну, какнибудь.

— Какнибудь сыты не будете. А морская собачка, как мы акулу величаем, вряд ли вашему высокопревосходительному желудку по нраву придется. Развѣ, говорю, пить начнете. Водка — она чудесно всякій пищій вкус отбивает. С нею собачку лучшим манером лопаешь.

Рѣзанову отвели избу не многим лучше других. Иван уже успѣл перенести туда вещи понужнѣе. Когда Рѣзанов с Барановым вошли, он стоял посреди большой комнаты с рукой, застывшей у затылка, и глубокомысленно глядѣл, как сквозь крышу сильно капала вода. Поза была характерная. Баранов ухмыльнулся.

— Что, брат, течет?

— Течет, сударь.

— Такая уж у нее дурная привычка, — успокоил Баранов. — Ну, не горюй. Я тебѣ сейчас плотника пришлю, вы ее с ним вмиг почините. А завтра она опять потечет. У нас тут, друг, весело, не то, что в твоей столицѣ. Театров и подобных тонких развлеченій, извини, нѣтъ, за то натуральных сколько прикажешь.

Баранов своим юмором и естественной непринужденностью начинала нравиться Рѣзанову.

— Если нам не смѣяться, — говорил он, — пришлось бы сплошь реветь. А это послѣднее дѣло: мысли загрызут.

Пока Иван, снявъ с большим неодобреніем свой питерскій пиджак, полѣз с плотником на крышу, Рѣзанов поѣхал на «Неву» повидаться с Лисянским и посмотреть груз мѣхов почти на полмилліона рублей, которые Баранов спросил Лисянскаго свезти по дорогѣ в Кантон. Еще не зная о посылкѣ миссіи графа Головкина, Баранов, пользуясь случаем, еще раз хотѣл попытаться завязать непосредственныя сношенія с Кантоном.

Шемило на душѣ у Рѣзанова, когда он возвращался с «Невы», думая о Петербургѣ, куда Лисянскій уходил в днях. Вспомнил удобства столичной жизни, кабинет любимый в собственном домѣ. И перспектива провести зиму в глуши Ново-Архангельска, на концѣ свѣта, показалась вдруг куда как мало заманчивой. Но ко времени возвращенія его с «Невы», крыша в избѣ была починена, изба чисто прибрана, бумаги и письменныя принадлежности аккуратно разложены на большом, гладко выструганном, пахнущем смолкой еловом столѣ, печь жарко топилась, весело потрескивая и прогоняя дождевую сырость, и Рѣзанов рѣшил, что он сможет прожить тут зиму вполне сносно, коротая свободное время за новой большой работой: закончив русско-японскій словарь, он теперь рѣшил приняться за алеуто-русскій, довольно основательно усвоив алеутскій во время перехода из Петропавловска.

Пришел Иван. Сквозь обычную хмурость чувствовалось — чѣм то доволен.

— Индѣйка там пришла, — доложил он,

— Кто? — удивился Рѣзанов.

— Ну, дѣвка индѣйская. Господин Баранов прислал для бабьей услуги.

— Что ж, годится?

Иван докрутил головой.

— Ништо. В полной плепорціи, хоть краснорожая.

Рѣзанов с удивленіем было глянул искоса на всегда корректнаго камердинера. Понял: в Питерѣ он, говорили, насчет бабьяго сословія был слаб, много мѣсяцев провел в путешествіи на холостом положеніи, теперь увидал бабу....

— Дурак. Я говорю — стряпать что ли годится?

— Балбочет — на все подится.

— Ну, оставь, Посмотришь. Пригодится, — скажешь. Положим жалованье, сколько думаешь. Нѣтъ, так отпустишь.

И Рѣзанов тут же забыл об «индѣйкѣ».

Устроившись и войдя в новую колею, он через нѣсколько дней пошел вечером к Баранову. Перед тѣм стояла обычная бутылъ. В печи посвистывал мѣдный чайник, и Баранов все подливал себѣ в стакан то водки, то кипятку.

Рѣзанов пришел поговорить о дѣлах. Баранов это понял.

— Чай короб жалоб на меня привезли, ваше высокопревосходительство? — сказал он. — Говорить, так говорить по душам. Смерть не люблю лукавить.

— Давайте по душам говорить, Александр Александрович. Сам лукавить не охотник.

— Всѣ, кому не лѣнь, вам на меня жаловались: промышленники, монахи, офицеры. Так?

— Так.

— Знаю и то, как правленіе и вы недовольны, что я продолжаю якшаться с американцами. Ваше правленіе страх какія непопулярныя письма мнѣ по сему поводу шлет.

— У вас и сейчас на рейдѣ американская шхуна стоит.

— Вникните в суть дѣла, Николай Петрович. Писать мнѣ обо всем этом вашему правленію неудобно. Ваши компанейскіе корабли с продовольствіем из Сибири приходят ко мне сюда в кои вѣки раз. К тому ж половина провіанта обычно приходит подмоченной, а вторая половина вообще мало пригодной, — присылают нам, что им в голову взбрѣдет, не считаясь с нашими нуждами. При таких обстоятельствах приходится мнѣ урывать от спѣшных дѣл свои немногіе корабли и посылать их за провіантом в Охотск, гдѣ купцы, пользуясь случаем, дерут с нас десять шкур, а все наши промышленники и так уж в долгу, как в шелку. Потом: русскому рабочему человѣку первым дѣлом хлѣб требуется. Мука к нам часто прѣлая приходит, да пополам с крысиным помѣтом. С американских же шкун, сюда чуть не каждый мѣсяц заходящих, я могу первосортнѣйшую муку и другіе продукты имѣть по дѣнам болѣе сходным, нежели охотскія. Что ж мнѣ дѣлать: слушать ваши приказы из Питера и заставлять людей с голоду пухнуть, либо, что мнѣ нужно под рукой у себя, у американцев покупать?

— Гм!

— То-то, что гм! Знаете, на сколько времени у меня сейчас продовольствія хватит? Дай Бог, на мѣсяц. И ежели к тому времени подвоза не будет, вашему высокопревосходительству придется морской собачкой полакомиться. И когда брюшко у вас подведет, а в гавань американская шхуна войдет, полная свѣжих продуктов, так вы же первый запросите их.

— Ладно. Допустим, в сем отношеніи вы правы. Но скажите на милость, зачѣм вам снабжать ваших конкурентов, американских промышленников, русскими охотниками во вред Компаніи? Об этом мы сколько раз в правленіи толковали.

— Во вред? Опять же вникните. Судов у нас одно, два и обчелся. Звѣрь убывает поблизости. Надо новыя мѣста находить. Чтобы искать их, чтоб туда охотников возить и обратно добычу, — корабли нужны. У американцев быстроходных судов сколько хотите. Вот мы и входим с ними в компанію: я им охотников даю, а они мнѣ от сорока до пятидесяти процентов с проданных мѣхов платят. И если какой-нибудь хорошо мнѣ знакомый шкипер, вроде прятеля моего О'Кэйна, свезти наши мѣха прямо в Кантон пред-

лагают, куда мы сами носа пока что сунуть не смѣли, так я ему охотно хороший процент на этом заработать даю. Укажите мнѣ друпой способ держать прибыли нашей Компаніи на хорошем уровнѣ, и я вам за совѣтъ в ножки поклонюсь.

— Вот, дайте познакомлюсь с положеніем дѣла на мѣстах.

— Знакомьтесь, знакомьтесь, и меня дурака, поучите. Дальше. Монахи вам жалуются. По совѣсти говоря, нужны они мнѣ тут, как волку второй хвост. Жалуются, — книг нѣтъ, свѣчей нѣтъ, чистой пшеничной муки для просфор нѣтъ, церковнаго вина нѣтъ. Да откуда я то их возьму, коли вы мнѣ добра этого не шлете? Жалуются, — голодают, приходится акульим мясом питаться, самим питаніе из океана добывать. Вѣрно. Так вѣдь и нам тоже таким манером жить приходится. На то они и монахи, чтобы по-стом себя спасать. С голоду никто еще из них не помер. Надавали вы этим монахам обѣщаній, возможностей их исполнять мнѣ не даете, а с меня же спрашиваете.

— Так. А что скажете насчет жалоб морских офицеров? Мы их вам в помощь шлем, а вы их, говорят, матерной руганью кроете.

— И буду, черт их дери совѣм. Они вам жалуются, я в их флотском дѣлѣ ничего не смыслю. Откуда ж мнѣ? В корпусках не обучался. Трудовым потом грош зарабатывая, сам в азбуки-вѣдях при лучинѣ разбираться научился. А вот на Кадьяк и Аляску без карт дошел и пока что три поселка с крѣпостями вам основал. А тут этот сукин сын Машин, лейтенант флота его величества, как он себя величает, распротак его и эдак, корабля сюда довести не смог, когда мы с голоду чуть не перемерли, залег на зиму на Уналашкѣ и наши продукты сам с командой слопал. Это называется понимать морское дѣло? А то вот раз нужно мнѣ было пойти на корабль к лейтенанту Талину, сообразить насчет мѣста для пушного груза. Так он мнѣ, главному правителю Русской Америки, в рупор крикнул, что вздернет де меня на верхушку мачты, как шелудивую собаку! Как вам это понравится? Диву даюсь, откуда ваше адмиралтейство остолопов таких выкапывает. Что же оно на службу у нас, как на сорный ящик смотрит? Хорош еще и этот ферт Сукин, столичная штучка. Дѣла не знает, нос дерет и с тросточкой, как по Невскому, у нас тут разгуливает.

И избоченясь, Баранов показал, как Сукин разгуливает по-столичному. Рѣзанов разсмѣялся.

— Я сих господ обратно в Петербург спешу, — сказал он. — Попрошу, получше б прислали. Нам такіе помощники, дѣйствительно не ко двору,

— Пообождите списывать, ваше высокопревосходительство. Дайте им сперва с Компаніей разсчитаться. За одним этим Сукиным пять тысяч долга, из них три за спирт и водку.

— Да что вы?

— Ну, удивительнаго тут ничего нѣтъ. Командиры ваши, Хвостов с Давыдовым, не меньше пьют. Да эти хошь дѣло свое разу-

мѣют. Вчера пришли от скуки со мною на перегонки по бутылочной части гнаться. Куда им, сосункам! Сразу обставил. Да, всё тут шьют шибко.

— Кто-то хороший примѣр им подает.

— Не язвите, ваше высокопревосходительство. Проклятой водкой только и держусь здѣсь. Не будь ее, давно б и меня не было. Вѣдь подумайте, гдѣ и с кѣм живу? Одни лихіе люди кругом. Кто колонисты, вами мнѣ посылаемые? Сибирскіе душегубы и грабители. Кто помощники мои? Такіе же головорѣзы, темный люд, в новые края за легкой наживой пустившіеся и готовые на что угодно лишь бы пьяным быть и с дѣвкой спать. Поди, сколько жалоб на меня, что звѣрь, дескать, нещадно с ними и с индѣйцами обращающийся. Попробуйте лаской. Только страхом ко мнѣ все и держится. Спят и видят меня извести. Сколько раз на жизнь мою замышляли. С ножом и пистолем под подушкой сплю. Не важна штука — меня убьют. Меня убьют — дѣло убьют. Да сил моих больше нѣт, Николай Петрович. Надоѣло мнѣ тут, уйду. Ищите замѣстителя.

— Что вы, что вы, Александр Александрович, как можно! Вы для нас незамѣнимый человек.

— Знаю. Да вѣдь когда-нибудь должна ж каторга эта кончиться. Я сюда, ей-Богу, как в великое наказаніе пріѣхал. Нужно о своих дѣлах подумать, долги в Иркутскѣ попытаться сискать. Тут, у вас служа, ни копейки про черный день не сберег. Соберу денег, в теплые края подагру лечить поѣду. На солнце. Страсть, как солнца жаркаго хочется. Под солнцем пить брошу. Вон, друг мой Камегамега, сандвичскій король, жить к себѣ зовет.

— Камегамега о вас, дѣйствительно, высокаго мнѣнія. Королем Аляски величает.

— Ну, вот видите.

— А то к своим друзьям бостонцам махнете, а? Никак я порою в толк не возьму, на кого вы работаете: на нас или на них.

— Все вы язвите, ваше высокопревосходительство. А думаете бostonцы в самом дѣлѣ не рады бы мнѣ были? Одна большая фирма давно мѣсто управляющаго предлагает. За мною слово. А что просто в гости зовут — таких приглашеній без счету. И очень бы мнѣ охота поѣхать поглядѣть, как это Бостон купцов производит. Наши перед ними малые ребята.

— Нѣт уж, Александр Александрович, вы уж эти разговоры насчет ухода, Бога ради, оставьте.

— Да коли ж здоровье не выдерживает! Меня ж ломота во всем тѣлѣ совсѣм загрызла. Вот хошь бы вы за мое здоровье выпили в кои вѣки раз, может быть мнѣ и полегчало. Знаете что? Запасец малый рафинаду завѣтный у меня есть, лимоны от американской покупки остались. Отличнѣйшій вам пушик сварганю. Ей, право! Что мнѣ все одному пить. Раздѣлите компанію. Аляска нам обним милѣ покажется. Вон какая зябь со двора лѣзет, а всего сентябрь у нас.

Ръзанов сдался.

Ну, Бог с вами, так уж и быть, варганьте ваш пуншик.

В знак радости Баранов по привычкѣ своей вскинул обѣ руки вверх и пошел, ковыляя, доставать свой завѣтный сахар. Он все больше нравился Ръзанову, который, приглядываясь к жизни на Аляскѣ, все больше начинал понимать, что этот юморист, сведенный подагрой, не только необходим Компаніи, но что без него ни Компанія, ни вообще Русская Америка совсѣм немислимы.

Ръзанов пил очень рѣдко. Водка оказалась довольно дрянной, хоть лимон и отшибал ее вкус. Первый свирѣлый стакан «пуншика» прошел с трудом, второй уже полегче. Кровь быстрѣ заходила в жилах. И изба Баранова с вѣчно мокрым от сырости полом и вообще жизнь на Аляскѣ показались в самом дѣлѣ как будто поноснѣе.

Когда Баранов наливал третій или четвертый стакан у печки, а темнотѣ у двери послышался легкій порох, мелькнули будто угли чьи-то глаза в бѣлизнѣ бѣлков, обрисовалась высокая грудь, стройная фигура, на мгновеніе выхваченные из тьмы багровым свѣтом полыхнувшей печки.

Ръзанов с удивленіем посмотрѣлъ на Баранова.

— Что это ваш пуншик так на меня дѣйствует, или там в самом дѣлѣ кто-то сейчас в углу у двери был?

— Конечно, был. Анка забѣгала.

— Какая Анка?

— До сих пор не знаете? Она по приказу моему с первого дня вашего приѣзда к вам для услуг приставлена. Самая красивая у нас тут колюшанка.

— Не обратил вниманія.

— Куда вам!

— Ах, да, впрочем вспоминаю: Иван что то говорил. Да тут то ночью, что ей понадобилось?

— За дѣлом прибѣгала: посмотрѣть, довольно ли ваше высокопревосходительство пуншику хватило, чтоб спать вас вести. Это тоже в ее обязанности входит.

— Вы с ума сошли! Коли так, уберите ее прочь из моей избы, а то Ивану гнать ее велю.

— Да полноте, ваше высокопревосходительство, дѣло ж это житейское, особливо у нас тут, на Аляскѣ. Человѣк вы не старый, нельзя же без бабы жить. И я вам скажу, колюшанскія дѣвки эти ей-ей хоть куда, только шпионят за нами, дряни. Анкѣ страсть не терпится с вами переспать. Честь какая! Ее послѣ этого самый богатый ихній индѣйскій вождь в жены возьмет.

— Да ну вас, Александр Александрович. Я не шучу. Я приказываю вам ее убрать.

— Что же с вами подѣлаешь, — уберу. А я то старался угодить! Я вот что. Я ее вашему пріятелю натуралисту пошлю. Ублажу нѣмца. Очень он мнѣ своим востреньким носом угодил.

Ръзанов невольно разсмѣялся.

— Вот именно. Пошлите ее Лангсдорфу. Он ее, как лягушку, распластает и начнет по всѣм правилам своей нѣмецкой науки опредѣлять, к какому виду голенастых, или как их, сію особь отнести.

— Обижаете вы мою Анку. Это Анка то голенастая? Да у нее всяких этих женских добродѣтелей, как у нашей русской деревенской красавицы. А уж пылу — избу истопить можно. Ей право, ваше высокопревосходительство, не брезгуйте. Дѣвка рѣдкостная. Жалѣть послѣ будете, что отказались.

— Да, ну вас! — Рѣзанов встал. — Заговорились мы с вами. Час поздній. Пора на боковую.

И «монах» поскорѣе ушел от грѣха.

На слѣдующій день он проснулся с сильными спазмами в желудкѣ и с отчаянной головной болью. Прибѣжавшій Лангсдорф пустил ему кровь, дал какого то decoctu, строжайше запретил на будущее время пить мѣстную водку. Все еще помня обиду, он держал себя официально, посидѣл, пока пациенту стало лучше, и сейчас же ушел.

Скоро Рѣзанов почувствовал себя совсѣм хорошо. И он лишній раз подумал в связи с этим случаем, как с его капризным здоровьем ему трудно было бы обходиться без доктора в глуши Аляски. Вспомнив, что в этот день к вечеру «Нева» уходила в Россію, он забезпокоился, не вздумал бы обиженный нѣмец воспользоваться случаем удрать в Европу. Он снова послал за ним, поблагодарил, похвалил его искусство, усадил, угостил турецкой папиросой и любезно спросил, как ему живется. Принимая вниманіе обычно равнодушнаго к нему начальства за чистую монету, экспансивный Лангсдорф рассыпался в благодарностях.

— О, благодарю вас, хох экселленц. Мы с лейтенантами фон Хвостовым и фон Давыдовым устроились совсѣм не плохо. Не хватало только женской руки, чтобы привести нашу холостую берлогу в уютный вид. Но вчера поздно вечером господин Баранов прислал нам отличнѣйшую молодую прислугу по имени Анка. Особа эта оказалась весьма услужливой и преисполненной всяких прѣкрасных качеств.

— А, так. А научныя ваши занятія как?

— Флорой здѣшней я еще не успѣл заняться. Фауна же мнѣ дала уже кое что интересное. Вчера, напримѣр, я обогатил свои коллекціи любопытным экземпляром хохлатых куропаток, у нас неизвѣстных И...

Дольше у Рѣзанова по обыкновенію не хватило терпѣнія.

— Значит, вы не жалѣете, что пріѣхали сюда?

— О, нисколько!

— Очень рад, желаю вам успѣхов. При случаѣ загляну к вам, посмотрѣть вашу хохлатую рѣдкость.

Нѣмец ушел обласканным и, придя домой, «занотатил», по выраженію Давыдова, в своей записной книжкѣ, что начальник его,

хотя и обладает свойствами хамелеона, но по существу он не злой человек, как это можно бы подумать, не зная его хорошо.

Отпустив доктора, Рѣзанов сѣлъ доканчивать письмо директорам правленія. Дописал характеристику Баранова. Всѣ живут бѣдно в Ново-Архангельскѣ, писал он, но едва ли не бѣднѣе всѣх живет основатель его, хижина коего так убога, что полъ от сырости в ней постоянно мокр, и во время дождей крыша течет, как рѣшетъ. Забывая о своих личных удобствах, он не перестает думать об удобствах других. Представляет продукт воспитанія в духѣ Руссо, человекъ оригинальнаго ума, огромной воли и безстрашія. Если бы не исключительное мужество его, побудившее его, послѣ разрушенія перваго поселка индѣйцами, сейчас же построить второй бок-о-бок с крѣпостью одного из самых воинственных и кровожадных индѣйских племен Аляски, то стоимость паев Компаніи давно бы упала до такого низкаго уровня, который сдѣлал бы дальнѣйшее существованіе ее затруднительным. Далѣе Рѣзанов описывал чисто военный бытъ поселка в близком сосѣдствѣ со свирѣпыми и вѣроломными колошами, вооруженными американскими дальнобойными ружьями, пистолетами и даже фальконетами, и строгую дисциплину, установленную Барановым: вечером, послѣ захода солнца с палисадов крѣпости каждыя нѣсколько минут даются сигналы, и до восхода солнца никому не позволено входить в поселок, не зная пароля. Оружіе всякаго рода составляет главное украшеніе всѣх жилищъ.

Конфиденціальную часть письма Рѣзанов дополнял официальными данными для всеобщаго свѣдѣнія в Петербургѣ довольно оптимистическаго характера: торговля Русской Америки идет отлично, жители обучаются необходимым ремеслам, промыслам и всякаго рода нужным производствам; корабли Компаніи находятся под управленіем опытных мореходцев, и молодежь обучается морскому искусству, чтобы впослѣдствіи замѣнить своих учителей; боевое оборудованіе форта не оставляет желать ничего лучшаго, в провіантѣ пока недостатка нѣтъ.

Такое оптимистическое настроеніе уступило мѣсто чувству, близкому к отчаянію, когда Рѣзанов вплотную приглядѣлся к жизни в Русской Америкѣ и фактически вступил в управленіе ею. Посыпались всякія невзгоды. «Елизавета», возвращавшаяся в Ново-Архангельск с грузом продовольствія, погибла, попав в страшный шторм. В тот же шторм погибли двѣсти байдарок с самой большой в том году добычей мѣхов. И больнѣе всего было то, что колоши, врасплох напав на новый поселок, построенный Барановым в заливѣ Якутах, милях в 275 къ сѣверо-западу, для партіи переселенцев, присланных правительством под начальством Баннера, сожгли поселок до тла, а населеніе все перебили, насадив головы убитых на колья вдоль залива. Тяжелую вѣсть эту привез нарочный, посланный агентом Компаніи, Иваном Рѣпиным, из поселка Нучека, лежавшаго милях в 200 еще дальше къ сѣверо-западу за Якутатом. Рѣпин сообщил, что и населеніе Научека подверглось бы

тѣхъ же увѣся, если бы не было на байдарках в море, своевременно предупрежденное одним из друзей-алеутов.

Под вліяніемъ такихъ явленій Рѣзанову скоро стало ясно, что, какъ ни велики многія нужды Русской Америки, ихъ всѣхъ добывала одна главная и неотложная нужда: необходимо было перевести промысловую колонію в болѣе удобныя мѣста, гдѣ пища было бы добывать легче, гдѣ климатическія условія были бы менѣе суровы и гдѣ бы промысловый звѣрь водился в достаточномъ изобиліи. А прежде всего надо было какъ можно скорѣе наладить доставку продуктовъ изъ самой же Америки, не завися отъ Сибири, о чемъ Рѣзановъ давно мечталъ.

Мысль эта гвоздемъ засѣла въ головѣ Рѣзанова. Неожиданный случай далъ толчокъ къ ея осуществленію.

Г л а в а 6.

«ЮНОНА»

Въ октябрѣ вернулась изъ плаванія в Океанію американская шхуна «Юнона», которую Рѣзановъ засталъ на рейдѣ Ново-Архангельска, придя съ Кадыяка. Барановъ привелъ капитана ея, Джона Д'Вольфа, къ Рѣзанову. Джонъ владѣлъ шхуной в компаніи со старшими братьями, состоятельными купцами в штатѣ Родъ Айландъ, в Новой Англіи.

Молодой жизнерадостный американецъ, съ здоровымъ румянцемъ во всю щеку и съ пріятнымъ открытымъ лицомъ, сразу произвелъ на Рѣзанова хорошее впечатлѣніе.

— А я вамъ, сэръ, поклон привезъ, — сказалъ Д'Вольфъ, весело скаля зубы.

— Да что вы! Отъ кого бы это?

— Отъ Камегамети. Онъ отъ васъ в восторгѣ. Все вспоминаетъ. Вообще большой поклонникъ русскихъ.

— Свѣтъ малъ. Какъ вы къ нему попали?

— Да онъ мой давнишній знакомый. Всегда захожу къ нему, совершая торговые рейсы в южной части Тихаго Океана.

Рѣзановъ велѣлъ Ивану подать чаю. Барановъ дополнилъ его бутылкой хорошаго рома, привезеннаго ему в подарокъ Д'Вольфомъ. За чаемъ Рѣзановъ сталъ разспрашивать молодого капитана, удаченъ ли былъ его рейсъ.

— Да такъ себѣ, сэръ. В Калифорнію меня не пустили, всѣ порты теперь закрыты для иностранцевъ. Такъ что весь товаръ, запасенный для моихъ испанскихъ покупателей тамъ, остался в трюмѣ. Потомъ къ нему прибавился грузъ провіанта, закупленнаго в Океаніи. Такъ что мой корабль биткомъ набитъ, а дѣлать мнѣ съ этимъ добромъ сейчасъ нечего. Зима на носу. Хочу просить васъ съ мистеромъ Барановымъ разрѣшить мнѣ съ «Юноной» перезимовать у васъ.

— А не продадите ли нам . . . те добро? — спросил Рѣзанов, быстро переглянувшись с Барановым,

— Вмѣстѣ с кораблем? — полушутливо спросил Д'Вольф.

— Идет! Ваша цѣна?

Американец подумал минуту.

— Сто тысяч испанских піастров.

Баранов пріятельским жестом по-американски ткнул его кулаком в ребра.

— Запрашиваете, Д'Вольф.

— А ваша цѣна?

— Шестьдесят тысяч.

— Куда я команду дѣну? У матросов-пруссаков просрочены паспорта. Хотят домой.

• О подробностях договоримся. Какой у вас провіант?

— Все что хотите. Девятнадцать бочек соленой свинины, четыре тысячи фунтов риса, около двух тысяч галлонов патоки, одиннадцать бочек пшеничной муки, пять тысяч..

Баранов вскочил.

— Ваше высокопревосходительство, ѣдьте смотрѣть.

Позвали Хвостова с Давыдовым и сейчас же поѣхали. Кромѣ богатѣйших запасов провіанта, в трюмѣ «Юноны» оказался всякій первосортный товар — фирма братьев Д'Вольф из Бристоля знала что посылать испанской Калифорніи. Было отличное англійское сукно для мужских и женских костюмов, тончайшій шелк и полотно, шали, муслины, вороха лент, кружев, и тут же посуда, желѣзные издѣлія, стекло, земледѣльческія орудія, обувь игрушки, — цѣлая лавка, товар которой в общей сложности вѣсил двѣсти двѣ тонны или примѣрно двѣнадцать с половиной тысяч пудов. Сама «Юнона» привела Хвостова и Давыдова в восторг: она была основательно построена по послѣднему слову техники, выглядѣла почти новой, была помѣстительна, каюты были комфортабельны, даже изящны. Словом, принимая во вниманіе обильный провіант, это была находка. Не теряя времени, Рѣзанов тут же закончил сдѣлку. Д'Вольф согласился продать свой корабль со всѣм содержимым за 69,000 испанских піастров. Сумма эта выплачивалась так: 54.638 піастров ассигнаціями русской казны, на 13.062 піастра Д'Вольф согласился взять мѣхов, и триста американских долларов выдавались в задаток наличными. Сверх того, Д'Вольфу уступался компанейскій шлюп «Ермак», построенный на верфи в Якутатѣ, недавно сожженной колошами. На этом шлюпѣ часть команды Д'Вольфа соглашалась попытаться дойти до Кантона. Другая же часть с самим Д'Вольфом соглашалась остаться на службѣ у Рѣзанова.

Рѣзанов с Барановым воспрянули духом. Населеніе Ново-Архангельска было обезпечено продовольствіем во всяком случаѣ до новаго года. Тѣм временем могло подойти судно из Сибири. Д'Вольф перебрался в избу лейтенантов и Лангсдорфа, взялся за

топор и пилу и в нѣсколько дней привел избу в совершенно обитаемый вид. Она стала самой теплой и уютной в поселкѣ.

Таким образом, октябрь, ноябрь и декабрь прошли благополучно. Изводили безконечно дожди и туманы, густые, как молоко, но люди были сыты, и работа по укрѣпленію форта и на верфи кипѣла. Не найдя в Ново-Архангельскѣ свободных судов для задуманной японской экспедиціи, Рѣзанов при себѣ заложил новый бриг, назвав его «Авось», который вмѣстѣ с «Маріей» рѣшил послать лѣтом в карательную экспедицію.

Но с наступленіем новаго 1806 года, дѣла в поселкѣ опять ухудшились. Кушленные у Д'Вольфа запасы истощились, а подвоза свѣжаго провіанта не было. Пришлось обратиться к запасам алеутов — вяленой трескѣ и китовому жиру. Общее настроеніе сразу упало. Хвостов с Давыдовым запили. Лангсдорф пополнял свою книжку ѣдкими замѣтками о порядках администраціи колоніи. Рѣзанов начал болѣть. Хотя Баранов старался разнообразить его стол, доставляя для него изрѣдка свѣжую дичь (и эта привиллегія очень возмущала Лангсдорфа-вольнодумца, хотя Лангсдорф-доктор сам же настаивал на необходимости діеты), но гастрическія явленія стали повторяться.

С половины февраля среди промышленников начались заболѣванія цынгой. Началось с шести случаев, через недѣлю было шестьдесят, причем восемь больных умерло. Люди слабѣли. Коллюшане почували, что наступает благопріятное время напасть на поселок и истребить его, как Якутат, и их страшныя рожи то и дѣло выглядывали из-за лѣса днем, и ночью раздавались их злобшіе воющіе клики, леденившіе у людей кровь. Ново-Архангельску стала грозить гибель от голода, от цынги, от индѣйцев.

Рѣзанов собрал администрацію Компаніи, пригласив также лейтенантов, Лангсдорфа и Д'Вольфа, и поставил на обсужденіе вопрос о переводѣ колоніи к устью рѣки Колумбіи, описанному в путешествіях Ванкувера и представлявшему, повидимому, большія удобства для заселенія, хлѣбопашества и пушного промысла. Как Рѣзанов ожидал, предложеніе было встрѣчано бурей протестов.

Первым возразил Баранов.

— Ваше высокопревосходительство, план сей не осуществим, особливо теперь. Вы не изволите отдавать себѣ отчет, как трудно было бы перевезти поселок в новыя далекія мѣста в эту пору года. Люди голодны и слабы. Они в большинствѣ не вынесут переѣзда. Кто будет строить новый поселок и форт и пахать землю, как бы точна она ни была?

— Куда ж в такую даль ѣхать! — поддержал его промысловый старшина Финогенов. — Половина людей не доѣдет, другая там помрет. Помирать, так хошь на своей землѣ.

— Нелѣзная мысль! — крикнул пьяный Хвостов.

Всѣ заволновались. Вдруг, послышался высокій голос Лангсдорфа, покрывшій шум.

— Обер-каммерхерр фон Рѣзанов совершенно прав. Здѣсь

населеніе вымрет от холода и голода. Колонію надо перевести, чего бы это ни стоило.

Разгорѣлись горячіе споры. Прислушавшись к ним, Рѣзанов призвал собраніе к молчанію и сказал:

— Хорошо. Ежели большинство признает мой прожект сейчас неосуществимым, отложим его. Мы переведем всю колонію, когда настанет для сею болѣе удобное время. Теперь же я предлагаю послать «Юнону» только обследовать устье рѣки Колумбіи и посмотреть, дѣйствительно ли мѣста там столь удобны, как Ванкувер сообщает. С тѣм вмѣстѣ можно будет попутно вымѣнять товары «Юноны» на провіант. Его хватит на нѣсколько мѣсяцев.

— Позвольте спросить, сэр, гдѣ вы произведете мѣну? — спросил Д'Вольф.

— В Калифорніи, конечно.

— Нѣтъ, сэр, это невозможно, — тряхнул Д'Вольф головой. — Как я вам говорил, мадридское правительство дало строгій наказ калифорнійским властям прекратить всякую торговлю с иностранцами. Ни один торговый корабль, кому бы он ни принадлежал, не пропускается в порты Калифорніи. Если б была малѣйшая возможность проникнуть в нее, повѣрьте мои товары не остались бы в трюмѣ «Юноны».

— Ах, Д'Вольф, вы совсѣм другое дѣло, — опять вмѣшался Лансдорф. — Насколько я знаю, у его высокопревосходительства имѣется разрѣшеніе испанскаго правительства на свободный вход русской кругосвѣтной экспедиціи во всѣ порты Испаніи. «Юнона», под верховным начальством оберкамергера фон Рѣзанова могла бы разматриваться, как часть этой экспедиціи.

— Браво, доктор, ваше соображеніе совершенно правильно, — с благодарностью кивнул Рѣзанов своему неожиданному защитнику, и доктор сейчас-же расцвѣл. — В самом дѣлѣ, упомянутое вами разрѣшеніе откроет мнѣ вход в любой порт Калифорніи.

Вмѣшался Баранов.

— Но, ваше высокопревосходительство, для такого рейса вам потребуется команда по крайнѣй мѣрѣ в тридцать-сорок человекъ, принимая в расчет, что половину цынга навѣрняка свалит в пути. Я не могу отпустить с вами лучших моих людей, тѣм ослабив гарнизон в столь трудное и опасное время.

— Вообще, чепуха все это, — не взвѣсивая слов, поддержал Баранова Хвостов, котораго в жарко натопленной избѣ совсѣм развезло. — Вести корабль в южныя широты в эту пору пода без точных карт и заниматься без оных обследованіем каких-то устьев — курам на смѣх. Я...

Давыдов схватил его за руку.

— Легче, Хвостов!

Раздался спокойный голос Рѣзанова,

— Лейтенант Хвостов! Я учитываю возбужденное состояніе нервов у всѣх у нас в послѣднее время. Не то я б довел вашу выходку до свѣдѣнія государя в ближайшем докладѣ. Я здѣсь

представляю его особу. Нравятся ли вам или не нравятся мои повелѣнія, они должны исполняться безпрекословно. Лейтенантъ Хвостов!

Подтолкнутой Давыдовым, тот встал, тяжело сопя.

— Приказываю вам незамедлительно заняться приведеніем корабля «Юноны» в готовность для экспедиціи под моим верховным начальством, имѣющей предметом своим обследованіе устья рѣки Колумбіи и инныя попутныя задачи.

Хвостов начал быстро трезвѣть.

— Есть, — буркнулъ он.

— Вас назначаю командиром корабля, лейтенанта Давыдова старшим офицером, шкипера Д'Вольфа младшим, доктора фон Лангсдорфа судовым лѣкарем и совѣтником по научным вопросам. Господин Баранов доведет команду «Юноны» до нужнаго числа надежныхъ людей, соотвѣтственно соображеніям по сему предмету шкипера Д'Вольфа, имѣющаго въ плаваніи по Тихому океану полный опыт. Прочее обсудим своевременно. Пока, вопрос исчерпан.

Он поклонился. Всѣ встали и молча проводили его глазами. Доктор Лангсдорф сіялъ.

Когда Рѣзановъ вышел, Барановъ вдругъ сказал:

— А вѣдь дѣло, государи мои. Лежа на боку, ничего не вылежишь. Что то надо было попытаться сдѣлать. Ну те ка, давай всѣ враз подсобим ему!

Перваго марта 1806 года «Юнона» подняла паруса, взявъ курс на юго-запад. Погода благопріятствовала плаванію. Стояли ясные, сухіе и не очень холодные дни. Однако, в теченіе первыхъ же десяти дней плаванія всѣ промышленники и алеуты, назначенные Барановымъ в команду из числа наиболѣе выносливыхъ людей, ослабѣли и двое умерли от цынги.

Под вечер 14 марта показались смутныя очертанія береговъ Новаго Альбіона — огромной территоріи на сѣверо-западѣ Америки, теперь включающей большую часть штатовъ Вашингтон и Орегон. Сдѣлав измѣренія и принявъ во вниманіе измѣнившійся цвѣтъ воды, а также данныя описаній Ванкувера, лейтенанты с Д'Вольфомъ пришли къ заключенію, что устье рѣки Колумбіи должно быть недалеко. В виду наступленія потемок, Хвостов рѣшил отложить вход в устье незнакомой рѣки до утра. Утром же оказалось, что корабль значительно отнесло на сѣвер. Чтобы ориентироваться, Рѣзановъ приказал послать развѣдчиковъ на виднѣвшіеся вдали берега. Спустили большую байдарку. Вызвали охотников, пообѣщавъ щедрую дачу водки по возвращеніи. Люди были вялы, никто схвать не хотѣлъ. Вдругъ появился Лангсдорф.

— Я ѣду!

— Вот молодчина док. Не моряк, а выручил! Ну, кто еще?

Тогда еще вызвались один американскій матросъ из бывшей команды Д'Вольфа и два алеута.

Берега оказались пустыни. Стрѣляли, кричали, — никто не откликнулся. Пошли вдоль берега, надѣясь таким образом доплыть до устья Колумбіи. Но о нем и помину не было. Когда собрались домой, начало темнѣть, навис густой туман. Направление потеряли. Довелось бы плохо, но на «Юнонѣ» забеспокоились, грохнула пушка. По слабой вспышкѣ огня и глухо донесшемуся выстрѣлу оріентировались и нашли свой корабль.

Лангсдорфа нетерпѣливо ждали.

— Ну, что? — крикнул Хвостов.

— Ничего! Ни людей, ни устья. Глушь.

Два дня еще лавировали вдоль берегов, но устье Колумбіи так и не показалось. 22-го марта умерло еще четверо промышленников и пятнадцать выбыло из строя. Палуба представляла картину ужасающую. Вездѣ валялись больные, гдѣ кто упал, не имѣя сил подняться, чтобы сходить в галюн. Если бы налетѣл шквал, остаток команды не справился бы с парусами. Поэтому убрали фок, зарифили фок-зейль и бизань и пошли к Рѣзанову совѣщаться. Офицеры и Д'Вольф высказали единодушное мнѣніе, что, в виду состоянія команды, дѣлать дальнѣйшія попытки найти устье Колумбіи, пока положеніе на кораблѣ не улучшится, было бы безразсудно. А улучшится оно могло только при одном условіи, — если бы удалось добыть свѣжій запас пищи, так как взятый провіантъ почти истощился, а что оставалось было очень дурного качества. Разложили карту Ванкувера, стали обсуждать, куда бы сходить за водой и провіантом. Мелькнула мысль о Сандвичевых островах. В благодатном климатѣ их и на обильных харчах Камегамети люди быстро поправились бы. Но дѣлать этот далекій рейс почти без команды было невозможно. Ближе всего была Верхняя или Сѣверная Калифорнія, главный форт которой, носившій названіе «пуерто св. Франциска», был расположен на заливѣ того же названія, днях в трех пути.

— Все ж я очень сомнѣваюсь, чтобы испанцы нас пустили, — повторил Д'Вольф. — Очень уж строгъ запрет мадридскаго правительства. И потом, кто знает, — может быть у Россіи с Испаніей уже война идет. Теперь всѣ там воюют.

Стали судить, рядить.

— Картина ясна, сказал Рѣзанов, в заключеніе. — Возможность войны между Россіей и Испаніей не исключается. И в сем разѣ мы попадаем в руки испанцам, как кур во щи. Да выбор у нас есть?

Всѣ развели руками.

— Значит, и говорить не о чем. Идем в гости к святому Франциску. А там, что Бог даст.

Несмотря на большой риск, связанный с этим рѣшеніем, Рѣзанов ликовал. Попасть в Калифорнію, завести с нею прочныя сношенія, что было бы спасеніем для Русской Америки, а, может быть, впоследствии и самим стать твердой ногой в этом земном раю, — всегда было его завѣтной мечтой. Ему захотѣлось поднять

настроение насупившихся офицеров, которым совсем не улыбалась перспектива возможности попасть, в довершение всех зол, в плен к испанцам. Кликнув доктора, он спросил, не смастерит ли тот чашу доброго пунша из небольшого запаса настоящей виски, оставшейся от купленного с прочим на «Юнонѣ» от Д'Вольфа. Экспансивный нѣмец, сразу преобразившись в доброго бурша, с радостью взялся приготовить настоящей студенческой пунш по геттингенски с небольшим количеством сѣрной кислоты, «чтобы, при веселом настроеніи души, желудок и мозги остались трезвыми»,

Он захлопотал. Позвали офицеров с Д'Вольфом. Распили одну чашу, заварили другую, офицеры повеселѣли. Ночью поднялся попутный вѣтер. И когда на третій день плаванія сдѣлали измѣренія, сравнив их с данными ванкуверской карты, то оказалось, что «Юнона» находится близ Фаральонских островов всего в милях тридцати от входа в залив св. Франциска, почти как раз напротив него. Бросили якорь, стали совѣщаться. Выслушав мнѣнія, Рѣзанов рѣшил:

— Согласен, что входить в залив на ночь глядя, не годится. Переночуемте, гдѣ стоим, снимемся утром пораньше и, войдя в залив, полным ходом двинем прямо к форту. Смѣлость города берет, как говорится. Ежели, не входя в залив, дать знать о себѣ из пушки, пожалуй заставят нас ждать в океанѣ, как в Нагасаках случилось, покуда отвѣтъ от высшаго начальства придет. Губернатор, надо думать, живет в главном их городѣ Монтерей, а в здѣшнем фортѣ вѣрно комендантъ есть. Будем надѣяться, он нас не погонит, не разобрав в чем дѣло, а пожелает выслушать, кто мы и зачѣм пришли. В таком случаѣ вы, доктор, с лейтенантом Давыдовым поѣдете на берег моими представителями для первоначальных переговоров.

Заснуть, однако, он долго не мог. До поздняго часа перебирал свои документы в шкатулкѣ из краснаго дерева, — указы и инструкции, полученные перед отъѣздом из Петербурга, милостивый рескрипт, в котором Александр поручил ему завести дружескія отношенія с Японіей и «образовать американскій край», высказав увѣренность, «что пріемлемый вами отличный труд увѣнчается отмынным успѣхом и что тѣм же трудом открытая польза государству откроет вам новый путь к достоинствам, а с сим вмѣстѣ несомнѣнно болѣе еще к вам обратит и мою довѣренность». В отношеніи Японіи Рѣзанов довѣрїя Александра не оправдал. От того, как примет его правительство Калифорніи зависѣла не только судьба Русской Америки и жизнь населенія Ново-Архангельска, но и вся дальнѣйшая карьера его и осуществленіе его завѣтной мечты — проникнуть в Калифорнію, осмотрѣться там и впоследствии пріобрѣсти тѣми или иными мѣрами эту богатѣйшую житницу к Русской Америкѣ и, таким образом, создать здѣсь заморское русское царство, став намѣстником его. Исполненіе этой мечты зависѣло от того, каковы окажутся испанцы в Калифорніи. На

Тенерифъ, гдѣ он впервые с ними познакомился, они произвели на него впечатлѣніе людей подозрительных и слѣпых фанатиковъ, которыхъ, как он записал в своемъ дневникѣ, духовенство, пользующееся огромнымъ вліяніемъ, «держит в невѣжество, запрещеніемъ книгъ пресѣкая всѣ способы к просвѣщенію».

Теперь Рѣзанову предстояло встрѣтиться вторично с представителями этой націи. В руках их была его судьба. Через час или два его ждалъ либо взлетъ к новымъ вершинамъ удачи либо безславный конецъ такъ блестяще начатой карьеры.

Г л а в а 7.

ПОД ЗОЛОТЫМ СОЛНЦЕМ КАЛИФОРНИИ

Когда «Юнона» вышла из пролива, дымка тумана вдруг растаяла в золотѣ солнца, разливагося по синей водѣ залива. Вглядываясь в далекую панораму с дѣшью дымчато-синихъ гор на горизонтѣ, Рѣзановъ с наслажденіемъ вдыхалъ теплый воздухъ. Под лаской золотого солнца, Ново-Архангельскъ, с его холодомъ, голодомъ, болѣзнями, свирѣпыми колошами, казался далекимъ сквернымъ сномъ, который хотѣлось бы забыть, не вспоминая.

Голосъ Лангсдорфа из-за спины подтвердилъ его мысли.

— Не правда ли, хохъ эсселенцъ, мы точно в рай попали, по слѣ ада нашей жизни на Аляскѣ.

Рѣзановъ оглянулся. Рядомъ с Лангсдорфомъ стоялъ Давыдовъ. Оба по его приказу принарядились для съѣзда на берегъ. Внѣшность у молодого нѣмецкаго ученаго была преуморительная: маленькій ростъ, шишечка на переносѣ между бровями и острый носикъ с загнутымъ кверху концомъ, словно, всегда что-то вынюхивающимъ, и при всемъ томъ, довольно щеголеватый видъ. Рядомъ с нимъ Давыдовъ с большой холеной черной бородой, петербургскій сердцеѣдъ и большой любитель выпить, казался великаномъ, хотя и былъ на полголовы ниже старшаго своего товарища Хвостова, такого же, какъ и онъ, лиховаго моряка.

— Значитъ, такъ, господа, — сказалъ Рѣзановъ, окидывая ихъ взглядомъ. — Будемъ дѣйствовать, какъ условились вчера. Если гишпанцы нас не погонятъ, вы съѣдете на берегъ моими представителями.

— Вотъ только, какъ с языкомъ быть, хохъ эсселенцъ? — замѣтилъ Лангсдорфъ. — Насчетъ гишпанскаго мы с лейтенантомъ со всѣмъ швахъ.

— Разговоритесь какъ-нибудь. Вы же изрядный лингвистъ. На худой конецъ они толмача добудутъ. У гишпанцевъ всюду монастыри. Вѣрно и тутъ есть какая-нибудь миссія св. Франциска, разъ заливъ и фортъ его именемъ зовутся. А монахи у нихъ народъ ученый. Да и сказать то вамъ немного надобно будетъ, — то лишь, что мы-де являемъ часть кругосвѣтной экспедиціи, о коей правительство наше своевременно увѣдомило Мадридъ. Ну и, конечно, всѣ мои званія

попышиѣ перечислите. Послѣ сего комендант, вѣрно, пожелает видѣть меня лично, тогда уж об остальном скажу сам.

— А как, ваше высокопревосходительство, прикажете поступить в случаѣ гишпанцы встрѣтят нас недружелюбно? — спросил Хвостов. — Скажем, ядром по палубѣ пустят? Отвѣчать, быстро отступая?

— Никоим образом. Немедля отдавайте якорь, да сдѣлайте сіе пошумнѣе, чтобы им наши мирныя намѣренія сразу же понятны стали.

Выйдя из пролива, прибавили парусов и пошли полным ходом, держась ближе к выступу материка справа, лежащему между заливом и океаном, на котором теперь стоит город Сан-Франциско. Показалось несомнѣнным, что у заворота этого полуострова должен быть форт, преграждающій дальнѣйшій путь в залив и в страну, за ним лежащую. Однако, как Рѣзанов ни вглядывался в подзорную трубку, кромѣ груды скал на берегу, ничего нельзя было разглядѣть.

Но когда разстояніе, остававшееся до заворота берега, стало меньше мили, откуда то из-за груды этих скал послышались звуки военного рожка и нѣсколькими минутами позже показалась группа всадников, скачущих во весь опор к берегу.

Вглядѣвшись в бинокль, Хвостов сказал:

— Так и есть, ваше высокопревосходительство. Тут у них сторожевой пост, а там, откуда эти кавалеристы скачут, должна быть крѣпость. Видите, стѣны бѣлѣются?

Теченіем и бризом с океана «Юнону» довольно быстро несло к берегу. Когда разстояніе до него уменьшилось до четверти мили, группа всадников доскакала до груды скал. Начальник отряда взял шоданный ему рупор.

— Откуда? Кто вы? — отчетливо крикнул он по-испански.

Смысл вопроса легко было угадать по интонаціи его. И прежде чѣм стоявшій рядом Рѣзанов, знавшій испанскій язык, успѣл перевести его, Хвостов в рупор же, отчетливо выговаривая слова, крикнул по-французски:

— «Юнона», русскіе! Экспедиція из Санкт-Петербурга!

В отвѣтъ начальник отряда что-то крикнул, дополнивъ слова выразительным взмахом кулака сверху вниз.

— Требуется, на якорь бы мы стали, — сказал Рѣзанов. — Дѣлайте скорѣй.

Раздалась команда, характерными лязгами загрохотали вытравливаемые якорныя цѣпи, люди взметнулись по вантам к реям, и через нѣсколько минут «Юнона» с опущенными парусами стала на якорь.

Начальник отряда одобрительно кивнул головой и что то еще крикнул. Потом, повернув лошадей, отряд стремительно поскакал обратно,

— Зовет на берег для переговоров, — перевел Рѣзанов слова

начальника отряда. — Крикнул, что сейчас вернется. Спускайте шлюпку.

Пока возились со спуском шлюпки, всадники домчались до бѣлой стѣны форта, скрылись за ней, а через нѣсколько минут показались снова, причем на этот раз рядом с начальником отряда скакал монах в развѣвающейся коричневой сутанѣ.

— Так и есть, ваше высокопревосходительство, монаха везут, — сказал Хвостов.

— Толмача, конечно. Они у них на всѣ руки, Ну, я пока пойду к себѣ подождать, чѣм кончатся переговоры. А вы, доктор, дѣйствуйте с лейтенантом Давыдовым,

Тѣм временем кавалькада примчалась обратно к берегу, к которому «Юнона», пока она становилась на якорь, пододвинулась довольно близко. Как теперь можно было разглядѣть невооруженным глазом, кавалькада состояла из нѣскольких молодых офицеров, которые, видимо, торжественности ради, наслѣх разукрасились мексиканскими плащами ярких цвѣтов. Островерхія соломенные сомбреро с серебряными или золотыми позументами и такими же кистями, свисавшими с широких полей, дополняли их костюмы.

Спѣшившись, начальник отряда любезным жестом пригласил доктора и Давыдова, дожидавшихся у трапа, пожаловать. Шлюпка была готова; и через нѣсколько минут, делегаты Рѣзанова пристали к испанскому берегу.

Выйдя из шлюпки и подойдя к отряду, Лангсдорф вдруг сдѣлал какое то сложное антраша, галантно выставил правую ножку, согнул ее, сорвал шляпу и лихо отмахал ею два полукруга так, что оба раза шляпа почти коснулась земли. Удивленный Давыдов подумал, что «док», как они фамильярно звали доктора по имени американца Д'Вольфа, должно быть шерборщик в своей галантности, вѣрно позаимствовав такой чудной способ здороваться из какого-нибудь стариннаго рыцарскаго романа. Но когда испанцы начали продѣлывать в отвѣтъ такую же галантную гимнастику, великан Давыдов тоже сорвал свою треуголку и «отплясал с нею шляпный менует», как он потом рассказывал. Продѣлав салют, испанцы и русскіе постояли минутку, пріятно улыбаясь и разглядывая друг друга. Начальник отряда, типичный молодой испанскій черноволосый гранд, почти юноша, с пріятным открытым лицом, которому он тщетно пытался придать официальную важность, выглядѣл воинственно: из-под мексиканскаго плаща «серпейя» мадинового цвѣта с золотом висѣла длинная сабля, и ботфорты его из мягкой желтой кожи, пестро расшитые шелком, были украшены огромными серебряными шпорами. Рядом с ним стоял протяженно-сложенный монах с постным лицом почти оливковаго цвѣта в коричневой сутанѣ францисканскаго ордена.

Первым заговорил начальник отряда, задав вопрос по испански. В отвѣтъ Лангсдорф попробовал свой португальскій, — ему по окончаніи университета довелось служить в англійской экспедиціонной арміи в Португаліи. Начальник отряда качнул

головой отрицательно. Лангсдорф попробовал французскій, англійскій, — тот же результат. Тогда монах повторил вопрос по-латински, и Лангсдорф, владѣвшій латинским совершенно свободно, чуть не подпрыгнул от радости.

— Кто вы, откуда прибыли и для какой цѣли? — гласил вопрос начальника отряда в латинской передачѣ монаха.

Лангсдорфа так и прорвало.

— *Terram ad septentriones habitamus; quae Russia appellata est*, — бойко затараторил он, — Мы жители сѣверной страны, Россіей именуемой. Прибыли мы сюда с намѣреніями дружественными, заканчивая наше долгое кругосвѣтное путешествіе, совершенное по приказу нашего императора, его величества царя всея Россіи Александра I. Корабль наш «Юнона» представляет часть одной экспедиціи. Им командуют старшіе лейтенанты флота его величества Николай Хвостов и здѣсь стоящій Габріэль Давыдов. На борту нашего корабля находится его высокопревосходительство господин... — Лангсдорф запнулся, не зная, как передать «дѣйствительный камергер», но сейчас же вышел из труднаго положенія, — *cancellarius maximus*, Николай де Рѣзанов, чрезвычайный полномочный посол его императорскаго величества в Японіи, верховный начальник кругосвѣтной экспедиціи и намѣстник государя императора в Русской Америкѣ. Он прибыл в Калифорнію, чтобы выразить дружественныя чувства его превосходительству господину губернатору сей провинціи. Я и лейтенант Габріэль Давыдов имѣем честь быть делегатами его высокопревосходительства обер-камергера Николая Рѣзанова, уполномоченные им привѣтствовать вас от его имени. Я доктор Георг-Генрих фон Лансдорф, удостоенный ученой степени медицинским факультетом Геттингенскаго университета, корреспондент императорской санкт-петербургской академіи наук и лейб-медик его высокопревосходительства обер-камергера Николая Рѣзанова.

Доктор замолк, вытянувшись во весь свой маленькій рост и с достоинством задрав голову с вострым носиком ноздрями вверх. Вид у него был преважный.

Монах склонился в низком поклонѣ, передал содержаніе сказаннаго доктором начальнику отряда, выслушал его отвѣтъ и обратился к доктору.

Это, — показал юн рукой на начальника, — подпоручик мѣстнаго гарнизона Людовик де Аргвельо, временно командующій крѣпостью, комендантом коей состоит его отец, Дон Хозе де Арвельо, сейчас находящійся во временной отлучкѣ в Монтерее, в гостях у нашего губернатора.

Послѣдовали новые поклоны. В заключеніе, молодой подпоручик представил делегатам монаха:

— Это падре Хозе Урїа из сосѣдней миссіи Сан-Хозе, временно гостящій у нас в крѣпости.

Послѣ новых поклонов молодой Аргвельо передал монаху свой отвѣтъ на рѣчь доктора. Падре Урїа перевел:

— Имя вашего высокаго начальника знакомо и сему молодому коменданту здѣшняго президіо*) и отцу его. Года два назад, а пожалуй и поболье наш преславный (illustrissimus) губернатор Дон Хозе Арриліага был поставлен в извѣстность испанским правительством, что в 1803 году корабли «Надежда» и «Нева» имѣли отбыть под командой капитанов Крузенштерна и Лисянскаго в кругосвѣтную научную экспедицію под главным начальством преславнаго камергера двора его императорскаго величества, чрезвычайнаго посла к японскому двору, синьора де Рѣзанов. Предполагалось, что экспедиція сія зайдет в нѣсколько портов обширных владѣній его христіаннѣйшаго величества короля Испаніи, всѣ вице-рои и губернаторы коих получили повелѣніе принять высокаго путешественника со всей подобающей его сану честью, оказывая ему всякую помощь и гостепріимство. В виду сего, наш молодой комендант нѣсколько э... удивлен, что его высокопревосходительство изволило прибыть к нам со столь великим опозданіем на столь э... незначительном кораблѣ и вообще э... в обстановкѣ, мало соответствующей высокому сану чрезвычайнаго посла великаго императора всероссійскаго,

Не задумываясь, Лангсдорф соврал, не моргнув глазом:

— Удивленіе такое вполне понятно, мой отец. Но дѣло объясняется весьма просто. По окончаніи экспедиціи «канцеляріус максимум» де Рѣзанов отослал оба свои корабля с обширным собраніем научных коллекцій в Санкт-Петербург, а сам пересѣлъ на сей купленный им по случаю небольшой корабль, каковой он признал вполне удобным для совершенія небольшого путешествія в Русскую Америку с заходом сюда. Обратный же путь в Санкт-Петербург «канцеляріус максимум» намѣрен совершить сухим путем через Сибирь.

Дѣло, дѣйствительно, выходило очень просто. Таким образом, приказ мадридскаго правительства об оказаніи всякаго удовольствія высокому русскому путешественнику, видимо сохранил силу и, слѣдовательно, его оставалось исполнить.

Получив объясненіе, юный командир крѣпости вздохнул с облегченіем и сейчас же с удовольствіем сбросил с своего лица принужденное оффиціальное выраженіе. Улыбаясь, он сказал нѣсколько слов монаху. Тот что то отвѣтил ему и затѣм перевел:

— Синьер Луис Аргвелью привѣтствует в лицѣ вашем высокаго посла с прибытіем в наш далекій край. От имени отца он просит его, а также вас, синьоры, оказать честь посѣтить его скромный дом, дабы он мог оказать вам должное гостепріимство.

Всѣ четверо обмѣнялись новыми поклонами, и делегаты поспѣшили вернуться на судно к нетерпѣливо ожидавшемуся их Рѣзанову. Тот, наблюдая за сценой свиданія в подзорную трубку, понял, что дѣло, видимо, идет на лад и на всякій случай приготовился к съѣзду на берег, надѣвъ малый камергерскій мундир, с ранняго утра разглаженный его камердинером Иваном.

*) Президіо — форт, крѣпость.

Лангсдорф с восторгом передал об успѣхѣ возложеннаго на него дипломатическаго порученія.

— Но в качествѣ кого же приглашаюсь я в комендантскій дом? — спросил Рѣзановъ, — Сей молодой комендантъ выразил желаніе видѣть мои бумаги?

— Нѣтъ, хох экселленцъ, о бумагахъ, собственно, рѣчи не было, — отвѣтил Лангсдорфъ. — Но в разговорѣ монаха с молодымъ хозяиномъ крѣпости дважды промелькнуло слово *desayuno* что, по созвучію с французскимъ, напоминаетъ пріятное слово «завтракъ». Такъ, что, видимо, рѣчь идетъ не объ официалномъ приѣмѣ, а насъ просто хотятъ накормить завтракомъ, что, смѣю думать, совсѣмъ не плохо, послѣ нашей длительной діеты.

— Гм, странно, — задумался Рѣзановъ. — Надѣюсь, молодой человекъ отдастъ себѣ отчетъ в своихъ дѣйствіяхъ. А то коли потомъ губернаторъ не пожелаетъ насъ принять, положеніе выйдетъ не изъ пріятныхъ и для насъ, и для молодого хозяина крѣпости. Ну, да ладно. Ъдемъ завтракать.

Лангсдорфъ с Давыдовымъ не заставили себя просить. Они еще ничего не ѣли, какъ встали, только пустого чаю выпили. Да по настоящему и ѣсть то было нечего.

Картина выхода Рѣзанова со свитой на берегъ была эффектна. Хотя ему уже шелъ сорокъ второй годъ, но красивое лицо, похудѣвшее послѣ болѣзни и волненій послѣдняго года, выглядѣло моложаво. Малый камергерскій мундиръ с пятью рядами золотыхъ галуновъ, с очень высокимъ краснымъ воротникомъ, с красной же лентой черезъ плечо, со звѣздой справа и с большимъ мальтійскимъ крестомъ на синей ленточкѣ посреди груди, красиво сидѣлъ на его высокой фигурѣ, которую треуголка с плюмажемъ дѣлала еще выше, и бѣлые лосиные ловко охватывали его стройныя ноги в высокихъ лакированныхъ сапогахъ.

Приложивъ руку къ треуголкѣ, Рѣзановъ постоялъ нѣсколько мгновений, сверху внизъ глядя своими всегда нѣсколько прищуренными глазами на малорослыхъ испанцевъ, замершихъ в салютѣ. Потомъ шагнувъ впередъ, онъ протянулъ руку молодому Аргвелью и, довольно правильно выговаривая слова по-испански, сказалъ:

— Я польщенъ этой встрѣчей, авито мио, и радъ случаю познакомиться с сыномъ доблестнаго коменданта президіо св. Франциска.

И пріивѣтливо улыбнувшись, онъ крѣпко пожалъ руку молодому офицеру и монаху и дружескимъ жестомъ раскланялся с остальными офицерами кавалькады.

Вспоминая эту первую встрѣчу с Рѣзановымъ, Люисъ Аргвелью всю жизнь потомъ говорилъ, что онъ никогда не встрѣчалъ человека, котораго такъ полно отвѣчалъ бы понятію настоящаго сеньора, какъ этотъ русскій камергеръ, такъ неожиданно ступившій на пустынный берегъ Калифорніи.

— Я не нахожу словъ выразить вамъ, сеньоръ камереро, какъ я польщенъ знакомствомъ с вами, — отвѣтилъ Люисъ Аргвелью.

Затѣмъ, подойдя къ одной изъ трехъ только что приведенныхъ вскачъ

богато осѣдланных лошадей, Люис, придерживая в знак почета широкое серебряное мексиканское стремя, пригласил:

— Прошу вас, синьор.

Вспомнив годы офицерства, когда он считался хорошим наѣздником, Рѣзанов ловко вскочил в сѣдло и умѣло осадил горячую лошадь, пытавшуюся взвиться на дыбы, вызвав шопот одобрения со стороны заправских испанских кавалеристов. Давыдов справился со своей задачей довольно удачно. Доктор же едва не обнял шею своей высокой лошади, еле вскарабкавшись на нее, но в виду его штатскаго положенія и ученаго званія это ему легко простилось.

По дорогѣ в форт, Рѣзанов, владея довольно свободно испанским языком, удовлетворил в общих словах любопытство молодого Аргвелью о своем путешествіи и стал расспрашивать его о мѣстном бытѣ. Славный юноша легко разговаривал с словоохотливостью и откровенностью, свойственными его возрасту.

— Давно ли вы тут живете, дон Аргвелью? — спросил Рѣзанов.

— Да всю мою жизнь, синьор. Вон там в крѣпости я и родился.

— Мѣста тут как будто бы не очень веселыя для молодого человѣка?

— О, но вѣдь мы живем тут далеко не безвыѣздно! И о нашей Калифорніи нельзя судить по здѣшней мѣстности. Тут только преддверіе к нашему раю. Если вы поѣдете в Монтерей, к губернатору, вам представится случай оуѣзнить великолѣпіе нашего края. Там, — он махнул в южном направленіи, — страна вѣчнаго лѣта, гдѣ цвѣты цвѣтут и солнце горячо свѣтит круглый год. Но я лично не поклонник этой южной роскоши. Меня тянет больше на восток. Видите там, на горизонтѣ, эту линію высоких гор? За нами лежит страна цвѣтущих долин, необозримыя пространства плодovitѣйшей пахотной земли, вѣковые лѣса, красивыя, широкія рѣки, — цѣлое царство, пока никѣм не завоеванное. Там мы создадим вторую испанскую имперію, чтобы вознаградить Испанію за утрату многих колониальных земель, если мадридское правительство пришлет нам достаточно колонистов. Но надѣяться на это довольно трудно.

— Почему так?

— Да, видите ли, Мадрид этим не интересуется. Далеко сюда. Все, что здѣсь интересуется правительство его христіанинѣйшаго величества короля нашего Карла IV, это — распространеніе христіанства среди индѣйцев и содержаніе францисканских миссій для этой цѣли, на что правительство тратит огромныя деньги. Охранять такія миссії, разбросанныя по обѣим Калифорніям, составляет прямую задачу нѣскольких президію, как наше.

— Не одна же у вас эта задача?

— Но она главная — смотрѣть, чтобы нашим падре жилось безопасно и привольно. Правда, падре Урія?

Протяженно-сложенный монах, ѣхавшій по другую сторону Рѣзанава, закивал головой на длинной шеѣ.

— Вѣрно, вѣрно. Под их защитой мы живем, как птицы небесныя.

Рѣзановъ принялъ это сообщеніе къ свѣдѣнію и перевелъ разговоръ на прежнюю тему.

— Что же, бывали вы там, за тѣми далекими горами на востокѣ и югѣ?

Словоохотливый молодой офицеръ, окончателно уже подпавшій под власть очарованія своего блестящаго гостя, рад былъ случаю удовлетворить его любопытство и выложилъ залпомъ все о своей странѣ и семьѣ, забывая свое положеніе временнаго коменданта крѣпости.

О, да, конечно, синьоръ камареро! Туда, на востокъ, я не разъѣзжалъ охотиться, а там, на югѣ, миляхъ в сорока отсюда, у отца моего ютромае ранчо или вѣрнѣе гагенда*). Тут, въ президію, наше комендантское жильѣ просто лачуга въ сравненіи съ тамошнимъ комфортабельнымъ домомъ. Нѣсколько разъ въ годъ наша семья переселяется туда всѣмъ скопомъ. Сестра моя, Конча, старшая изъ живущихъ съ нами, большая насмѣшница, называетъ такіе переезды великими переселеніями народовъ. Дѣйствительно, это бываетъ цѣлымъ событіемъ. Суетни, шума, смѣха сколько! Семья то у насъ, видите ли, очень ужъ большая — пятнадцать человѣкъ съ родителями. Ну, там у насъ раздольѣ, чудныя охоты на медвѣдей, дикихъ козъ, не считая всякой болотной мелочи. Вотъ какъ-нибудь давайте катнемъ туда, синьоръ камареро. Вы, вѣдь, навѣрно отличный охотникъ? Въ вашей необъятной странѣ охоты навѣрное еще почище нашихъ! Ужъ вамъ бы я показалъ всѣ мои завѣтныя мѣстечки. Губернаторъ, навѣрно, разрѣшитъ. Онъ только строгъ по виду, но въ душѣ добрякъ. А въ случаѣ заартачится, мы на него Кончу напустимъ.

— Кончу?

— Да, сестру мою. Полное имя ея Марія де ля Концепціонъ, ну, а сокращенно — Конча. Знаете, она у насъ замѣчательная. Хотя нѣтъ ей полныхъ шестнадцати, но она уже фаворитка Калифорніи, первая красавица и всеобщая любимица. У ногъ ея вся молодежь лежитъ, и здѣшняя, и столичная изъ Монтерея. А ужъ такая образованная — любого нашего мужчину за поясъ заткнетъ.

— Въ кого жъ она у васъ такая?

— Я думаю, въ весь нашъ родъ по материнской линіи. Папа то, видите ли, у насъ не дворянскаго рода, изъ мексиканскихъ драгунъ онъ выслужился. Поэтому, онъ и губернаторомъ быть не можетъ, хотя всѣ права на губернаторство имѣетъ, кромѣ дворянства. А по давно былъ бы губернаторомъ. За то мама у насъ аристократка самой чистой крови изъ знаменитаго рода Морага — онъ въ исторіи Испаніи большую роль сыгралъ. И Конча — вся Морага, съ головы до пятъ, со-

*) Большое барское помѣстье.

всѣмъ исключительная. Поэтому, жизнь в нашем глухом краю всѣмъ не по ней. Ей бы при мадридском дворѣ блистать.

Рѣзанов слушал со вниманіемъ, наматывая на ус полезныя свѣдѣнія.

— Гдѣ же ваша сестра получила образованіе?

— Дома, конечно. Гдѣ ж тут больше? Сначала сам папа кой-чему учил, ну, там исторіи, географіи, священнымъ предметамъ, в особенности, — он в них большой знаток. Но, главное, она сама себя образовала чтеніемъ. Страшно много читает. Я думаю, всѣ синьоры и синьориты Калифорніи вмѣстѣ взятые столько не прочли, сколько она в свои не полныхъ шестнадцать лѣтъ.

— Гдѣ же она достаетъ столько книгъ в этой глуши?

— Кое что отецъ получаетъ разъ в годъ из города Мексико — разныя путешествія, историческія книги, жизнеописанія. Затѣмъ, у нас тут поблизости, в поселкѣ при миссіи, живетъ один образованный бостонецъ, по фамиліи Стурджисъ. У него полныя шкапы всякихъ книгъ. А в прежніе годы, пока к нам иностранныя корабли допускались, Конча скупала у шкиперовъ все, что могла достать, включая романы.

— Я слышалъ, в Испаніи насчетъ свѣтскихъ книгъ очень строго?

— У нас тут, на окраинѣ, полегче со всякими строгостями, но, конечно, всетаки строго. Наши отцы сколько разъ пытались протестовать противъ такой страсти Кончи къ свѣтскому чтенію, да развѣ с ней кто нибудь можетъ сладить! Самъ губернаторъ с ней не сладитъ, всегда на своемъ настоитъ. «Какой, говоритъ, я губернаторъ? Она у васъ губернаторъ в юбкѣ». Правда, падре Урріа?

При упоминаніи о всеобщей любимицѣ, даже у сурового монаха тѣнь улыбки мелькнула на оливковомъ лицѣ.

— Правда, правда, — закивалъ онъ головой на гусяной шеѣ. — Синьорита де ля Концепціонъ дѣвица у насъ весьма примѣчательная.

— Разъ ваша сестра такая красавица и умница, у нея, вѣроятно, отбоя отъ жениховъ нѣтъ? — замѣтилъ Рѣзановъ.

— Сколько уже сваталось! — махнулъ Люисъ рукой. — Есть очень состоятельные среди нашихъ ранчеросъ, — землевладѣльцевъ. Но она всѣмъ отказываетъ. Ждетъ чего то необыкновеннаго. Но вот, однако, мы и пріѣхали.

Крѣпость была обнесена высокой толстой стѣной изъ «адоба» — кирпичей, сдѣланныхъ с примѣсью соломы и высушенныхъ на солнцѣ. По сторонамъ воротъ стояли пушки. Вокругъ квадратнаго крѣпостнаго двора, футовъ в триста в длину и ширину, стояли казармы, офицерскія помѣщенія, каплица и в центрѣ домъ коменданта с флигелями по бокамъ. Всѣ эти приземистыя зданія были тоже изъ адоба, побѣленная и ярко сверкавшая на солнцѣ, и густо заросли по стѣнамъ и даже по крышамъ вьющимися кастильскими розами, ароматомъ которыхъ былъ полонъ дворъ.

Когда Рѣзановъ проѣзжалъ черезъ него, десятки головъ высунулись изъ оконъ, и изъ-за сплошныхъ стѣнъ розъ послышались сдержанныя восклицанія.

— Гарнизон очень взволнован вашим приездом, — замѣтил по этому поводу молодой комендант, — Еще бы! Это такое громадное событіе в нашей тихой жизни! Раньше хоть изрѣдка американскіе шкипера к нам заглядывали, и даже их приѣзды бывали у нас праздниками, о которых долго вспоминали. А тут, вдруг, — такой знатный путешественник, посол великаго русскаго императора! Это событіе, конечно, войдет в исторію нашего края. И я, право, так смущен, что на мою долю выпала честь принять вас. По правдѣ сказать, я же совсѣм не знаю, как бы это надо сдѣлать. И мнѣ уж, признаться, от Кончи попало. Надо было, говорит, выстроить весь гарнизон в парадных мундирах с трубами и барабанами. Да я, знаете, без папы не пошмѣл. Уж вы не сердитесь, если что не так.

— Помилуйте! — размѣялся Рѣзанов. — Смѣю вас увѣрить, я очарован вашим вниманіем.

Люису еще попало от Кончи за то, что он не дал достаточно времени дамам приодѣться и приготовить все к встрѣчѣ важнаго гостя. Как же можно! Страшно подумать: посол русскаго императора точно с неба свалился, всѣ только что встали, даже помыться не успѣли, а тут — и столовое бѣлье новое достань, и фамильное серебро Морагов, и на стол накрой — индіанки, дуры горничныя, вѣдь ничего сами не могут! — а Люис даже часу времени на все не дал! Комендант тоже!

Зная все это, молодой хозяин дома извинился перед гостями, введя их в зал, что дамы заставят себя немного подождать, а сам с смущенным видом шмыгнулъ в сосѣднюю столовую, откуда доносился звон посуды.

(Продолженіе слѣдует).

ДВА ВОСЬМИСТИШІЯ

I

Ни весельем своим, ни угрозами
Не помочь Вам пустынной тоскѣ, —
Только черное-черное с розовым:
Бедуинскій шатер на пескѣ.
И напрасно роняете слезы Вы, —
В черной Африкѣ видѣл я мост
Из громадных, дрожащих и розовых,
Никогда здѣсь невиданных звѣзд.

II

Время неподвижно, — только мы
Все еще торопимся куда-то;
Смерти нѣтъ и нѣтъ кромѣшной тьмы,
Если есть восходы и закаты.
И любовь к землѣ такая есть,
Что все небо кажется землею,
Если Бог тебѣ доступен весь,
Если неразлучен Он с тобою

Николай Туровъров.

Ф А Т Ь М А

(Восточная повесть)

Пустынею, лобзаемой самумом,
Пустыней гнѣвной, солнечной и мстящей,
Ты рождена в бреду страстей угрюмом,
Цвѣток чудесный, горькій и блестящій,
Тебя я видѣл, стройная дочь юга!
Как ты скакала, в Брусском шелкѣ пестром,
И как смѣялась ты молочным сестрам
Газелям, полным нѣжнаго испуга.
Потом рабы склонились на колѣни,
И вѣяли павлиньи опахала.
Бездонное очарованье лѣни,
Безмолвіе и сон: ты отдыхала.

Но вдруг — вскочила. Миг в ожесточеньи
Умчалась бурей дикой и крылатой.
Я полюбил тебя, Дочь Обольщеній.
В тот час проклятый.

*
**

В песок устало дремлют кобылицы.
Костер погас. А я перед палаткой
Сижу один и думаю украдкой...
Глубокой сон сковал твои рѣсницы.

Твоя душа на звѣзды улетѣла.
С небес внимает — грусти трав далекой
И снам души, тоскующей несмѣло,
Свѣтъясь оттуда жалостью глубокой.

Но, воротясь лазурными путями,
Она остынет снова неизмѣнно.
И на землѣ, под гордыми бровями,
Глядит всегда так чуждо и надменно.

*
**

Луна — в просвѣтах облаков
Далекій бред сіяній!
Мерцающее море снов,
Невѣрных обаяній.

И всё, пролитая в любви,
Всё из-за женщин слезы
Трепещут — светлыя струи
В том морѣ, морѣ грезы.

*
**

В уступах скал нахмуренных, недавно,
Я чуть живого дервиша нашел.
Его я поднял, в лагерь к гѣм привел,
И перед сном он говорил мнѣ плавно:

«Ничѣм, мой сын, не стоит обладать.
Свободен тот, кто перестал желать.
И власть и честь и поцѣлуи сладки,
Но в них обман. А в пресыщеньи злость.

В песокъ непрочен слѣд твоей палатки,
И сам ты в мирѣ — странник, только гость.

Дѣла людей, желанья — бред ничтожный,
На очагѣ горящих прутьев треск.

Жизнь — облачко; недолгой искры блеск,
Неуловимый, слабый и тревожный.
Что мнилось важным, волновало кровь,
Спусти мгновенье таснет: сон холодный!

Смотри на жизнь, как на костер походный,
И к ницетѣ усталый дух готовь.
Ни горестей тогда, ни потрясеній:
Безсмертен ты, свободный от ярма...»

Монах! Он прав... Но в этой правдѣ — тьма,
Дышал ли в нем цвѣток любви весенній?

И он не знал, не знал тебя, Фатьма!

*
**

Аллахом в дар мнѣ послана повязка,
Расшитый, пестрый, огнецвѣтный бант.
Завидовали Феџ и Самарканд:
За что же мнѣ такая Неба ласка?

Но сам Аллах — Он разлюбил Босфор
С тѣх пор, как видѣл в зеркалѣ небесном
Тебя, Фатьма! В краю пустом, безвѣстном
Скакала ты со мной, во весь опор,

Стройна, как трость, наряднѣ царицы...
Весь караван с восторгом вслѣд глядѣл!
И я повязку пеструю надѣл
На хвост твоей любимой кобылицы.

*

**

На высотѣ, гдѣ смерть глядит в глаза,
Гдѣ стаи туч горам сжимают темя,
И гдѣ Атланта слушает гроза;
Тяжел ли мир и Ненависти бремя? —

Там жертвенник поставлен тайно мной.
Там я убью тебя; и сердце выну,
И выведу на яркій свѣт дневной
Причуду воли женской, зла причину.

Туда я снес, пробормотав заклатье,
Клубок блестящих пестрых галунов,
Горсть шелухи, и толкователь снов,
И с блеклым кружевом оборку платья.

Над ними камень с буквою твоей.
Добро, и зло, все в женщинѣ случайно!
И недоступна мудрым эта тайна.
Но лишь безумец мучится над ней

*

**

Тунисскій гость, недаром горд паша
Своим военным паровым фрегатом.
Хитрец! Он понялъ, как ты хороша.
Подарком он прельщал тебя богатым.

Одну из круглых золотых серег
Он снял с себя и дал тебѣ недавно
(Я знаю все!) Другую — приберег:
«За ней придешь»... И подмигнул забавно.

Но путь в Тунис докучен, госпожа.
Тебя пугал чужой корабль желѣзный.
Здѣсь жизнь твоя покойна и свѣжа:
Охота, сон, смѣх болтовни любезной...

Я от паши хотѣл тебя избавить.
Смотри: принес я голову врага,
Как блещет в ухѣ круглая серья!
Ее на память можешь ты оставить?

*
**

У мѣловой горы отвѣсно жгучей,
Извѣдавшей и бури и самум,
Охоты нашей смолк безумный шум:
Стопились всѣ над львицею могучей.

Она легла. Смертелен был прыжок!
И тонкія губительныя стрѣлы
Вонзились в смугло-золотистый бок.
Еще дрожали перья их несмѣло.

Но перед смертью львица, истомясь,
Из груди тѣль, загонщиков несчастных,
Ковер пурпурный вырыла, кружась,
Терзая клочья жарких тѣл атласных...

Бока вздымались. Ласково хвостом
Обмахивая трупы, в жаждѣ смутной
Она лизала кровь ежеминутно...
Ей даже смерть казалась торжеством!

Послѣдній взор, всего одно мгновенье,
Пал на меня... Он вѣчно предо мною:
Горящій мукой упоенья
Звѣриный, царственный, — как твой.

*
**

Здѣсь мы у цѣли. Опустить носилки!
Встань госпожа. Сойди: тебѣ разостлан
Ковер Дамьетскій, — в нем чудесны жилки
Узорныя... И он султаном послан!

Прощай, любовь! взамѣн колосьев спѣлых,
Тѣ мнѣ дарила плевелы сухіе!
В душѣ — каменья улиц опустѣлых,
Но мысли там — не голуби ручные.

Ты видишь город? У лазурной влаги
Он лег дугой, прекрасный как поэма.
Пестрѣют в блескѣ, купола и флаги...
Дворец султана? вот он, дом гарема.

Там заблестишь ты, в клѣткѣ золоченой.
И повелитель, новой рад игрушкѣ,
Тебя хвалою встрѣтит расцвѣченной;
И будет евнух оправлять подушки.

А я пойду усталостью тонимый,
От міра прочь, питаюсь подаяньем,
Отравую любви, тобой томимый,
Один, в Басору, с горьким поканьем.

КРИК МУЭЗИНА

Эй, соня! если вы хотите избѣжать
Насмѣшек и тревог, —
Должны кобыл на привязи держать:
Так хочет Бог.

Кто рот обжег, тот дует, от испуга,
И на стакан холодный молока...
Сон лучше дня, и Смерть вѣрнѣ друга:
Она легка!

*
**

С вершины минарета голос мой
Услышите всѣ: вчера, объята тьмой,
Ушла из міра, волею Аллаха,
Та, что звалась султаншею Фатьмой,
Цвѣток гарема, гордость падишаха.

Господь над вами! Если б жизнь и свѣт
Открылись вам, как мнѣ, без покрывала, —
Вы плакали б; и улыбались — мало,
Так говорит нам Магомет.

Съдой корабль, сложившій паруса,
Усталый дух, стремящійся к покою,
Войдут всѣ в ту же гавань чередою,
Удач или бурь веда их полоса.
И вѣчное стремленье в небеса
Дрожит в душѣ магнитною стрѣлою.

Путь жизни краток; горестными днями
Уставлен весь, как частыми столбами,
И быстро мчит — домой.

*
**

Из душной тьмы — на волю. Из силков
Туда, гдѣ воздух свѣтел и прозрачен,
Взлетѣла ты. И безуспѣшно мрачен
У опустѣвшей клѣтки птицелов.

Смерть не раздѣлит нас. Во мракѣ ночи,
Лишь загремит послѣдняя труба, —
Опять освѣтят вѣрнаго раба
Огромныя, заплаканныя очи.

Удѣл влюбленных царственно-велик:
Мы можем вырвать — даже у Забвенья
Сіяющій, любимый женскій лик
Потоком солнца и благословенья...

*
**

Багдад рисует мнѣ мечта,
Калифов город жаркій...
Песков безбрежных духота.
Мечети, башни, арки,

Я слышу эхо голосов,
Базара шум нестройный.
Порой — верблюда дикій рев
Иль бубен безпокойный.

Желтѣет зной; дрожат в пыли
Зеленяя знамена.
И караван идет вдали,
Мотаясь изнуренно.

Так душу мертвую свою
Я в мір итти неволю.
Слова — «прощаю и даю» —
Мнѣ выпали на долю.

Я в замкѣ рыцарском. Темно.
Осенній дождик льется,
И море грохотом полно,
В пустынный берег бьется.

Но предо мной, сквозь ураган,
Миражем знойных бредней
Проходит вѣчно караван
Моей любви послѣдней!

Ив. Тхоржевскій.

Ч А А Д А Е В

Habent sua fata libelli. Нерѣдко случается, что авторам приписываются такія идеи, которых они никогда не высказывали, болѣе того, от которых они даже отрещивались. Так, напримѣр, нѣмецкіе романтики превратили Спинозу из разсуждавшаго *ordine geometrico* идеолога механическаго міровоззрѣнія в “богопьянаго” (Новалис) мечтателя и ввели его в “храм новой поэзіи”. С легкой руки Прудона Гегелеву схему “бытіе — небытіе — становленіе” подмѣнили иною, нигдѣ у него не встрѣчающеюся: “тезис—антитезис—синтезис”. Подобным же образом и Чаадаева, убѣжденнаго консерватора и вѣрнаго сына православной церкви, превратили в революціонера и католическаго миссіонера.

Писательство Чаадаева относится к тому литературному роду, который именуется эпистолярным и который — не говоря уже об апостольских посланіях — прославили Цицерон, г-жа Севинье и ряд других авторов. Этот род теперь почти совсѣм выгѣшен телефонными разговорами и открытками с коротким, иногда для удобства заранее напечатанным текстом. Когда Эйнштейн еще жил в Германіи, один американскій журналист запросил его *по телеграфу*, вѣрит ли он в Бога. И он *по телеграфу* же отвѣтил, что вѣрит в Бога Спинозы.

Чаадаев до конца своей жизни оставался вѣрен эпистолярному роду. Его письма на безупречном французском языкѣ ходили по рукам и без напечатанія. Среди них были и “Философическія письма”, относящіяся к тому переходному времени в жизни автора, который дал Нащокину повод написать Пушкину: “он еще блуждает, он еще не нашел собственной своей точки. Основательности в идеях нѣтъ, себѣ часто противорѣчит, “себя совсѣм не знает, потому и часто себѣ будет измѣнять”. Тогда Чаадаев уже не был тѣм офицером гусарским, который “в Римѣ был бы Брут, в Афинах Периклес”. Тогда этот “всегда мудрец, а иногда мечтатель” увлекался католичеством, однако не конфессіонально, а эстетически и социалью. Но втеченіе шестилѣтняго промежутка между написаніем “Философических писем” и их напечатаніем Чаадаев нашел, наконец, самого себя. Он заговорил новым языком.

В 1831 году он пишет Пушкину: “Вот что я Вам скажу. Замѣтили ли Вы, что в нѣдрах моральнаго міра происходит нѣчто чрезвычайное. Посмотрите, мой друг: не погибающій ли это мір? Я чувствую слезы на глазах, когда я смотрю на это обширное крушеніе стараго, моего стараго общества”. Поводом для столь мрачных мыслей была іюльская революція 1830 года во Франціи. В сущности это была довольно безобидная революція. Она закончилась смѣною династіи, но не монархиче-

скаго образа правления. На престол она возвела “короля - буржуа” Людовика Филиппа, носившаго под мышкой зонтик, ибо, как объяснял Гейне, он понял, “что скипетр слишком туп, чтобы быть оружіем, и слишком короток, чтобы опереться на него”. Эту революцію финансировал банкир Лафитт. И, в отличие от революціи 1848 года, она не выдвинула т. н. социального вопроса. Делакура символически изобразил ее в видѣ женщины с фригійским колпаком на головѣ и трехцвѣтным знаменем в рукѣ; а за нею слѣдуют — буржуа в цилиндрѣ и рабочій в каскеткѣ. Тѣм не менѣе эта революція глубоко потрясла Огюста Конта и Гегеля. Потрясла она и Чаадаева. Ея откликом был мольскій мятеж 1830-1 годов. Он дал повод для французскихъ нападокъ на Россію. В противовѣс им Пушкинъ написалъ два стихотворенія: “Бородинская годовщина” и “Клеветникамъ Россіи”. И вотъ какъ откликнулся на нихъ Чаадаевъ. Онъ написалъ Пушкину: “Мой другъ, Вы никогда не доставили мнѣ столько удовольствія. Вотъ, наконецъ, Вы стали національнымъ поэтомъ; Вы, наконецъ, угадали Ваше призваніе. Я не могу выразить Вамъ удовлетвореніе, которое Вы меня заставили испытать. Особенно удивительно Ваше стихотвореніе клеветникамъ Россіи; это я говорю Вамъ. Здѣсь больше мыслей, чѣмъ сказано и сдѣлано в этой странѣ в теченіе столѣтія. Вы понимаете, что не всѣ здѣсь согласны со мной. Но предоставимъ имъ говорить, и будемъ подвигаться. У меня охота сказать себѣ: вотъ, наконецъ, появился нашъ Данте”.

А черезъ пять лѣтъ самого Чаадаева причислили къ клеветникамъ Россіи!

В 1833 году Чаадаевъ представилъ императору Николаю I записку съ такимъ предложеніемъ: “Я считаю, что обученіе в Россіи можетъ быть задумано особеннымъ образомъ; что возможно его поставить на національную основу, совсѣмъ иную, чѣмъ та, на которой она основана в остальной Европѣ, потому что Россія развилась совсѣмъ по иному и что она должна выполнить в мірѣ особое назначеніе. Я считаю, что намъ слѣдуетъ себя отдѣлать какъ мнѣніями науки, такъ и мнѣніями политики, и русская нація, великая и сильная, должна, я считаю, во всѣхъ вещахъ не получать воздѣйствія прочихъ народовъ, но оказывать на нихъ свое собственное воздѣйствіе”. В препроводительномъ письмѣ на русскомъ языкѣ къ графу Бенкендорфу Чаадаевъ оправдывается: “Я пишу къ Государю по-французски. Прошу Вамъ сказать Государю, что писавши къ Царю Русскому не по-русски, самъ тому стыдился. Это новое тому доказательство, что я в письмѣ своемъ говорю Его Величеству о несовершенствѣ нашего образованія. Я самъ — живой и жалкій примѣръ этого несовершенства. Вашему Сіятельству доложу я еще, что если вступлю в службу, то в сей разъ пишу по-французски в послѣдній. Когда стану дѣлать дѣло, то, Богъ поможетъ, найду и слово русское”. Но министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ графъ С. С. Уваровъ, предложившій свою программу: православіе, самодержавіе, народность. Третій пунктъ этой программы соотвѣтствовалъ предложенію Чаадаева. В позднѣйшихъ письмахъ онъ присоединился также и къ первымъ двумъ.

Все еще до появленія “Философическихъ писемъ” в печати Чаадаевъ пишетъ А. И. Тургеневу: “Вы знаете, что, по моему, Россія призна-

на к огромному умственному дѣлу: она должна когда-то разрѣшить всѣ вопросы, обсуждаемые в Европѣ. Ей, по моему, выпала задача произнести когда-нибудь слово человѣческой загадки. Нам незначѣм впутываться в происки запада. Дѣло Россіи в этом мірѣ, это политика рода человѣческаго. Провидѣніе сдѣлало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами". Затѣм слѣдует апологія самодержавія со ссылкой на гр. Уварова: "Мы вваливаем на правительство всѣ неправды. Правительство дѣлает свое дѣло, вот и все; сдѣлаем свое дѣло, исправимся. Странное заблужденіе считать безграничную свободу необходимым условіем развитія умов. Посмотрите на восток. Не классическая ли это страна деспотизма? А между тѣм оттуда пришло все просвѣщеніе міра. Посмотрите на арабов! Думали ли они о благах конституціоннаго режима? А между тѣм им мы обязаны доброю частью наших познаній. Посмотрите на средневѣковье. Имѣло ли оно хоть идею о неизреченных наслажденіях *du juste milieu*? А между тѣм в средніе вѣка человѣческій дух приобрѣлъ величайшую энергію. Наконец, думаете ли Вы, что цензура, которая заключила Галилея в темницу, не стоила цензуры Уварова и присных? А между тѣм не вращается ли всетаки земля, брошенная ударом ноги Галилея? Посему имѣйте геній и вы увидите". Все в том же письмѣ Чаадаев продолжал: "Дѣло вовсе не в том, чтобы мы бѣжали за другими. Дѣло в том, чтобы мы откровенно оцѣнили себя, познали себя, каковы мы. Послѣ сего мы пойдем вперед, и мы пойдем быстрѣе других, потому что мы пришли послѣ них... Мы предназначены научить Европу безчисленному множеству вещей. Не смѣйтесь. Вы знаете, что это мое интимное убѣжденіе. Всегда великія идеи приходили из пустыни".

Распатаанному традиціонизму Запада Чаадаев противопоставляя не "дурацкое созерцаніе наших воображаемых совершенств", а нѣкотораго рода мессіаническій футуризм Россіи. И вот послѣ всего этого появились в печати "Философическія письма". Получился анахронизм. И Чаадаев оказался в трудном положеніи. Долг чести побуждал его не отречься от авторства. Посему он написал гр. Строганову: "Я далек от того, чтобы отречься от всѣх мыслей, изложенных в означенном сочиненіи". Однако он тут же прибавил: "но вѣрно также и то, что в нем много таких вещей, которых бы я конечно не сказал теперь". Что это не было только оффиціальною отпискою, видно из того, что Чаадаев писал по этому поводу Тургеневу: "убѣжденіе, уже покрытое ржавчиною и которое только того и ждало, чтобы оставить мѣсто другому, болѣе современному, болѣе туземному". Своему брату он писал: "тут естественно приходит на мысль то обстоятельство, что эти мнѣнія, выраженные автором за шесть лѣтъ тому назад, может быть, ему вовсе теперь не принадлежат, и что нынѣшній его образ мыслей, может быть, совершенно противорѣчит прежним его мнѣніям".

Через год послѣ выхода "Философических писем", Чаадаев становится критиком католицизма и апологетом православія. Он пишет Тургеневу: "Никогда толпа не была менѣе способна, как в наше время, на то содѣйствіе, которое от нея ожидает и требует Ламенѣ. К тому же это вовсе не христіанское исповѣданіе. Каждому извѣстно, что

христианство во-первых предполагает жителство истины не на землѣ, а на небеси; во-вторых, что когда оно является на землѣ, то возникает не из толпы, а из среды избранных или призванных. Политическое христианство отжило свой вѣкъ; оно в наше время не имѣет смысла. И вот почему западное христианство, мнѣ кажется, совершенно выполнило пѣль, предназначенную христианству вообще, а особенно на западѣ. Таким образом бразды міроуправленія должны были естественно выпасть из рук римскаго первосвященника". В том же 1837 году Чаадаев писал М. Ѳ. Орлову: "Я думаю, что Россіи дана в удѣлъ внушительная задача осуществить прежде других стран всѣ общіянія христианства, ибо христианство в ней осталось чистым от соприкосновенія с человѣческими страстями и с земными интересами". В "Апологии сумасшедшаго" Чаадаев превозносит "столь смиренную, столь героическую иногда церковь, которой принадлежит честь каждаго мужественнаго акта, каждаго прекраснаго самопожертвованія наших отцов, каждаго прекрасной страницы нашей исторіи". В посланіи графу Сиркуру (1845) Чаадаев берет под свою защиту "нашего святого прелата" митрополита Филарета, который якобы впал в протестантизм; при этом он разъясняет: "наша церковь по существу аскетична, тогда как ваша по существу социальна". Препроводительное письмо А. И. Тургеневу содержит привѣтъ от митрополита и теплый отзыв о нем. В 1846 году Чаадаев переслал Сиркуру собственноручный перевод статьи "нашего друга" Хомякова. "Мнѣніе иностранцев о Россіи" с присоединеніем утвержденія, что "в нашем обществѣ не было иного моральнаго принципа, кромѣ религіозной идеи".

В 1847 году в перепискѣ с Погодиным относительно сотрудничества в "Москвитянинѣ" Чаадаев увѣрял, что "сочетаніе всѣх разногласныхъ понятій о жизни народной и о ея законахъ, может стать, возникнет из той страны, откуда его вовсе не ожидают". По поводу революціи 1848 года он писал: "гнушаюсь тѣм, что дѣлается в т. н. Европѣ". И донесеніе Паскевича о Венгріи привело его в восторг. В 1854 году Чаадаев негодовал по поводу того, что "авангард Европы очутился в Крыму".

Таким образом литературная дѣятельность Чаадаева далеко не исчерпывается его "Филофическими письмами". И нельзя произвольно ограничивать ее только ими, как это сдѣлал Герцен, увѣрявшій, что послѣ них "Чаадаев умер", или Богучарскій, что он больше "ничѣмъ особеннымъ себя не проявил". Это все равно, что, излагая міровоззрѣніе Шеллинга, ограничиться его юношескимъ романтическимъ задором. А между тѣмъ такъ именно и поступили почти всѣ писавшіе о Чаадаевѣ. Вслѣдствіе этого его образъ былъ искаженъ до неузнаваемости.

Так, напримѣр, Оман (Haumant), увѣряющій, что вся русская культура получена отъ французов, поставившихъ русскихъ "на заднія лапы", ничего не нашелъ у Чаадаева, кромѣ "франкофоніи" и пессимизма в духѣ Жозефа де Местр. Но де Местръ предсказывалъ "Пугачева изъ университета", который принесетъ всероссійское разстройство, а Чаадаевъ вѣрилъ, что изъ Россіи придетъ всемірное устройство. А о личности де Местра даже католикъ Печеринъ писалъ, что это "кровавый тер-

рорист католицизма, наглый и безсовѣстный фанатик, прикрывающій политическіе виды мантиею религіи”.

Герцен назвал “Философическія письма” “выстрѣлом, раздавшимся в темную ночь”, “трубным призывом”, “сигналом”. Таким образом враг революцій, аристократ мысли, слова и дѣла попал в зачинщики русскаго демократизма и революціонности. Герцен еще превратил Чаадаева в какого-то внутренняго эмигранта: “у кого из нас не бывает этихъ моментовъ гнѣва, когда мы ненавидимъ страну... Кто из нас не желалъ вырваться из этой, занимающей четвертую часть земного шара, тюрьмы, из этой чудовищной имперіи?” Вся эта характеристика совершенно фальшива. Только в бытность царскосельскимъ гусаромъ Чаадаев отдал дань вольнолюбивымъ мечтамъ юности мятежной и мог произвести на Пушкина, тогдашняго Пушкина, впечатлѣніе русскаго Брута, стремящагося написать свое имя “на обломкахъ самовластья”. Но уже в двадцатыхъ годахъ Чаадаев был не тот. В 1820 году он писалъ брату: “вот уже говорят, что я демагог: дураки!” В “Философическихъ письмахъ” он назвал Петра I “великимъ человѣкомъ”, Александра I “великимъ государемъ”, а возстаніе декабристовъ “огромнымъ бѣдствіемъ, отодвинувшимъ насъ на полвѣка назадъ”. В письмѣ къ А. И. Тургеневу (1837) он назвал Карамзина “необыкновеннымъ человѣкомъ”: “с каждымъ днемъ болѣе и болѣе научаюсь чтить его память... какъ здраво, какъ толково любилъ он свое отечество”. Обращеніе Чаадаева къ императору Николаю I совѣмъ не напоминаетъ Шиллерова маркиза Позу. Противъ автора “Философическихъ писемъ” в Россіи, какъ в Англіи противъ Байрона, ополчилось не правительство, а общество. Его настроеніе было, какъ выразился П. К. Щербальскій, мажорное. А тон писемъ былъ минорный. Это вызвало общественное негодованіе. Возмутились не только представители ведущаго класса, но и разночинцы и, какъ выразился племянникъ Чаадаева, “круглые неучи, подьячіе и чиновники”. Московскіе студенты будто бы даже с оружіемъ в рукахъ собирались защищать Россію отъ Чаадаева. И вотъ правительство дало общественному мнѣнію удовлетвореніе. Но его судъ былъ не строгій. Обвиненіе в какомъ бы то ни было преступленіи, было замѣнено признаніемъ невмѣяемости Чаадаева вслѣдствіе душевнаго разстройства. И онъ былъ подвергнутъ домашнему аресту с правомъ прогулокъ. Когда онъ выразилъ неудовольствіе по поводу того, что посѣщавшій его по распоряженію властейъ врачъ оказался пьяницею, то его замѣнили пріятелемъ Чаадаева Гульковскимъ. Все это продолжалось всего два мѣсяца, потому что, узнавъ послѣ своего возвращенія в Москву о наказаніи Чаадаева, кн. Голицынъ заявилъ: “надо, чтобы этотъ фарсъ кончился”. Самъ Чаадаевъ назвалъ свой арестъ “унылою и смѣшною исторіею” и, в отличіе отъ Герцена, онъ менѣе всего думалъ о томъ, чтобы изобразить себя, какъ мученика и жертву режима. Поэтому одна графиня совѣмъ напрасно возмущалась: “вотъ какой дуракъ Чаадаевъ: онъ заказалъ свой портретъ и велѣлъ написать себя в кандалахъ”. Заблуждался Герцен и тогда, когда онъ написалъ Чаадаеву “революціонный католицизмъ, которому онъ остался вѣренъ на всю жизнь”: Чаадаевъ, какъ разъ осудилъ ре-

волюціонный католицизм Ламеннэ и всю жизнь был вѣрен правосла-
вію.

Герцен слѣва, а Языков справа приписали Чаадаеву отвраще-
ніе къ родиѣ. Герцен увѣрял, что он “мстил русской жизни” и послал
ей “обдуманное, выстраданное проклятіе”. А Языков возмущался:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна.

Ему вторил Вигель: “народ поруган, унижен до невѣроятности... ужаснѣйшая клевета на Россію... сей изверг, неистопимый хулителъ наш”. А между тѣм Чаадаев до “Философических писем” писал из за-
границы: “дорогая наша Россія”, “с восхищеніем воображаю себѣ,
что нахожусь, наконец, на пути в Россію”. В 1837 году он превозно-
сил “нашу величавую родину, столь великую, столь могущественную,
столь спокойную”.

Чаадаева принято считать западником. Особенно настаивал на
этом Пышин. Он уподобил его Станкевичу и приписал ему “точку зрѣ-
нія безусловнаго признанія европейскаго прогресса. В силу этого не-
чего говорить о том, насколько Чаадаев непримиримо расходился с
начинавшейся тогда славянофильской школой. Но, главным образом,
точка зрѣнія Чаадаева была полной противоположностью тѣм взгля-
дам, какіе принадлежали системѣ официальной народности”. А меж-
ду тѣм, именно в кабинетѣ Чаадаева Самарин познакомился с Хомя-
ковым и Ив. Кирѣевским. Он переписывался с Хомяковым и перевел
его статью о презрѣніи иностранцев къ Россіи. Когда был запрещен
“Европеец”, именно Чаадаев составил Кирѣевскому записку для гр.
Бенкендорфа. Послѣ его смерти Хомяков, считавшій его одним из са-
мых замѣчательных русских людей, почтил его память в обществѣ лю-
бителей словесности: “может быть, никому не был он так дорог, как
тѣм, которые считались его противниками”. Философію прогресса
Чаадаев, как раз в “Философических письмах” назвал “слѣпою и
упрямою”: “целовѣческій дух это для нея только снѣжный ком, кото-
рый, катясь, увеличивается, вот и все”. Чаадаев понимал прогресс
совсѣм не так, как его западные идеологи: он видѣл в нем не есте-
ственно необходимый процесс, а Божій призыв. И переписка Чаадаева
вполнѣ созвучна Уваровской “официальной народности”. Иванов-
Разумник усмотрѣл в Чаадаевѣ “предшественника гениальнаго ро-
доначальника народничества Герцена” и даже почти Михайлов-
скаго: “мы эволюционируем, но не прогрессируем, как сказал бы на-
мѣстѣ Чаадаева Михайловскій”.

Алексѣй Веселовскій сблизил Чаадаева с Гоголем. На первый
взгляд, как будто дѣйствительно есть что-то общее, кромѣ хронологи-
ческаго совпаденія, между “Письмами” и “Ревизором”: и тут и там
ревізія русской жизни, поставленной перед зеркалом, на которое не-
чего пенять, коли рожа крива. Но Чаадаев подверг русскую жизнь не
бытовой, а метафизической критикѣ, а Гоголево зеркало он признал
кривым. Его возмущал “цинизм” комедіи: “никогда націю так не би-

чевали, никогда страну так не тащили по грязи, никогда не бросали в лицо публикѣ столько отбросов". Актеров, игравших "Ревизора", он презрительно назвал "гистріонами", хотя среди них был и Щепкин. Автора "Выбранных мѣст из переписки с друзьями" он назвал "крошечным наставником", "даровитым писателем, котораго чрез мѣру возвеличили, который попал на новый путь и не знает, как с ним слать".

Полным недоразумѣніем является попытка Бердяева сблизить Чаадаева с К. Н. Леонтьевым: "разница лишь в том, что Чаадаев искал спасенія в западных католических началах, Леонтьев же — в началах византійских". Что у них дѣйствительно было общаго, так это аскетическое пониманіе восточнаго христіанства и равнодушіе к славянам.

Еще большее недоразумѣніе представляют оцѣнки совѣтских критиков. По утверженію Асмуса, "характерно для Чаадаева отрицаніе православія". Из того, что Чаадаев рекомендовал одной помѣщицѣ не пренебрегать домашним уютом, Д. Шаховской вывел заключеніе, что у него имѣются элементы экономическаго матеріализма. Он же приписал самому Чаадаеву авторство слѣдующей прокламаціи, вклеенной в одну из книг его бібліотеки: "Братья любезные, братья горемычные, люди русскіе, православные, дошла ли до вас вѣсточка, вѣсточка громогласная, что народы вступили, народы крестьянскіе взволновались, всколебались, аки волны окіяна - моря, моря синяго! Дошел ли до вас слух из земель далеких, что братья ваши, разных племен, на своих царей - государей поднялись всѣ, возстали всѣ до одного человѣка! Не хотим, говорят, своих царей-государей, не хотим их слушаться. Долго они нас угнетали, поработали, часто горькую чашу испивать заставляли. Не хотим царя другого, окромѣ царя небеснаго". Чаадаев совсѣм не так откликнулся на революцію 1848 года.

Чаадаева уподобили даже нѣмецкому историку Нибуру! Правильнѣе других понял его Гершензон. Но он напрасно усмотрѣл у него сродство с декабристами и придал преувеличенное значеніе влиянію мистики Юнг-Штиллинга. Еще правильнѣе понял П. И. Новгородцев, отмѣтившій у него "первый опыт синтеза западничества и славянофильства" и вѣру в "способность русскаго народа к высшему религіозному синтезу".

По поводу всѣх попыток вкривь и вкось истолковать міровоззрѣніе Чаадаева, вспоминается то, на что он жаловался еще до появленія "Философических писем": "они любят не меня, а иной любит мою голову, другой мой вид, третій душу, меня же бѣднаго из них никто не любит". Основной мотив его идей, это вѣра в призваніе Россіи, и притом экспансивное, вселенское, в отличіе от этнической замкнутости, проповѣдовавшейся Данилевским. Это его в извѣстном смыслѣ сблизало с Бѣлинским, увѣрявшим, что "мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль". Но, в отличіе от Бѣлинскаго, Чаадаев вѣрил, что у Россіи религіозное призваніе. Это роднит его с Достоевским. Общею у них является прежде всего постановка исторіософской проблемы. Чаадаев писал: "ничто так не возвеличивает

нашей мысли и не очищает нашей души, как это зрѣлище Провидѣнія, господствующаго надъ вѣками и ведущаго человѣчскій родъ къ его конечнымъ цѣлямъ". А Достоевскій утверждалъ, что "міромъ управляетъ Богъ и законы Его". Далѣе, оба считали, что Европа, эта "страна святыхъ чудесъ", пошатнулась и потеряла свой путь. Наконецъ, оба вѣрили въ мировое призваніе Россіи. Связующимъ звеномъ между ними былъ Пушкинъ, для Достоевскаго "пророчество и указаніе", а для Чаадаева вѣрный другъ, который сначала учился у него, а потомъ самъ сталъ поучать его и написалъ самое умное, что вообще было написано по поводу "Философическихъ писемъ". Въ своемъ пришедшемъ въ ветхость домѣ на Басманной улицѣ въ Москвѣ Чаадаевъ любилъ показывать на стѣнѣ надъ диваномъ темный слѣдъ отъ головы Пушкина. И то, что онъ такъ и не выполнилъ даннаго Погодину обѣщанія написать для "Москвитянина" свои воспоминанія о Пушкинѣ, является огромною потерей для исторіи русской духовной культуры.

Но естественно возникаетъ вопросъ: какъ можно сближать православнаго мыслителя Достоевскаго съ Чаадаевымъ, который увлекался католичествомъ? Чаадаевъ несомнѣнно отдалъ дань католичеству въ своихъ "Философическихъ письмахъ". Но при этомъ — что бы ни утверждали богословы, католическіе (аббатъ Кенэ) и даже православные (Г. В. Флоровскій) — онъ проявилъ полное равнодушіе къ догматикѣ, "практикѣ", и вообще вѣроисповѣдной сторонѣ католичества. Онъ отнесся къ нему такъ же, какъ Огюст Контъ, высоко цѣнившій "мастерство политической организаціи" въ средневѣковомъ католичествѣ, и какъ романтики, увлекавшіеся его художественнымъ гениемъ. Но О. Контъ пытался замѣнить католичество собственною религіею человѣчества, а французскіе романтики, какъ замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей (А. Viatte, *Le catholicisme chez les Romantiques*, 1922), никогда не были вѣрными сынами католической церкви и кончили тѣмъ, что стали ея врагами. "Философическія письма" заполнены разсужденіями о католическомъ социальномъ единствѣ и о готическомъ искусствѣ. Авторъ осудилъ не православіе, а протестантство: "надо признать, что у всѣхъ протестантскихъ церквей есть странный вкусъ къ разрушенію". И онъ писалъ Тургеневу: "Вы напрасно опредѣляли меня, какъ истиннаго католика". И іезуитъ Гагаринъ безъ всякихъ основаній увѣрялъ, что именно Чаадаевъ обратилъ его въ католичество. Столь же неосновательно было сдѣланное княземъ Одоевскимъ утвержденіе, что Чаадаевъ якобы заявилъ "торжественно, что мы должны быть подданными папы". Вигель усмотрѣлъ въ "богомерзкой" статьѣ Чаадаева отступничество отъ вѣры отцовъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе". Чаадаеву приписывали, какъ выразился Свербеевъ, "акафистъ папѣ". И Денисъ Давыдовъ иронизировалъ:

Старыхъ барынь духовникъ,
 Маленькій аббатикъ
 Всѣ кричатъ ему привѣтъ
 Съ оханьемъ и пискомъ,
 А онъ важно имъ въ отвѣтъ: *Dominus vobiscum.*

Чаадаев не перешел в католичество, как Печерин, и не причастился по католическому обряду, как Владимир Соловьев. Он остался вѣрен православію. Он был близок к митрополиту Филарету, огнем котораго и его душа была согрѣта. Он дружил со своим приходским священником. Перед смертью говѣл, исповѣдался и причастился. По его волѣ его похоронили в Донском монастырѣ. Заслуживает вниманія, что, дѣлясь своими литературными замыслами с Майковым, Достоевскій писал: “Хочу выставить во второй повѣсти главную фигуру Тихона Задонскаго. Тут же в монастырѣ посажу Чаадаева. Почему Чаадаеву не посидѣть года в монастырѣ?”.

Чаадаев назвал себя “слава Богу не богословом, а просто христіанским философом”. Эту свою философію он довольно туманно опредѣлил, как “религію вещей, а не форм”. Не дожидаясь полноты времен, он утверждал, что “вся цѣль христіанства в том и состоит, чтобы создать на землѣ одно царство, всѣ прочія царства в себѣ заключающее”. Все это не было исправно со строго православной точки зрѣнія. Но и Достоевскій с его “розовым”, как выразился К. Н. Леонтьев, христіанством тоже не был вполне исправен. И оптинскіе старцы не одобряли его Зосиму.

Таким образом, если снять с Чаадаева ярлыкъ всяческих направлений, то получится мыслитель, вѣровавшій в высокое религіозное призваніе Россіи. Он начал с того, что “угрюмый, томный в гостинных появлялся он”. Как “король разговора” Ривароль, он плѣнял даром чарующей бесѣды и элегантными письмами. Его мысль родилась в салонѣ, но переросла салон, бывшій для него лабораторіею мысли и даже почти пустынею, откуда раздавались вѣщія слова. Эти слова предвѣщали Россіи не проклятіе тибели, а радость перерожденія.

Символична была обстановка смерти и погребенія Чаадаева. Он умер в Великую субботу. Над его гробом раздавались свѣтлые и радостные напѣвы о торжествѣ воскресенія и вѣчной жизни над смертью и тлѣніем. И хоронившій его извѣстный апологет православія Н. А. Сергіевскій обратился к его тѣлу со словами: “умершій во Христвѣ брат, Христосъ воскрес!”.

Е. Спекторскій.

« СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ »

(Спор о его подлинности)

Часто приходится слышать, что «Слово о полку Игоревъ» является единственным в своем родѣ литературным памятником: в древней литературѣ нѣтъ другого подобнаго ему произведенія. Казалось бы, что «Слово» должно было быть навѣяно предшествующими ему источниками. Вѣдь не могло же оно, подобно Голубиной книгѣ, свалиться с неба.

На это отвѣчают, что много рукописей сгорѣло во время междоусобій и нашествія иноплеменников, но это объясненіе не вполне удовлетворительно: почему именно погибли источники, которые имѣли прямое или косвенное отношеніе къ «Слову», и уцѣлѣли тѣ, что ничѣм не связаны со «Словом»? Читатель смущен; он недоумѣвает, старается найти иное объясненіе и, как это часто бывает, приходит къ совершенно ложному выводу.

Так, напримѣр, проф. А. Мазон рѣшил, что «Слово» не является подлинным 12-го столѣтія памятником и что оно было составлено гр. Н. Н. Бантыш-Каменским в концѣ 18-го столѣтія. У проф. Мазона создалась предвзятая мысль и она обратилась в исходный пункт его изслѣдованія о «Словѣ». Ряд непонятных ему слов и выраженій он объяснил «модернизмами», «галлицизмами», «полонизмами». Даже в заимствованном из скандинавскаго эпоса прозвище «Буй» или «Яр Тура» он усмотрѣлъ «американизм краснокожих индѣйцев».

Если в русской литературѣ 12-го столѣтія не находится памятника родственнаго «Слову», близкаго ему по формѣ и по духу, то его надо искать в литературѣ иных народов, а не рѣшать заранѣе, что «Слово» не имѣет литературной традиціи.

По своей формѣ и приѣмам «Слово» приближается къ скандинавским сагам. Повидимому, в 10-м и в 11-м столѣтіях пѣснотворцы слагали на Руси свои произведенія на норманском языкѣ. По мнѣнію выдающагося норманиста проф. Н. Т. Вѣляева, первым скальдом или «гудцом», начавшим распѣвать в княжеских грядницах свои пѣсни по русски был Боян. При таких обстоятельствах не удивительно, что в древней русской литературѣ не нашлось памятника, инспирировавшаго «Слово о полку Игоревѣ».

Имя автора «Слова» нам не извѣстно, оно до нас не дошло, но в самом «Словѣ» сохранились о нем косвенныя данныя. В своей повѣсти он задает вопрос, как слѣдовало бы внуку «того», вѣщаго Бояна, воспѣть Игоря? Внук в переносном смыслѣ означает преемника; слѣдовательно автор «Слова» считает Бояна своим предшественником. Но, спрашивается, кѣм был Боян? На этот вопрос также находится отвѣт:

согласно “Слову”, он был творцом пѣсен, а по словам Задонщины, “гораздым гудцом” в Кіевѣ. Если автор “Слова” себя считает его преемником, то, слѣдовательно, он был пѣсотворцем и также пѣснопѣвцем. Свою пѣснь он посвящает походу на половцев, что приводит к заключенію, что он был Игоревым гудцом. В “Словѣ” имѣется еще одно интересное указаніе: “А мы, дружина, задни (в печатном текстѣ “жадни”) веселія”: а мы, дружина, позади веселія, т. е. нам не до веселія. Из этого восклицанія вытекает, что автор “Слова” был не только слагателем пѣсен и гудцом, но дружинником.

Что он был притом человѣком начитанным и для своего времени образованным, это явствует из того факта, что в “Словѣ” встрѣчаются отдѣльныя выраженія, заимствованныя из произведеній до него существовавших, и говорится о событіях, которыя могли ему стать извѣстными только из лѣтописи.

По вопросу о времени сложенія и оглашенія “Слова” также есть косвенныя указанія. Из обращенія автора “Слова” к кн. Галицкому, Осмомыслу Ярославу, явствует, что рѣчь идет о лицѣ, находящемся еще в живых: обращенныя к нему слова в настоящем, а не в прошедшем времени. Осмомысл сидит на златокованном престолѣ, “ужасы” его текут по землям, он отворяет Кіеву ворота, стрѣляет заморских султанов и автор “Слова” предлагает ему стрѣлять нечестиваго холопа Кончака. Это обращеніе свидѣтельствует о том, что “Слово” было составлено и оглашено до смерти Осмомысла или до того, что в Новгородѣ Сѣверском стало о ней извѣстно. Согласно лѣтописи, кн. Ярослав Владимірович умер в Галичѣ 1 октября 1187 г.

В “Словѣ” говорится об “опутаніи” кн. Владиміра Игоревича красной дѣвицей; полагаем, что это обстоятельство стало извѣстным по возвращеніи его из плѣна, т. е. послѣ 25 сентября 1187 г. Владиміръ упомянут в заключительной славѣ князьям; возникает вопрос, не было ли “Слово” составлено в связи с его возвращеніем на родину? По словам лѣтописи 25 сентября 1187 г. в Овручѣ справлялась свадьба другого сына Игоря — кн. Святослава с дочерью кн. Рюрика Ростиславовича; лѣтопись добавляет, что тогда же вернулся из плѣна кн. Владиміръ Путивльскій, далѣе говорится, что обрадованный Игорь “сотвори свадьбу сынови своему и вѣнча его дитятем”. Рѣчь идет о церковном бракосочетаніи Владиміра с Кончаковой и о крещеніи их сына Изяслава, которыя (из за отсутствія в плѣну христіанскаго храма), не могли состояться раньше. Несомнѣнно, что празднованіе свадьбы и крестин закончились пиром в княжеской гридницѣ, на нем автор, он же княжескій гудец, мог впервые огласить свое “Слово о полку Игоревѣ”. Еще одно обстоятельство останавливает наше вниманіе, а именно: по данным Любецкаго синодика, кн. Изяслав Владимірович был назван во св. крещеніи Филиппом. В древней Руси существовал обычай давать крещаемому имя святого, который поминается в данный день. Раз Изяслав был наречен Филиппом, то из этого слѣдует, что он, вѣроятно, был крещен в день празднованія св. Филиппа. Для того, чтобы гонец мог прибыть из Галича в Новгород Сѣверск с извѣстіем о смерти Осмомысла, потребовалось бы около недѣли. Св. Филипп празднуется 5 и

11 октября. 5 октября 1187 г. в Новгородѣ Сѣверскѣ ничего еще не было извѣстно о смерти Осмомысла, тогда как 11 октября извѣстіе об его кончинѣ несомнѣнно было получено, в силу чего намѣченные торжества были бы отложены на другое время и в “Словѣ” не говорилось бы об Осмомыслѣ, как о живом. Изложенное приводит к заключенію, что крещеніе Изяслава, его матери, бракосочетаніе его родителей и связанное с ними торжество с оглашеніем “Слова” в первый раз имѣло мѣсто в Новгородѣ Сѣверскѣ 5 октября 1187 г., что в корнѣ противорѣчит гипотезѣ проф. Мазона о составленіи “Слова” в концѣ 18-го столѣтія (будто бы гр. Н. Н. Бантыш-Каменским).

Ошибочныя положенія проф. Мазона являются лишь деталью в спорѣ о подлинности “Слова”, но разбор отдѣльных утвержденій проф. Мазона дает возможность судить и об его работѣ в цѣлом.

Проф. Мазон увѣряет (весьма категорично), что выраженіе “слѣд править” соответствует французскому выраженію «fait suite» и является несомнѣнным галлицизмом. Мы это оспариваем. Согласно “Слову”, Кончак ему (Гзаку) слѣд правит к Дону великому”. “Слѣд” в древне-русском и сербо-хорватском языках нерѣдко носит значеніе пути. “Слѣд править” означает направлять, а вовсе не слѣдовать. В приводимой фразѣ говорится о том, что Кончак направляет Гзака к великому Дону. Ошибочный перевод выраженія “слѣд править” привел в данном случаѣ проф. Мазона к неправильному заключенію.

Проф. Мазон доказывает, что выраженіе “уши закладаше” галлицизм и что оно при переводѣ на французскій язык означает «*boucher les oreilles*». Означенное выраженіе встрѣчается в искаженном текстѣ “Слова”: “А Владимір по вся утра уши закладаше в Черниговѣ”. Проф. Мазон прав в том отношеніи, что ни в современном, ни в древне-русском языкѣ нѣтъ такого выраженія, но необходимо отмѣтить, что в приводимом текстѣ рѣчь идет не о “затыканіи по утрам ушей”, а о другом: “повся” нарѣчіе, оно соответствует сербо-хорватскому “посве”, что значит “совсѣм”; что же касается выраженія “утра уши”, то оно представляет собою искаженіе дѣепричастія “устрахуши”. Исправляя согласно этой гипотезѣ текст, получаем: “а Владимір, совсѣм устрашившись, затворился в Черниговѣ”. Это событіе, согласно летописи относится к 1094 г., к восьмидневной осадѣ Олегом Святославовичем Владиміра Всеволодовича Мономаха в Черниговѣ. Так что, никакого “галлицизма” в означенной фразѣ нѣтъ.

Обратимся теперь еще к одному “галлицизму” проф. Мазона, к “приломенію копьа”. Игорь сказал своим воинам: “хочу приломить свое копье в концѣ половецкаго поля”. Проф. Мазон переводит слова “приломить копье”, как «*briser*» или «*rompre une lance*» что совершенно неправильно. “Приломить” значит “приколоть”, а не надломить. Приставка “при” далеко не всегда соответствует приставкѣ “пре” или “пере”, в чем можно убѣдиться на примѣрѣ: глаголы прибить и перебить имѣют неодинаковое значеніе. О том, что “приломить” означает приколоть явствует из другой фразы: “ту ся копіям приламати, ту ся саблям потручати о шеломы половецкіе”. Автор “Слова” имѣет в виду, что придется в предстоящем бою использовать копьа и

сабли для того, къ чему они предназначены: а именно, копьям придется прикалываться, а саблям потрясаться о половецкіе шлемы. Символом власти было копьё, по этой причинѣ оно прикалывалось: Игорь имѣлъ намѣреніе “приломить копьё в концѣ половецкаго поля”, т. е. утвердить свою власть на Тмутаракани. Преломленіе копья скорѣе означало бы обратное, т. е. символизировало бы уничтоженіе, а не установленіе власти. Мнѣніе о “галлицизмѣ” выраженія “приломить копьё” основано на ошибочном переводѣ.

Далѣе, в домонгольских источниках слово “русичи” встрѣчается только в “Словѣ”. “Русичь” представляет собою производное слово от Руси, оно соотвѣтствует отчеству и означает с ы и а “Руськой земли” или родившагося на Руси. Русичи, в частности “храбрыи русичи”, в отличіе от выраженія русскіе, несут ласкательный характер. Впослѣдствіи выраженіе “русичи” приняло нѣсколько иное значеніе: в Малороссіи во время польскаго господства “русичами” назывались ополяченные русскіе, принявшіе католицизм. В малороссійских думах имѣется похожее слово “русовичи”. Иногда горожане носят названіе в видѣ отчества, соотвѣтственно с наименованіем города, в котором они родились или в котором они обитают, напримѣр: москвичи, псковичи и инныя. Названіе с окончаніем на “чи” встрѣчается у цѣлага ряда русских племен: у вятичей, радимичей, дреговичей, кривичей, уличей; неудивительно, что названіе народа, объединяющаго всѣ эти племена, могло носить подобное же окончаніе.

Единомышленники проф. Мазона Б. Г. Унбегаум и И. К. Борщак ставят “русичей” в связь с легендой 16-го столѣтія о Русѣ, родоначальникѣ русскаго народа, оспаривая тѣм самым аутентичность “Слова”, как памятника 12-го столѣтія. Но мы отмѣтим, что в лѣтописи встрѣчаются аналогичныя названія, напримѣр нѣмчичи и литовчичи: и вовсе нѣтъ “легенды”, с которой бы их можно было связать.

Автор “Слова” восклицает: “О, Русская земля, уже за шеломянем еси”, что в переводѣ значит: “О Русская земля, ты уже за сторожевым холмом”. Это восклицаніе повторяется и в другом мѣстѣ “Слова”, но с той только разницей, что вмѣсто “за” стоит “не”: О, Русская земля, уже не шеломянем еси”. Смысл повторнаго восклицанія слѣдующій: “О, Русская земля, ты уже не за сторожевым холмом, а гораздо дальше”. В концѣ 14-го и в началѣ 15-го столѣтій уже не было сторожевых холмов, их замѣнили засѣки и вышки, поэтому, вышеприведенное восклицаніе было непонятно составителю Задонщины, и он перефразировал его слѣдующим образом: “Русская еси земля, как еси была доселѣ под царем Соломоном”. Вопреки очевидному искаженію, проф. Мазон утверждает, что в восклицаніях “Слова” рѣчь идет о Соломонѣ, но “шеломя” в значеніи сторожевого холма встрѣчается и в других источниках: в Ипатьевской лѣтописи значитса: “пойде Гюргій за шелома с полки своими”. И в сказаніи о Мамаевом побоищѣ говорится: “христіанская сила пойдоша с шеломени и стапша на полѣ чистѣ”. При таких условіях трудно повѣрить, что, будто бы, в “Словѣ” и в За-

донщинѣ упомянут Соломон в связи с “забытой” легендой о царѣ Соломонѣ (в чем старается нас убѣдить проф. Мазон).

Далѣе в Курской губерніи простой народ недавно еще называл филина дивом. Согласно повѣрью, филин сверхъестественная птица. В “Словѣ” “дивный” филин уподобляется “дивому”, т. е. дикому полочанину. Див сокращенная форма прилагательнаго “дивный” и прилагательнаго “дивый”. Полочанин в образѣ филина взвизгивает на дерево, он оттуда кличет, предупреждая нижеслѣдующія страны, находящіяся в невѣдѣніи о наступленіи Игоря: Волгу, Поморье, Посулье, Сурож, Корсунь и “тебя” Тмутараканскій болван.

По мнѣнію проф. Мазона, Тмутараканскій болван — камень кн. Глѣба Святославовича с надписью о ширинѣ Керченскаго пролива, отпосланный к 1068 г. Но проф. Мазон утверждает, что “Слово”, равно как и камень Глѣба Святославовича являются фальсифицированными памятниками конца 18-го столѣтія: по его словам, этот камень был изготовлен с цѣлью угодить имп. Екатеринѣ II и оправдать права Россіи на Черноморье. Но ученая экспертиза установила, что письмена обозначены на нем так, как онѣ изображались в 11-м столѣтіи. Во времена Екатерины II никто не подозрѣвал, что каждая эпоха имѣла свой особый стиль при начертаніи букв и надписей. Сомнѣваться в аутентичности Глѣбова камня не приходится.

Но дѣло то в том, что самое слово болван имѣло в древне-русском языкѣ двоякое значеніе. Первоначально оно соответствовало глыбѣ или столпу; впоследствии (у проповѣдников христіанства) также идолу — истукану. Но греки верѣдко называли “столпами” также мысы, окаймляющіе пролив или образующіе горный полуостров. Повидимому, именно в этом, г е о г р а ф и ч е с к о м значеніи, упомянут в “Словѣ” Тмутараканскій болван; о нем и говорится в г е о г р а ф и ч е с к о м перечнѣ стран, еще не знавших о наступленіи князя Игоря, — не об отдѣльном камнѣ-памятникѣ, а о всей скалистой громадѣ Тмутаракани.

В “Словѣ” имѣются неоднократныя упоминанія о Троянѣ. Гр. А. И. Мусин-Пушкин, первый издатель “Слова”, выразился по этому поводу так: “Кто сей Троян, догадаться ни по чему не возможно”. Приблизительно так же думает профессор Мазон: приводит ряд устарѣлых, чужих догадок и не дает своей. А между тѣмъ автор “Слова о полку Игоревѣ”, называя Трояна, явно имѣет в виду опредѣленную личность, ему и его современникам хорошо извѣстную. О ком же собственно идет рѣчь?

Согласно Слову, Игорь вступил в золотое стремя и поѣхал по чистому полю. Он повел свои храбрыя полки на землю Половецкую, за землю Русскую, имѣя намѣреніе “приломить”, т. е. приколоть, копье в концѣ поля Половецкаго. Бояре Святослава Всеволодовича поясняют, что Игорь и Всеволод слетѣли с отчаго золотого престола, с цѣлью поискать города Тмутараканя, либо с цѣлью испить шлемом Дона. Завязался бой в полѣ невѣдомом среди земли Половецкой. Игорь потерпѣлъ пораженіе, путь половцам в землю Русскую оказался открытым, вслѣдствіе чего автор “Слова” обращается к Волынским князьям с при-

звон загородить Полю ворота. Совокупность этих данных свидетельствует о том, что поля, о которых идет рѣчь, находились на востокѣ и что они тянулись по землѣ Половецкой от Тмутаракани до земли Русьской. Остается выяснитъ мѣстоположеніе гор. Святославу Всеволодовичу приснился тревожный сон в Кіевѣ на Горах. Автор “Слова” оплакиваетъ что “того стараго Владиміра”, т. е. Мономаха, “нельзя бѣ пригвоздити к горамъ Кіевскимъ”. Ярославна напоминаетъ Днѣпру, что он пробилъ “каменные горы”. Слѣдовательно, горами назывались Кіевскія возвышенности, онѣ лежали по правому берегу Днѣпра и онѣ по сей день продолжаютъ называться горами. “Тропа Трояна”, упоминаемая в Словѣ, была сухопутнымъ путемъ, который вел из Тмутаракани в Кіев “чрес поля на горы”. Очевидно Трояномъ былъ тотъ князь, который впервые воспользовался этой тропой для своихъ походов, она была прозвана Трояновой в его честь и память.

Тамъ, гдѣ в “Словѣ” говорится: “вступилъ на землю Трояню” (или в другомъ мѣстѣ, “дивъ врѣжеса на землю”, под дивомъ разумѣется дикій половчанин в образѣ филина. Рѣчь идетъ о половцахъ, которые переправившись через Сулу, вторглись в Троянову землю, осадили Переяславль и ворвались в Римов.

Кіевъ былъ защищенъ со стороны Поля “Трояновымъ валомъ”, тянувшимся вдоль Ирпени, Роси и Днѣпра; продолженіемъ этого вала служили воздвигнутыя Владиміромъ Святѣмъ укрѣпленія на Десяѣ и на Сулѣ. Территорія, находившаяся между Кіевомъ и Трояновымъ валомъ и за укрѣпленіями на Сулѣ, называлась “землей Трояна”. Фраза “по Рѣси и по Сулѣ грады подѣлиша” заключаетъ в себѣ упрекъ русскимъ князьямъ, отошедшимъ за укрѣпленную линію Трояна, вмѣсто того, чтобы перейти в наступленіе противъ половцевъ. По переправѣ половцевъ через Сулу она перестала ограждать Переяславль. Очевидно валъ былъ воздвигнутъ Трояномъ, отъ него получилъ свое наименованіе.

Что касается Трояна или Труана, то онъ согласно гипотезѣ проф. бар. М. А. Таубе былъ сподвижникомъ Олега Вѣщаго и упомянутъ в договорѣ 911 г. Олега с греками; другіе же изслѣдователи его отождествляютъ с княземъ Святославомъ Игоревичемъ, побѣдителемъ хазаръ.

Часто профессоръ Мазонъ безпомощенъ — (изъ-за недостаточнаго знанія древне-русскаго языка) — тамъ, гдѣ надо разумной догадкой возстановитъ подлинный текстъ, явно искаженный п р и е р е п и с к ѣ. О князѣ Всеславѣ Полоцкомъ, напр., в “Словѣ” говорится: “утрѣ же возни стрікусы, отвори врата Новуграду”. Эти “стрікусы”, к слову сказать, интриговали еще Пушкина. Проф. Мазонъ полагаетъ, что это слово встрѣчается только в “Словѣ”, тогда какъ в дѣйствительности рѣчь идетъ объ “острыхъ кусахъ”, которыми Всеславъ воспользовался при осадѣ Новгорода. Слово “кусъ” встрѣчается и в древнихъ источникахъ в значеніи куска или отрубка. “Острые кусы” представляли собою заостренныя бревна или колья. Такими острыми кусами разбивались затворенныя городскія ворота. Приводимый текстъ означаетъ: утромъ Всеславъ “вонзи остри кусы, отвори врата Нову Граду”.

Ошибочно, далѣе, проф. Мазонъ предполагаетъ, что слово “шере-

шир” соответствует “стрѣлѣ или бремени”. На самом дѣлѣ, “шерешир” — слово арабское. Шереширы (или сферокопусы, как их называет современная наука) были глиняными толстостѣнными сосудами. Сверху шерешир был сферичен, а снизу коничен. Высота его была в 10-15 сантиметров. На верхней конечности шерешира имѣлось узкое отверстие со вставленным фитилем, он был начинен нефтью и метался конусом вперед. При паденіи шерешир не разбивался, а упруго, подобно мячу подпрыгивал, расплескивал горящую нефть, которая в летописи называется “живым огнем”. Стѣнки шерешира обычно украшались рельефными узорами и надписями. Такіе шереширы были очень распространены в Центральной Азіи, в Египтѣ, в Сиріи, в Иранѣ, а также и на Волгѣ. Шереширы металась при помощи небольшой “метницы”, “вельми хитро сдѣланной”. Эта искусственно сдѣланная метница была снабжена рычагом, так называемым “посохом”, который приводил ее в дѣйствіе. В фразѣ “посуху живыми шереширы стрѣляти” рѣчь идет о посохѣ-рычагѣ, а не о “сушѣ”, как это ошибочно полагает проф. Мазон. В “Словѣ” шереширы называются “живыми” по причинѣ того, что они были начинены “живым огнем”, т. е. горячей нефтью. “Живой огонь” соответствовал “греческому” или “мидійскому” огню византійцев. Нефтяные источники имѣлись в восточных владѣніях Византіи. Когда греки их утратили, то лишились возможности изготовлять зажигательные снаряды и пользоваться “мидійским” огнем. Из летописи извѣстно, что Кончак пользовался “живым огнем” во время своего похода на Русь: он похвалялся сжечь русскіе города и имѣл с собой “мужа бесурменина, иже стрѣляше живым огнем”. Подручные князя Всеволода Большое Гнѣздо “удалы сыны Глѣбовы (сыновья князя Глѣба Ростиславича Рязанскаго) уподобляются в “Словѣ” — “живым шереширам”.

Словам “обида”, “карна” и “желя” проф. Мазон также придает не тѣ значенія, какія они имѣли в древности. Так, обиду он переводит французским словом *creine*. А в “Словѣ о полку Игоревѣ”, когда говорится “обида”, имѣется в виду *п о р а ж е н і е*.

“Ольгово хороброе гнѣздо... не было к обидѣ порождено”, “слава на суд приведе... за обиду Ольгову”, “сокол... не дасть гнѣзда своего в обиду” и т. д.

Что касается “карны” или “карины” и “жли” или “жели”, то оба эти слова представляют собою различныя отгѣнки причитанія: укор и скорбь. “Карити по женѣ”, “карить по своей сестрѣ”, “наведе на ны плач и во веселье мѣсто желю”. Владимір Мономах просил Олега Святославовича отпустить вдову сына, “да сядет, аки горлица на сусѣ дровѣ желеючи”.

Церковь запрещала “желю роду”, т. е. причитаніе по предкам. В “Словѣ Христороубца” предлагается отогнать от себя и “желенія” и “каранія”.

Плач Ярославны может служить примѣром причитанія: Ярославна находясь в невѣдѣніи — “незнаемъ”, “рано”, т. е. преждевременно скорбит: она укоряет вѣтер, Днѣпр и солнце, а в то же время их заговаривает, способствуя тѣм самым бѣгству Игоря из плѣна.

Немало в книгѣ проф. Мазона и других, существенныхъ ошибокъ перевода :

“Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю”. Проф. Мазон переводитъ выраженіе “къ граду”, какъ «vers la ville», что совершенно не правильно. Переяславль находится не на Сулѣ, а на Трубежѣ, поэтому Сула никогда не могла течь къ Переяславлю. Выраженіе “къ граду” означаетъ “въ огражденіе”, т. е.: с переходомъ половцевъ черезъ Сулу, рѣка эта перестала ограждать и прикрывать доступы къ Переяславлю. “Къ граду” приводится в “Словѣ” дважды в смыслѣ огражденія, укрѣпленія.

Слова “на полѣ незнаемѣ” относятся в “Словѣ о полку Игоревѣ” къ выраженію: “вступита, господина, в злата стремя” (на поле незнаемѣ). Проф. Мазон связываетъ ихъ с другой фразой: “рыкаютъ аки туры ранены саблями” (на полѣ незнаемѣ). Но туры водились в лѣсахъ и в пущахъ, а не в поляхъ!

В “Словѣ о полку Игоревѣ” поется: “ты лелѣя еси на себѣ Святъ-славли носады сквозь землю Половецкую. У французскаго профессора слова “сквозь землю Половецкую” опнесены къ фразѣ: “ты пробилъ еси каменные горы (сквозь землю Половецкую). Но горы находились не в Половецкой землѣ, а в Кіевщинѣ!

И не всегда подобныя ошибки проф. Мазона сравнительно безобидны. Иногда он пользуется ими какъ разъ для того, чтобы доказывать мнимую подлинность “Слова”. Напримѣр:

“Се бо готскыя красныя дѣвы; звоня рускимъ златомъ поютъ время бусово”, такъ сказано в “Словѣ”. Проф. Мазон это “время бусово” поставилъ в связь съ готской легендой о Боусѣ, данныя о которой были впервые опубликованы в 1772 г. Выходило, что составитель “Слова”, якобы, воспользовался данными источника конца 18-го столѣтія.

Между тѣмъ, в простонародномъ говорѣ курянъ до сих поръ имѣется прилагательное “бусый”, что означаетъ “мрачный”. В другомъ мѣстѣ “Слова о полку Игоревѣ” читаемъ: всю ночь съ вечера босови врани възграяху”. Извѣстны и еще слова того же корня: “бусовою” называется темно-сѣрая окраска неба на зарѣ; “небо бусѣетъ” означаетъ, что оно становится мрачнымъ, темно-сѣрымъ. “Буско” — животное темно-сѣрой, дымчатой окраски. Значеніе приводимыхъ словъ устанавливаетъ смыслъ “бусоваго времени” и “бусовыхъ вороновъ”: рѣчь идетъ о мрачномъ времени, воспѣваемомъ готскими дѣвами и о карканьи мрачныхъ вороновъ, в связи съ пораженіемъ князя Игоря.

Что слово “бусый” (босый) означаетъ иногда темный, сѣрый, темной проф. Мазон какъ будто знаетъ: выраженіе “Слова” “босый волкъ” онъ переводитъ “сѣрый волкъ”. А между тѣмъ, какъ разъ в данномъ мѣстѣ “Слова” имѣется в виду именно “босой волкъ”, крадущійся безшумной поступью, подобно Игорю, бѣгущему изъ плѣна, крадучись, — в отличіе отъ коня, производящаго топотъ. Во время бѣгства князь Игорь надорвалъ своего коня и продолжалъ путь уже безшумно, пѣшкомъ, крадучись, какъ “босой волкъ”.

Зачѣмъ же было приплетать къ “бусому времени” легенду о Боусѣ?

Чтобы доказать, что Слово было написано только в 18-м вѣкѣ, что оно подложно и имѣет своим источником “Задонщину”, написанную раньше, в 15-м вѣкѣ.

Выраженіе “темнѣ березѣ” проф. Мазон переводит, как «les rives sombres», тогда как на самом дѣлѣ рѣчь идет о “темянном”, т. е. о крутом берегу.

Но вот тягостный для проф. Мазона довод, который свидѣтельствуеет, что “Слово” было извѣстно в древней Руси задолго до написанія “Задонщины”, уже в 14-м вѣкѣ:

Как извѣстно, “Задонщина” описывает побѣду Дмитрія Донского, одержанную им над татарами в 1380 г. на Куликовом полѣ. Она была написана книжником Софоніем в 20-х годах 15 столѣтія. Хотя она и близка по формѣ “Слову”, но вмѣстѣ с тѣм представляет собою неумѣлое подражаніе “Слову”. Проф. Мазон всячески преувеличивает художественную цѣнность Задонщины, для того, чтобы при ея помощи обрушиться на “Слово”. По его словам не Задонщина является подражаніем “Слову”, а “Слово” является подражаніем Задонщинѣ. Он увѣряет читателя, что составитель “Слова” конца 18-го стол. воспользовался литературным памятником 15-го столѣтія для своей фальсификаціи. Проф. Мазон отрицает, что “Слово” пользовалось извѣстностью задолго до появленія в древней русской литературѣ “Задонщины”, но об этом свидѣтельствуеет запись 1307 г. на “Апостолѣ” псковского Пантелеймонова монастыря. В этой записи писец Діомид, говоря о распрѣ кн. Михаила Тверского с кн. Юріем Московским, приводит слѣдующія слова:

“При сих князех сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князѣх которыи вѣци скоротншася человеком! Эти слова являются прямым отголоском “Слова”: сѣяшется и растяшеть усобицами погибашеть жизнь Дажьбожа внука, в княжих крамолах вѣци человекомь скратишась”.

Болѣе безпристрастное и глубокое знакомство с древними русскими книжными памятниками несомнѣнно привело бы проф. Мазона к иным заключеніям, нежели тѣ, которыя им сдѣланы.

Отрицаніе им подлинности “Слова о полку Игоревѣ” объясняется двумя главными причинами: 1) неправильными переводами и 2) недостаточным знаніем древне-русскаго языка. Вся книга профессора обнаруживает это — с наглядностью.

В заключеніе отмѣтим, что Задонщина является столь же оригинальным произведеніем, как и “Слово”. По мнѣнію проф. Мазона “Слово” не имѣет литературной традиціи и составлено в подражаніе Задонщинѣ. Но в таком случаѣ спрашивается, откуда взялась Задонщина, какими источниками она инспирировалась? Непонятно, почему проф. Мазон оспаривает подлинность “Слова”, но не оспаривает подлинности Задонщины, столь близкой по формѣ “Слову”?

С. Плаутин.

О ГОНЦАХ И ПОСЛАННИКАХ

В недавней интересной статьѣ, М. С. Расловлев поставил в упор вопрос: «можно ли переводить Пушкина французскими стихами?» и дал практической отвѣтъ, — рядом примѣров, — можно!»

Однако, при этом остался, мнѣ кажется, неосвѣщенным и отодвинутым в сторону основной вопрос: а доставят ли кому-нибудь из французов поэтическую радость и подлинное художественное наслажденіе гладкіе, удачные переводы Пушкина, гдѣ всѣ концы сведены с концами, гдѣ смысл и размѣръ подлинника соблюдены на-диво, на зависть всѣм другим переводчикам? А живут ли сами эти переводы, как произведения искусства, на чужом языкѣ, своею пушкинской жизнью?

Нам, русским, французскіе переводы Пушкина разумѣется интересны. Но нужны-то они вѣдь не нам, а французам. И нужны ли? Французы-то ко всему чужому еще лѣнивѣе и нелюбопытнѣе нас...

*
**

Жуковскій любил повторять старинное изреченіе:

«Переводчик в прозѣ раб, переводчик в стихах — соперник».

Это невѣрно; но изреченіе это требует не опроверженія, а передѣлки: «Переводчик в прозѣ — гонец, переводчик в стихах — посланник». Оба ѣдут в чужую страну и творят там волю пославшаго их (отнюдь с ним не соперничая). Но как различны условия их работы!

От гонца требуются вѣрность и точность передачи. От посланника требуется еще и гибкость, требуется искусство. Он самостоятельно принаравливается к условіям новой среды: так бережно пересаживают в чужую почву заморское, дорогое растеніе. Будет ли оно жить? Зависит от переводчика.

Искусство художественнаго перевода вводит нас в огромную и мало еще освѣщенную область — художественной интерпретаціи.

В чем собственно тайна художественнаго пересказа — одного артиста — другим?

На концертной эстрадѣ пианист, играющій прелюдію Рахманинова, или дирижер, ведущій Бетховенскую симфонію, не мѣняют ни одного звука. Но они истолковывают; и дают чужой вещи новую убѣдительность. Или же ее проваливают.

Совершенно то же происходит в другой области: при всяком сценическом перевоплощеніи. Текст роли и всѣ явленія в пьесѣ даны заранѣе. Никаких отступленій и отсебятины быть не может.

Но какое богатство творческих истолкований, отъѣнков! И до чего разными оказываются тѣ же роли в исполненіи различных артистов. Все это принимается и понимается публикой сразу, без малѣйшаго затрудненія. Но для той же публики прозвучит, вѣроятно, новизной, и ересью утверженіе: совершенно *то же самое* происходит при художественном, лирическом переводѣ.

Перевести поэта — значит «сыграть» его; войти в его роль, в его душу и дать ей свое собственное истолкованіе, — ровно ничего при этом не измѣняя в подлинникѣ! Только затушевываетъ (невольно) одно и (столь же невольно) выдвигаетъ другое. Тогда и чужіе стихи, чужая музыка оживают — как собственные.

Во всѣх трех случаях, — на сценѣ, в лирическом переводѣ, на концертной эстрадѣ, — можно найти для исполняемой вещи вѣрныя интонаціи, или впасть в неудачныя. Можно «создать» роль — или «убить» ее. Можно сдѣлать переводимаго поэта несносным; или, наоборот, увлекательным. Всѣ трое — музыкант, актер, поэт-переводчик — вкладывают в чужое творчество *свою* созвучную душу.

И чѣм самозабвеннѣе, тѣм выше их артистическій подвиг. Надо раствориться в ком-то другом, и выразить, сыграть, воплотить его заново. Стихи уже созданы автором! Да конечно; но только на его родном языкѣ. На языкѣ другом, новом, их еще нѣтъ, их надо создать.

И прежде всего необходимо, чтобы это были стихи.

Чтобы они жили, — и сохраняли тон, поступь, темперамент подлинника. А это уже творчество, хотя и производное.

Такое же творчество совершается на театральной сценѣ или на концертной эстрадѣ. Это пересказ одного артиста другим, художественное истолкованіе.

Только на *огнѣ внутреннего сгоранія* можно заново переплавить чужіе стихи, уже остывшіе, — и отлить их, на чужом языкѣ, в нужную форму. «Холодным способом» переводить лирическіе стихи — просто нельзя. Способ горячей переплавки — единственный, пусть он и таит в себѣ опасность слишком вольнаго перевода. Все живое таит в себѣ ту или иную опасность! Опасности надо преодолевать, подстергать, устранять. Зато только живое и радует. «Живите опасно!» учит нас вѣра. А кому же на свѣтѣ нужна «точная» и безопасная переводная *мертвечина*?

**
*

Правы поэтому и М. Расловлев, и Анри Труайя (в своей недавней рѣчи в Сорбоннѣ), когда они утверждали, что только «природный француз-поэт когда нибудь преподнесет, подарит Франціи — Пушкина».

Но это будет подвигом чрезвычайно трудным. Современному французу воспылатъ страстью к Пушкину и зажечь, захватить своим восторгом других — почти неосуществимо. Не будем гово-

рять «невозможно». Все-таки ни одному из русских критиков не удалось сказать о Пушкинѣ так хорошо и вѣрно, как сказал Меримэ: «У Пушкина поэзія чудным образом расцвѣтает из самой трезвой прозы».

Кромѣ пушкинской гениальности, Меримэ был восхищен и трудом, вложенным в пушкинское искусство. Он сравнивал русскаго поэта с легендарным гомеровским воином-стрѣлком, «который долго ищет в своем колчанѣ прямую и острую стрѣлу, — но она не преминет попасть в цѣль».

Главным препятствіем для творческаго перевода стихов Пушкина (и не одного Пушкина) на французскій язык служит замкнутость, законченность французскаго языка, как и французскаго стиха. Эта законченность почти с неизбежностью обезличивает иностраннаго-поэта, переводимаго по французски. Еще если подлинник богат, перенасыщен красками, варварски-великолѣпен, от него что-то остается. А простота пушкинскаго стиха, когда ее оторвут от родной стихіи русскаго языка, гдѣ каждое слово окружено лучистым трепетом многозвучных еле слышных отгѣнков, — предстает в переводѣ скудной.

Французы и сами чувствуют, что их язык обезличивает на свой лад все чужое, в особенности стихи. Отсюда нелюбовь их к стихотворным переводам и тщетныя, безнадежныя попытки переводить стихи — прозою. Но нам-то, русским переводчикам, жаловаться на свой «инструмент» не приходится. Безуѣнная гибкость русскаго языка позволяет достигать «значительной» высоты лирических переводов. Модное в эмиграціи (с чужого, французскаго голоса) гоненіе на стихи-переводы просто неумно. Трудная вещь и у нас хорошій лирический перевод, но сказать «невозможно» — чистѣйшее *литературное пораженчество*. Оно опровергается без труда множеством фактов русской переводческой удачи.

Переводами не зря увлекались лучшіе наши поэты. Жажда усвоить, вобрать в себя все лучшее из чужого — глубокая черта отзывчивой русской души, всесторонней русской культуры. Тут — один из отзвуков нашей всемірности, на которой настаивал Достоевскій («способность всемірной отзывчивости — главнѣйшая способность нашей національности»).

Лучшим русским переводчиком неслучайно был цѣльный, гордый и самобытный Лермонтов. Гейневское «На сѣверѣ диком» и его же «Но в мірѣ новом друг друга они не узнали»; «Воздушный корабль» Зейдлица; «Горныя вершины» Гете; огненные переложенія Байрона, — всѣ эти переводныя вещи у Лермонтова замѣчательны!

Раньше Лермонтова Пушкин — переложеніями Корана, «Пѣснями западных славян», переводами из Мицкевича, — а еще раньше Жуковскій, переводами нѣмецких классиков, — прочно заложили в русской поэзіи традицію *артистическаго* перевода, когда стихи поют, а перевода не чувствуешь. Эта традиція у нас береглась и дальше. Гейневское «Довольно» переливается у Алексѣя

Толстого всѣми красками подлинника: (О Боже! я — раненый на смерть — играл, гладиатора смерть представляя...) Апухтин был первым и блестящим «посланником» Сюлли Прюдома в Россіи. «Вольный» Курочкин остается до наших дней непревзойденным переводчиком Беранже. Из позднѣйших искусников русскаго стиха Сологубу удавалось Верлен, Бунину удалась «Гайавата». Гумилев мастерски оттачивал «Эмали и камеи», Анненскій воссоздавал парнасцев и «проклятых». Ближе к нам — Лозинскій прославился переводами Эредіа.

Его же Данте кажется мнѣ болѣе спорным: стих Данте—тяжелая, густая, смола; перевод Лозинскаго соблазнительно «легок»...

Бальмонт, почти всегда, в переводах непростительно вольничал и забалтывался, зато иногда достигал вершины: «Озимандія» Шелли, «Орлы» Уитмана.

Другая линія — ремесленнаго, мертвящаго, холоднаго перевода, тоже, увы, обильно представлена в русской литературѣ. Длинная цѣпь безталанных тружеников: — от Гербеля, через Вейнберга, — к Брюсову!.. Ледяной, Брюсов, как безжалостно изуродовал он Верлена! У себя дома был Брюсов только в риторических вещах Верхарна, иногда В. Гюго.

**

*

Отличные переводчики бывали не только в Россіи, но и у нѣмцев: Боденштедт, Фидлер и др. Обрусѣвшая нѣмка Каролина Павлова писала неважные русскіе стихи, но прекрасно переводила на нѣмецкій язык русских поэтов, хотя и черезчур приподнимала иногда их тон. Языков, котораго она перевела на свой лад, писал ей:

«Вы, силою волшебных дум своих,
Прекрасную торжественность мнѣ дали.
Вы на золотых струнах переиграли
Простые звуки струн моих».

Англичанин Фиц Джеральд прославился на весь мір, до наших дней, своим переводом персидскаго поэта Омар Хайяма.

Перевод может быть равноцѣнен подлиннику. Может, мгновеніями, и превзойти его: так превосходит «сам себя», на сценѣ, артист, в минуту подъема, в коронной роли своей, или музыкант-исполнитель, в миг наивысшаго самопожертвованія (отнюдь не соперничества!)

Но для этого нужны, при переводѣ стихов, три условія:

- 1) Созвучность темпераментов — поэта и переводчика.
- 2) Перековка текста «на внутреннем огнѣ».
- 3) Пожалуй, главное: гибкость языка и воспримчивость слуха у той страны, для которой переводят. Той страны, куда ѣдет, гдѣ призван «обвораживать и убѣждать» переводчик-посланник.

Ив. Тхоржевскій

«К Р У Ш Е Н І Е»

1916 — 1917 гг.

*Воспоминанія**).

Вечером, в самый день моего приезда в Петроград, 8 июля 1916 г., я вышел с женою (погода была чудная) прогуляться по городу: по Сергиевской и Фонтанкѣ — к Царицыну Лугу. Там мы встрѣтили шедшаго к нам навстрѣчу от Мойки начальника канцеляріи министерства барона Шиллинга. Он сообщил нам об увольненіи от должности министра Сазонова. “Само собою разумѣется, что я тоже уйду”. Шиллинг добавил, что министром иностранных дѣл становится Б. В. Штюрмер, который будет соединять эту должность с должностью предсѣдателя совѣта министров.

Б. В. Штюрмера я знал с самого моего дѣтства. Он был старшим сыном нашего сосѣда по имѣнію Владимира Васильевича Штюрмера, скромнаго мирового судьи Бѣжецкаго уѣзда, владѣвшаго в 18 верстах от нашего имѣнія небольшим помѣстьем Байково, кажется, не болѣе 500 десятин. По окончаніи университета, молодой Штюрмер, владѣвшій в совершенствѣ французским языком, начал службу при министерствѣ императорскаго двора, гдѣ сравнительно скоро получил назначеніе завѣдующим экспедиціей церемоніальных дѣл. Помню как мой отец, бывшій с молодым Штюрмером в отличных отношеніях, говорил мнѣ, что до Штюрмера вся работа экспедиціи по церемоніальным дѣлам велась маленькими чиновниками типа канцелярских служителей; тѣ, закончив черную работу, куда то удалялись, а на их мѣсто являлись придворные чины: церемонимейстеры, камергеры и камерюнкеры, которые пожинали лавры от работы их скромных предшественников. Штюрмер, первый в корнѣ измѣнил такой порядок. Он сам получил придворный чин и выхлопотал такіе же своим новым сотрудникам. С этого времени Церемоніальная экспедиція сдѣлалась одним из самых видных учреждений министерства двора. Затѣм он сдѣлал блестящую партію, женился на красавицѣ и очень богатой дѣвицѣ Е. В. Струковой. Принимал он также участіе в земской работѣ по Тверской губерніи и тут, как ни странно, слыл скорѣе либералом.

*) Борис Алексѣевич Татищев, товарищ министра иностранных дѣл в правительствѣ ген. Врангеля (при министрѣ ин. дѣл П. Б. Струве), родился в 1876 г., лицеист, коренной дипломат царской службы. В 1911 г. был назначен первым секретарем посольства в Парижѣ, откуда и был вызван, в июнѣ 1916 г., в Петербург: предполагалось его назначеніе совѣдником посольства в Токио. Событія сложились иначе.

Когда, на почвѣ обострившихся отношеній между тверским губернатором Ахлестышевым и предсѣдателем управы Кузьминым-Караваевым, послѣдовало неутвержденіе в должности этого послѣдняго, правительство п а з н а ч и л о предсѣдателем губернской земской управы Б. В. Штюрмера. В своем крайне деликатном положеніи Б. В. маневрировал довольно удачно и говорил, что, если бы он поставил по истеченіи трехлѣтія свою кандидатуру, то был бы блестяще и з б р а н. Но планы его были иные: он загодя устроил себѣ пост ярославскаго губернатора, а с этой минуты объявил себя консерватором уже не за страх, а за совѣсть.

С годами несомнѣнно блестящія умственные способности Б. В. значительно ослабли. Он стал не в мѣру честолюбив. Почему то увлекся репутаціей дьяка посольскаго приказа Ордын-Нащокина и рѣшил испробовать свои силы на дипломатическом поприщѣ.

Что такое горделивое мечтаніе могло на склонѣ дней Штюрмера возникнуть в его слабѣющем мозгу, в этом нѣтъ ничего удивительнаго, но что эта мысль стараго бюрократа могла осуществиться и не во снѣ, а наяву, в минуту самаго грознаго боевого столкновенія, которое за всю свою тысячелѣтную исторію вел великій народ, — тут было уже знаменіе сумасшедшаго времени, которое тогда переживала Россія.

Всѣ эти мысли переплетались в моей головѣ втеченіе ночи, и я провел ее почти без сна.

Утром, прійдя в министерство, застал я там полное смятеніе. Сазонов, оказывается, уѣхал всего дней пять до того в санаторію на Иматрѣ, в Финляндію, и никто не подозрѣвал, что его участь уже рѣшена. Какіе то смутные слухи ходили по городу, и союзные послы заходили спросить у товарища министра, Нератова, нѣтъ ли переменъ в положеніи Сазонова. Нератов довел об этом до свѣдѣнія Государя. От Государя его воспроизданѣйшая записка вернулась с надписью синим карандашом: “Извѣстіе об уходѣ Сазонова вѣрно, но это ни в чем не измѣнит направленія нашей иностранной политики”.

Показав мнѣ эту записку, А. А. Нератов, потрясенный до глубины души, произнес только: “Большую отвѣтственность взяли на себя тѣ, кто посовѣтовал подобную мѣру”. В министерствѣ я узнал, что в тот же день в 2 часа назначено в церкви молебствіе в присутствіи новаго министра.

По окончаніи молебна присутствовавшіе в храмѣ чиновники стали послѣ креста, по очереди подходить и здороваться с министром. Стоявшій рядом товарищ министра В. А. Арцимович называл каждаго по имени. Подошел я. Штюрмер пожал мнѣ руку, видимо меня не узнавая, но в это-время Арцимович назвал мою фамилію. Лицо Штюрмера освѣтилось улыбкой и он спросил: Борис Алексѣевич, вы как здѣсь? Я отвѣтил, что прибыл из Парижа, по вызову С. Д. Сазонова. “Слушайте, не можете ли вы сегодня вечером заѣхать ко мнѣ на дачу на Аптекарском?” — спросил он. Я, конечно, отвѣтил утвердительно.

Послѣ обѣда я отправился туда на извозчикѣ. Самого Б. В. в гостинной не было. Была его жена Елизавета Владиміровна и нѣсколько наиболѣе приближенных людей, среди которых я запомнил начальника

почт и телеграфов Похвистнева. Завязался общій разговор, в серединѣ котораго вошел в комнату Штюмер и увел меня к себѣ в кабинет.

Для меня уже не составляло сомнѣнія, почему Б. В. захотѣл меня видѣть. В виду ухода Шиллинга, было ясно, что в качествѣ стараго служащаго министерства иностранных дѣл, я являюсь в данную минуту для Штюмера находкой, в смыслѣ обезпеченія нормальной преемственности и сохраненія спокойствія в средѣ личнаго состава министерства, тѣм болѣе, что назначеніе в канцелярію вполнѣ отвѣчало моему тогдашнему служебному положенію. Посадив меня рядом с собой в кабинетѣ, Штюмер, впрочем, не сдѣлал мнѣ никакого опредѣленнаго предложенія, а только разспросил о причинѣ моего приѣзда и, узнав, что я жду назначенія в Токио, замѣтил, что может быть я согласился бы пока остаться здѣсь. Я отвѣтил, что буду рад обдумать любое предложеніе.

Дальнѣйшій разговор касался уже только старых семейных воспоминаній. О политикѣ мы совсѣм не говорили и я не замѣтил в Штюмерѣ особой переменны по сравненію с прошлыми годами. При прощаніи я сказал Б. В., что прошу разрѣшенія сѣздить в имѣніе Псковской губерніи, гдѣ находятся мои дѣти, которых я не видѣл уже болѣе двух лѣтъ. Он охотно согласился, а по моем возвращеніи вручил мнѣ уже всеподданнѣйшую свою записку с предложеніем назначить меня директором канцеляріи министерства, с Высочайшей отмѣткой, соизволяющей на это назначеніе.

Начался новый, сравнительно краткій по времени, но какой трагическій період моей службы!

При первом же моем “контактѣ” с родиной отмѣчу факт, произведшій на меня глубокое впечатлѣніе. Через нѣсколько дней послѣ прибытія моего в Петроград был опубликован Указ о призывѣ в войска цѣлаго ряда новых “классов” запасных и ратников ополченія. Мобилизація их совпала с самым горячим и важным временем сельско-хозяйственных работ — уборкой урожая (іюль мѣсяц).

Очевидно, что по стогнам и весям деревенской Россіи пошел плач и стenanія. Мало по малу они улеглись; не смотря на “темноту”, всѣ люди сознавали, что никто таких указов “для удовольствія” издавать не станет, что война имѣет свои суровыя требованія, которым частный интерес должен уступать. Все вошло в норму. Гдѣ хлѣб убрать успѣли, он был убран, гдѣ не успѣли — он осыпался. И вдруг, на десятый, кажется, день, послѣдовал новый указ в том же “Правительственном Вѣстникѣ”, который попросту отмѣнял прежній указ о призывѣ ратников и ополченцев!

Послѣ нашей революціи, многія лица, повидимому с глубоким убѣжденіем обвиняли в намѣренной ея подготовкѣ не то сэра Джорджа Бюканана, не то французских радикалов, не то наших домашних “жидомасонов”, а мнѣ часто хотѣлось спросить у этих людей, не думают ли они, что революціонная дѣятельность обличаемых ими элементов была значительно облегчена авторами названнаго указа и инициаторами его же отмѣны! Сверху будто нарочно подготовляли революціони-

зирование русскаго народа и в масштабах для подпольной партіи недоступных.

Второй, поразившій меня, фактъ тоже имѣлъ мѣсто в первые же дни моего пребыванія в Россіи. На пост министра внутренних дѣлъ был назначенъ товарищъ предсѣдателя Государственной Думы А. Д. Протопоповъ, принадлежавшій къ партіи октябристов. Это назначеніе тоже послужило сильнѣйшимъ толчкомъ къ обостренію въ странѣ революціоннаго настроенія. Но для меня этот фактъ казался уже не столь ясенъ и простъ, какъ изданіе напраснаго указа о мобилизаціи запасныхъ.

А. Д. Протопоповъ только что вернулся из поѣздки в Англію, Францію и Италію в составѣ делегаціи Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, избранныхъ для посѣщенія союзныхъ странъ. Я лично помню подробности пребыванія этой делегаціи во Франціи. Я зналъ, что во время ея пребыванія в Англіи, возникли какіе то споры о “мѣстничествѣ” между делегатами Совѣта и Думы, при чемъ особенно рѣзко за приоритетъ избранныхъ членовъ д у м с к о й делегаціи выступилъ покойный Владимір Іосифовичъ Гурко. Во всякомъ случаѣ, къ моменту пріѣзда делегатовъ во Францію, вопросъ о приоритетѣ уже былъ разрѣшенъ в пользу старшаго в думской делегаціи А. Д. Протопопова.

Протопоповъ вездѣ во Франціи и говорил от лица делегатовъ.

Думаю, что во всякомъ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи, назначеніе Монархомъ на выдающійся постъ по руководству внутренней политикой страны товарища предсѣдателя Государственной Думы не могло бы быть истолковано иначе, какъ стремленіемъ оказать довѣріе народному представительству. У насъ вышло наоборотъ. Конечно, Протопоповъ могъ быть многимъ несимпатиченъ и былъ онъ скорѣе правымъ, чѣмъ лѣвымъ, но почему вся почти Дума, совѣмъ еще недавно избравшая его для поѣздки за границу в качествѣ ея товарища предсѣдателя, вдругъ на него ополчилась, для меня было загадкой.

С уходомъ С. Д. Сазонова, из совѣта министровъ исчезъ послѣдній представитель той “оппозиціи Его Величеству”, которая в свое время выступила противъ принятія на себя Государемъ верховнаго командованія арміею в 1915 г. Казалось, что теперь можетъ и кончиться то явленіе, которое неугомонный Пуришкевичъ назвалъ министерскою “чехардой”. Но увѣ, новыя назначенія министровъ сыпались какъ изъ рога изобилія. Только одно министерское мѣсто оказалось до конца твердымъ и непоколебленнымъ — мѣсто Протопопова. Забѣгая нѣсколько впередъ укажу, что Н. Н. Покровский, за свою трехмѣсячную министерскую дѣятельность подавалъ Государю четыре раза в отставку, все изъ-за присутствія в министерствѣ А. Д. Протопопова, но все это не имѣло успѣха.

В отношеніи внѣшней политики русскаго правительства, послѣдовала, какъ водится, циркулярная телеграмма новаго министра Штюрмера, повторившая Высочайшія слова о незыблемости этой политики. Но в первыхъ же своихъ рѣшеніяхъ, касавшихся личнаго состава нашихъ представителей за границей, Штюрмер рѣзко порвалъ с традиціей С. Д. Сазонова. В частности, уже давно шли нареканія на посланника нашего в Бухарестѣ С. А. Поглеваго-Козелл; его многіе

обвиняли в недостаточно энергичной политикѣ в смыслѣ привлеченія Румыніи в число союзников Россіи. Одним из обвинителей явился между прочим первый секретарь миссіи самого же Поклевскаго (мой бывший товарищ по Лицею) Б. К. Арсеньев, который подал по этому поводу докладную записку С. Д. Сазонову, за что и был уволен от должности, но вскорѣ послѣдовало назначеніе Арсеньева вице-губернатором в Кишинев, видимо, из-за соседства этого города с Румыніей, дабы он служил Поклевскому “живым укором”. Точка зрѣнія Арсеньева была затѣм горячо поддержана флигель-адъютантом капитаном I-го ранга М. М. Веселкиным, посланным в Румынію, чтобы наладить снабженіе оружіем сербской арміи. Веселкин, тоже бывший лицеист, был несомнѣнно человекъ очень не глухой и энергичный, но вмѣстѣ с тѣм и сумбурный. Впрочем, я не собираюсь судить сейчас о том, кто был прав, кто виноват. Хочу только отмѣтить разницу между отношеніем к Поклевскому Сазонова и Штюрмера.

В моем служебном кабинетѣ в Петроградѣ, в стальном шкафу для хранения особо секретных бумаг, лежало собственноручное письмо Государя к Сазонову приблизительно слѣдующаго содержанія. “Сергѣй Дмитриевич, у меня только что был вернувшійся из Румыніи флигель-адъютант Веселкин. Он подтверждает все, что в свое время писал о дѣятельности Поклевскаго Арсеньев. Прошу Вас нынѣ же сдѣлать необходимое для отозванія из Румыніи Поклевскаго, котораго я не нахожу возможным долѣе там держать. Николай”. Письмо это, если не ошибаюсь, помѣчено осенью 1915 г. До іюля 1916 г. Поклевскій оставался еще в Бухарестѣ. Так упорно Сазонов умѣл отстаивать свою точку зрѣнія! Но это показывает, что судьба бывшаго министра иностранных дѣл была предрѣшена, ибо, если государь не умѣл настаивать на немедленном выполненіи Своей воли, то неисполненіе кѣм либо его воли он никогда не прощал; рано или поздно такой министр бывал удален от должности. Только трудностью удалить министра иностранных дѣл в разгар Великой Войны можно объяснить долгое пребываніе С. Д. Сазонова у власти, послѣ царскаго письма.

В первые же дни своего министерства, Б. В. Штюрмер, явно выполняя полученное им повелѣніе, принялъ мѣры к ликвидаціи Поклевскаго. Для замѣщенія его был отправлен в Бухарест директор канцеляріи министерства императорскаго двора генерал А. А. Мосолов со званіем управляющаго миссіей. Мѣра эта, совершенно необычная и в дипломатической техникѣ непредвидѣнная, исключала необходимость врученія прежним послом своих отзывных грамот, а новым своих ввѣрительных грамот. Миссія Мосолова носила как бы временный чрезвычайный характер. Обстоятельством этим, довольно ловко воспользовался послѣ революціи новый министр иностранных дѣл Милюков, предложившій Поклевскому просто вернуться на свой пост, с котораго он никогда отозван не был. А Мосолову была предоставлена свобода дѣйствій и он тотчас же покинул Бухарест.

Вторая перемѣна в личном составѣ заграничных служащих нашего министерства касалась Швейцаріи. Послѣ смерти посланника Бахерахта, Сазонов собирался послать на его мѣсто начальника средне-

азиатскаго отдѣла В. О. Клемма, милѣйшаго, но довольно безцвѣтнаго человѣка. Сазонов даже успѣлъ послать по этому поводу запрос швейцарскому правительству и получил согласіе на это назначеніе, но почему то окончательнаго назначенія до ухода Сазонова опубликовано не было.

При новом министрѣ претендентом на бернскій пост выступил посланникъ в Сіамѣ Е. А. Плансон, в министерствѣ очень нелюбимый, по склонности его к интригам. В свое время Плансон был назначенъ дипломатическим чиновникомъ при намѣстникѣ на Дальнемъ Востокѣ адмиралѣ Алексѣевѣ в Артурѣ и в этой должности гораздо болѣе держалъ руку Безобразовыхъ и Абаза, чѣмъ своего министра, графа Ламздорфа. Впослѣдствіи А. П. Извольскій устроилъ ему почетную ссылку назначеніемъ в Сіам. Сейчас он рѣшилъ перебить бернскій постъ у бѣднаго Клемма, который былъ гандикапированъ своей нѣмецкой фамиліей. У Плансона былъ братъ, капитанъ 1-го ранга, служившій в гвардейскомъ экипажѣ, хорошо извѣстный императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ и пользовавшійся ея благосклонностью. Именно его посланникъ в Сіамѣ и выпустилъ ходатаемъ. Черезъ нѣсколько дней в Бернъ былъ из департамента личнаго состава посланъ запросъ о назначеніи туда Плансона. Но тутъ произошло непредвидѣнное осложненіе. Бернъ отвѣтилъ отказомъ. Тогда Штурмеръ вызвалъ меня, поставилъ в курсъ дѣла и спросилъ: какъ поступаютъ обыкновенно в случаяхъ, подобныхъ настоящему? Я отвѣтилъ, что это зависитъ отъ того, какъ наше министерство найдетъ нужнымъ реагировать на очень рѣдкій в практикѣ случай отказа в такъ называемомъ "агреманѣ". Если мы особенно не дорожимъ назначеніемъ Плансона, то можно сдѣлать другое предложеніе. Если же, наоборотъ, мы считаемъ отказъ необоснованнымъ и неправоильнымъ, то можемъ затянуть назначеніе новаго посланника, давъ одновременно почувствовать бернскому кабинету наше неудовольствіе и, если потребуется, даже намекнуть швейцарскому посланнику в Петроградѣ, что долговременное оставленіе вакантнымъ поста нашего посланника поставитъ на очередь вопросъ о томъ, отвѣчаетъ ли при такихъ условіяхъ началу взаимности дальнѣйшее пребываніе в Петроградѣ швейцарскаго посланника. Но я тутъ же оговорился, что излагаемый мной порядокъ касается случаевъ обычныхъ и нормальнаго времени, а что сейчасъ идетъ великая война, что положеніе нейтральной Швейцаріи в самомъ центрѣ Европы, в двухъ шагахъ отъ Германіи и Франціи, является исключительно важнымъ, что на швейцарской территоріи сейчасъ кипитъ безчисленные агенты воюющихъ и что поэтому намъ никакъ нельзя давать поводъ швейцарцамъ отзываться своего посланника и тѣмъ лишать насъ возможности получать столь важную информацію изъерна. Штурмеръ съ этимъ согласился. Тогда я предложилъ посѣтить швейцарскаго посланника и постараться у него разузнать подробности всего этого дѣла, о которомъ я до тѣхъ поръ ничего не зналъ. Министръ весьма это одобрилъ.

На слѣдующій день я былъ в швейцарской миссіи, но несмотря на мои усилія, не смогъ вытянуть у посланника ничего опредѣленнаго. Онъ упорно повторялъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ у Плансона тяжелый характеръ и что, благодаря этому, ему трудно будетъ сдѣлаться в

Бернъ “персона грата”, как это подобает русскому посланнику. У меня сложилось впечатлѣніе, что причина отказа в согласіи принять Плансона двоякая: либо швейцарцы просто обидѣлись, что послѣ их уже раз даннаго согласія, запрашивают вторично о другом лицѣ, либо (что пожалуй болѣе вѣроятно), зная, что Плансон извѣстен своими интригами и считая его креатурой новаго министра, котораго самого считают за герmanoфила, швейцарцы рѣшили отказать, чтобы избѣжать возможных осложнений на почвѣ тайных переговоров с нѣмцами на их территоріи.

О неудачѣ моей миссіи я доложил Штюрмеру, разумѣется без всяких заключеній, и еще раз на всякій случай подчеркнул, насколько для нас сейчас важно ничѣм не осложнять наших отношеній с Берном.

Каково же было мое потрясеніе, когда через нѣсколько дней министр сказал мнѣ: “а у меня был швейцарскій посланник” — Ну и что?” — спросил я. “Он подтвердил мнѣ то, что говорил вам. А я ему сказал, что не вижу, чтобы, послѣ этого он мог оставаться здѣсь”. К счастью, слова Штюрмера не произвели повидимому большого впечатлѣнія и бернскій пост остался у нас незанятым до самой революціи. Тогда только на него, как и на многіе другіе посты повелась “атака” со стороны людей, хотя и сочувствовавших революціи, предпочитавших все же искать болѣе мирнаго пристанища за границей, нежели то, которое мог им бы предоставить корабль русской революціи в домашних водах.

Приближался ноябрь мѣсяц, а с ним вмѣстѣ открытіе сессіи Думы. Я заблаговременно подготовил проект рѣчи, которую (как я думал) должен бы произнести в Думѣ мой начальник по самому важному в то время — польскому — вопросу, в котором нѣмцы уже подготавливали свое объявленіе о независимой Польшѣ под скипетром Прускаго принца. Рѣчь была составлена в самых горячих и сочувственных полякам выраженіях, с упоминаніем всего, что им обѣщает Россія, но в этом направленіи можно было говорить только об автономіи, а этот термин, очевидно никого болѣе в Польшѣ не мог уже соблазнить. И даже в такой сдержанной формѣ Штюрмеру психологически было невозможно ее прочесть. В ту минуту я себѣ в этом еще не отдавал отчета, но когда я присутствовал при открытіи Думы и почувствовал, какія там господствуют настроенія в отношеніи к правительству вообще, а к его главѣ, в особенности, — я понял, почему текст так и остался у меня в карманѣ. Штюрмер фактически не смог бы дочитать свою рѣчь до конца.

Эта несчастная рѣчь имѣет свою исторію. Ее все же прочитал — много позднѣе — в Думѣ министр Н. Н. Покровскій. Она была выслушана спокойно, даже с сочувствіем. Государь повелѣлъ, чтобы она была размножена и разслана на всѣ фронты для раздачи солдатам. Когда это было исполнено и цѣлых двѣ комнаты в канцеляріи были завалены пачками этих листовок, начались мои хлопоты о пересылкѣ их на фронт. Я об этом написал в главный штаб. Никакого отвѣта. Попел туда сам. Получил обѣщаніе все сдѣлать. Напоминал раз десять по телефону. Ничего новаго. Наконец написал в дипломатическую канцелярію при

Ставокъ верховнаго главнокомандующаго, т. е. “к первоисточнику повелѣнія”. Но только наступившая революція разрѣшила этотъ вопросъ, такъ какъ я самъ распорядился бумагу сжечь. Свѣжо преданіе, а вѣрится с трудом!

Наступило 4 ноября. Я приготовился ѣхать с Штюрмеромъ в Государственную Думу. Всѣ министры собрались у насъ, при чемъ А. Д. Протопоповъ, со свойственной ему безтактностью, надѣл для этого случая военный жандармскій мундир, вѣроятно думая этимъ особенно угодить своимъ бывшимъ коллегамъ по Думѣ!

Когда я ѣхалъ с Штюрмеромъ в автомобиль, онъ сказалъ мнѣ, что останется только на молебнѣ и затѣмъ на время произнесенія М. В. Родзянко рѣчи, открывающей засѣданіе Думы, а послѣ этого тотчасъ уѣдетъ. Онъ просилъ меня сойтись с нимъ при выходѣ из Думы.

Такъ это и произошло. Какъ только Родзянко опустился на свое кресло, какъ поднялся Штюрмер и всѣ министры и демонстративно покинули залъ засѣданій, подъ ироническіе возгласы с мѣст.

В тотъ же день в вечернемъ засѣданіи выступили лидеры думскихъ партій. Особенно знаменательной оказалась рѣчь лидера кадетовъ П. Н. Милюкова; рѣчь эта получила названіе “глухость или измѣна”, такъ какъ послѣ изложенія каждаго новаго факта, ораторъ повторялъ эти слова. Сенсацию вызвала также прочитанная Милюковымъ выдержка из статьи газеты “Берлинер Тагеблатт”, в которой говорилось о сторонникахъ Германіи, группирующихся в Россіи “в окруженіи молодой Царицы”. Вся эта рѣчь была настолько знаменательна, что с нея собственно можно считать начало в Россіи революціоннаго періода. На улицу революція вышла только в февралѣ 1917 г., но в воздухѣ ея присутствіе начало чувствоваться 4 ноября 1916 г.

В рѣчахъ болѣе лѣвыхъ ораторовъ, особенно Керенскаго, слышался уже призывъ къ ниспроверженію существующаго строя.

Впечатлѣніе, произведенное думскими дебатами на правительство, было тяжелое. Поднимался даже вопросъ о репрессіяхъ, о воспрещеніи цензурой оглашенія преній в Думѣ. Но, конечно, не правительство Б. В. Штюрмера способно было пойти на такіа мѣры, а в случаѣ нужды довести ихъ до конца.

Никакихъ мѣръ, в томъ числѣ и цензурныхъ, принято не было. Можно даже поставить вопросъ, было ли правительство всецѣло солидарно в своемъ отношеніи къ Думѣ? Насколько я помню, было рѣшено, что министры впредь до выясненія положенія в Думѣ появляться не будутъ. В самый день открытія думской сессіи, Штюрмер и его сотоварищи ушли из засѣданія тотчасъ послѣ окончанія рѣчи М. В. Родзянко.

Но черезъ нѣсколько дней оказалось, что даже в этомъ вопросѣ между членами правительства нѣтъ единодушія. На одномъ изъ засѣданій Думы на министерскихъ мѣстахъ оказались министры военной и морской, имъ была сдѣлана шумная овація. Разсказывали, будто простодушный военный министръ генералъ Шуваевъ с трогательнымъ убѣжденіемъ говорилъ: “я можетъ быть дуракъ, но измѣнникомъ никогда не былъ”. Это не могло не подлить еще воды на колесо революціонной мельницы. Ясно было, что положеніе Штюрмера становилось прямо невозможнымъ.

И действительно, через несколько дней, когда я утром сидел с докладом у министра, вошел курьер Карпенко и доложил: статс-секретарь Трепов. Вошел Александр Федорович Трепов, только что назначенный председателем совѣта.

Супруга Штюрмера Елизавета Владиміровна сказала мнѣ на слѣдующій день, показывая бриллиантовый камергерскій ключ, полученный ею мужем при отставкѣ со званіем обер-камергера: “Одно можно сказать по поводу ухода моего мужа — это уход блестящій”.

Та же Елизавета Владиміровна приступила затѣм к спѣшной перевозкѣ из министерства всей обстановки и вещей им принадлежавших. Результат этой операціи привел в совершенное отчаяніе зрителя наших казенных зданій. Но покойный наш посол в Вѣнѣ граф Петр Алексѣевич Капнист совѣтовал в подобных случаях “подробности обходить молчаніем”.

Кажется, не ранѣ первых чисел декабря меня вызвали к телефону, и голос Николая Николаевича Покровскаго сообщил мнѣ о назначеніи его министром иностранных дѣл и час, когда он будет в министерствѣ, чтобы познакомиться со служащими.

Н. Н. Покровскій, бывшій до того государственным контролером, ѣздил в 1916 году в Англію и Францію для веденія там экономических переговоров. Откуда я его уже знал. Это был совершенный антипод Штюрмеру: человек простой и искренній по натурѣ. Он отлично понимал, как мало он подготовлен к занятію того поста, на который был призван, и видимо старался усовершенствовать свои познанія. Почему-то, в первую очередь, он рѣшил заняться изученіем англійскаго языка (по французски он говорил прекрасно). Мнѣ очень хотѣлось сказать ему, что именно это свободно может “еще подождать”. но я все же сказать этого не посмѣл. Зато должен сказать, что за неполных три мѣсяца, что мнѣ пришлось работать с Николаем Николаевичем, я проникся к нему самым глубоким уваженіем. При послѣдующих, увы, очень рѣдких встрѣчах с ним в бѣженствѣ, я испытывал от них радость.

Для перваго своего контакта с Государственной Думой, А. Ф. Трепов рѣшил использовать одержанный Россіей, еще в бытность министром иностранных дѣл С. Д. Сазонова успѣх, выразившійся в согласіи Англій и Франціи на уступку Россіи Константинополя и проливов.

По существу этого неудавшагося начинанія лучше пока не говорить. Боюсь, что это было бы похоже на состоявшееся послѣ Вѣнскаго конгресса присоединеніе к Россіи герцогства Варшавскаго. Но в эпоху, о которой идет рѣчь, подавляющее большинство русскаго общества считало полученіе Константинополя осуществленіем великой исторической задачи Россіи. С этой точки зрѣнія понятно стремленіе правительства использовать в Думѣ означенный политическій успѣх. Это прекрасно понимал еще Б. В. Штюрмер, который заготовил даже рѣчь с упоминаніем “Олегова щита”, прибитаго к вратам Цареграда. Только личная невозможность для него выступать в Думѣ помѣшала ему произнести эту рѣчь.

А. Ф. Трепов на это рѣшился.

Я был в этот день в думѣ. Выступленіе Трепова было очень

трудное, его все время прерывали с лѣвой стороны, не давали говорить. Три раза Родзянко вмѣшивался говоря: простите, ваше превосходительство, обождите, я сейчас наведу порядок. Наконец, пришлось ввести коменданта Думы, который насильно удалил скандалившаго депутата Суханова. Послѣ этого Трепов смог закончить свою рѣчь и фразу о щитѣ Олега.

В отвѣтъ раздался в общей тишинѣ единичный, очень отчетливый возглас: “браво, Сазонов”!

В слѣдующем, кажется, засѣданіи Н. Н. Покровский выступил со своей рѣчью по польскому вопросу, о которой я писал выше и печальную судьбу которой в смыслѣ неудачи ея разсылки в армію также разсказал.

В вечернем засѣданіи того же дня я был в Думѣ в послѣдній раз. Атмосфера была уже как в пороховом погребѣ в ожиданіи взрыва. По очереди всѣ ораторы нападали на несчастнаго А. Д. Протопопова; тот имѣлъ вид затравленнаго зайца и совершенно собой не владѣлъ. Самое ужасное впечатлѣніе произвела на меня рѣчь крайняго праваго Пуришкевича, который, послѣ новых и с его стороны нападков на министра внутренних дѣлъ, вдруг обратился ко всѣм министрам с призывом пойти к подножью Престола, пасть на колѣни перед Монархом и слезно молить Его: “да будет удален от престола Гришка”! У меня было чувство — “мороз подирает по кожѣ”. Помню, как сидѣвшій против меня депутат Марков 2-я неодобрительно качал головой во время этого выступленія его единомышленника по партіи.

Через нѣсколько дней, всѣ были поражены как громом, извѣстіем об убійствѣ Распутина.

Этому событію, впрочем, предшествовало увольненіе от должности предсѣдателя совѣта министров Трепова и замѣна его князем Голицыным. Надо сказать, что если появленіе у власти Трепова, послѣ престарѣлаго и опустившагося Штурмера, могло вызвать кое какія надежды на улучшеніе положенія, то призывъ совершенной руины в лицѣ князя Голицына было встрѣчено общим равнодушіем.

Смерть Распутина вѣроятно тоже вызвала кое какія надежды. К чему-нибудь да стремились же инициаторы этого убійства. Но дѣло зашло уже слишком далеко. Не было ни людей, ни сил, которые могли бы справиться с положеніем.

А в Царском Селѣ давно уже настроеніе было напряженно-тягостным. Кажется, в самом концѣ 1916 года состоялся пріѣзд в Россію наслѣднаго принца Румынскаго, о бракѣ котораго с великой княжной Ольгой Николаевной шла рѣчь еще с 1913 г. В его честь в Царском Селѣ состоялся обѣд. По окончаніи его императрица Александра Феодоровна начала дѣлать “серкль”, а я, стоя недалеко от нея, старался разсмотрѣть: сильно ли она измѣнилась с 1901 г., когда я видѣлъ ее в послѣдній раз в Компьен. Она была все также прекрасна, но черты лица сильно заострились; она несомнѣнно постарѣла. Главная разница была однако не в этом, а в общем выраженіи лица. Если и ранѣе выраженіе императрицы было холодное, мало привѣтливое, то сейчас на нем было выраженіе мучительной тоски. Кажется, это про-

исходило от сердечных спазм, которыми императрица стала страдать в последние годы.

В этот вечер выражение мучительного страдания на лицѣ Царицы было так отчетливо, что обер-гофмейстерина Елизавета Алексѣевна Нарышкина через нѣкоторое время подошла к ней, видимо, уговаривая ее присѣсть. Не получая отвѣта, она взяла рядом стул и, донеся его до императрицы, стала просить ее присѣсть для отдыха, что та и сдѣлала. Меня во время этой бесѣды поразило, что на просьбы Е. А. Нарышкиной императрица не отвѣтила ни взглядом, ни улыбкой, ни даже просто кивком головы. Лицо ея оставалось все время абсолютно неподвижным, как будто вопрос вовсе ее не касался.

В это время в противоположном концѣ зала, в углу, гдѣ стоял стол и на нем приготовленный поднос с чашками кофе, собрались Государь, четыре великія княжны и румынскій принц. Отдѣлившись от группы своих сестер, великая княжна Анастасія Николаевна подошла к столу, взяла чашку и понесла ее, видимо желая передать Отцу. По дорогѣ она как-то оступилась, пошатнулась, двѣ ея сестры сдѣлали движеніе в ея сторону, произошло нѣчто в родѣ столкновенія, раздался звон разбитаго фарфора и вдруг я вижу в том углу зала: на полу двѣ разбитыя чашки, пролитое кофе и упавшая великая княжна в залитом кофе платьѣ. Сейчас же подбѣжали придворные лакеи. Через двѣ минуты все было приведено в порядок, а великая княжна ушла должно быть переодѣться. За все это время императрица сидѣла в другом концѣ зала и не выразила ни малѣйшим движеніем своего отношенія к инциденту. А когда великая княжна ушла, царица спокойно обратилась к тому лицу, с которым говорила и продолжала бесѣду.

Я не отличаюсь суевѣріем, но на меня этот странный случай произвел впечатлѣніе недобраго предзнаменованія.

В концѣ декабря 1916 г. скончался маститый наш посол в Лондонѣ граф Александр Константинович Бенкендорф, перемѣщенный туда из Копенгагена, если не ошибаюсь в 1900 г., на мѣсто барона Стааля. Граф был без сомнѣнія самым выдающимся из русских послов и блестяще справился со своей задачей ввести в нормальное русло взаимоотношенія Россіи с ея могущественной соперницей Англійей. Если вспомнить о том, что из себя представляли русско-англійскія отношенія в 1904 г. (в момент Догтербанкскаго инцидента с эскадрой адмирала Рождественскаго), то покажется почти чудом, что в какія нибудь 10 лѣтъ, отношенія могли быть, через так называемое сердечное согласіе, доведены до союза на полѣ брани и таких уступок в пользу Россіи, как Константинополь и проливы.

Краткое пребываніе министра иностранных дѣл Н. Н. Покровскаго останется памятным хотя бы тѣм, что ему удалось провести на пост замѣстителя покойнаго графа Бенкендорфа только что уволеннаго министра иностранных дѣл С. Д. Сазонова. Это назначеніе было всѣмъ встрѣчено с чувством как бы облегченія. От него можно было ожидать нѣкотораго разрѣженія атмосферы, но увы, и эта мѣра оказалась запоздалою.

Последним актом дѣятельности царскаго министерства иностран-

ных дѣл явились работы междусоюзнаго совѣщанія, собравшагося в Россіи, впервые со времени начала войны, в январѣ 1917 г.

Союзныя делегации прибыли в Мурманск, куда был командирован для их встрѣчи мой ближайшій помощник, вице-директор канцеляріи св. князь П. П. Волконскій. Во главѣ англійской делегации стоял лорд Мильнер, французской — будущій президент республики Думер, итальянской — сенатор Шалоя. Во французскую делегацию входил генерал маркиз Кюрьер де Кастельно, извѣстный своими консервативными и католическими убѣждениями, с самаго начала войны выдвинувшійся побѣдой над нѣмцами у Гранд-Куроннѣ, близъ Нанси.

Г-н Думер привез письмо президента Пуанкаре на имя государя, в письмѣ сообщалось о желаніи Франціи, во время будущих переговоров о мирѣ, добиться отдѣленія от Германіи на основах федеративнаго государства Рейнской провинціи и выражалась надежда, что Россія поддержит французскую точку зрѣнія при опредѣленіи границ Германіи на западѣ. По этому вопросу предполагалось произвести обмѣн нот в Петроградѣ. Н. Н. Покровскій, передавая мнѣ это письмо Пуанкаре, сообщил, что по его содержанию послѣдовало соизволеніе государя.

Я отвѣтил, что не найдет ли министр правильным, чтобы, при обмѣнѣ предположенными нотами, мы включили в их текст упоминаніе, что Франція со своей стороны, обязывается поддержать точку зрѣнія императорскаго кабинета при опредѣленіи границ Германіи на востокѣ. Министр вполне эту мысль одобрил и просил включить соответствующую прибавку в текст будущей ноты, для ея предварительнаго представленія на одобреніе государя. Так это и было сдѣлано, а затѣм произведен обмѣн нот за подписью Н. Н. Покровскаго и французскаго посла Палеолога.

Главной задачей междусоюзнаго совѣщанія было усиленіе снабженія русской арміи. В связи с наступившей у нас революціей и ея послѣдствіями, эта сторона дѣла фактически потеряла значеніе. Поэтому я не стану излагать подробностей засѣданій. Ограничусь рассказом лишь об одном из засѣданій, гдѣ министр Покровскій сдѣлал любопытное и крайне неожиданное для нас всѣх заявленіе.

В этом засѣданіи принимал участіе, между прочим, С. Д. Сазонов, как посол в Лондонѣ.

Н. Н. Покровскій сдѣлал заявленіе о том, что удаленность Россіи от ея союзников приводит к тому, что наши дѣйствія не могут быть согласованы с дѣйствіями союзников с той быстротой, как это имѣет мѣсто на западѣ. Поэтому, возникает мысль: нельзя ли улучшить существующее положеніе вещей усиленіем престижа того органа, который на союзных совѣщаніях в западной Европѣ будет представлять императорское правительство. До сего времени в таких случаях в Парижѣ и Лондонѣ Россію представлял соответственный Россійскій посол. Быть может, являлось бы болѣе цѣлесообразным, чтобы на будущее время в такой роли выступало особо для сего назначенное Государем доврѣненное лицо.

Пока Покровскій говорил это, я спрашивал себя, брежу ли я или дѣйствительно слышу то, что он говорит. Ни я, ни товарищ ми-

нистра Нератов, никто в нашей делегации не имѣл об этом ни малѣйшаго представленія. Когда Покровскій кончил, кажется, Думер сказал, что вопрос об организациі представительства Россіи в междусоюзныхъ совѣщаніяхъ всецѣло относится къ компетенціи самой Россіи. Но этимъ дѣломъ не кончилось: А. А. Нератовъ очень нерѣшительно сказал, что предлагаемая мѣра подлежала бы еще дополнительному обсужденію. В гораздо болѣе рѣзкой формѣ высказался С. Д. Сазоновъ, прямо заявившій, что для него, какъ будущаго посла в Лондонѣ, возникаетъ вопросъ, какія же могутъ быть взаимоотношенія между нимъ и будущимъ главноуполномоченнымъ в союзномъ совѣщаніи. Он хотѣлъ продолжать свою рѣчь, но Покровскій понял, наконецъ, недопустимость разногласій в русской делегации перед иностранцами и остановил пренія, заявивъ, что этотъ вопросъ Государемъ рѣшенъ и пересмотру не подлежитъ. Засѣданіе было закрыто, а в виду происшедшей вскорѣ перемѣны режима, вопросъ о главноуполномоченномъ потерялъ практическое значеніе.

Однако, для меня до сихъ поръ не ясно, гдѣ надо искать источникъ упомянутой Покровскимъ необычайной мѣры. Товарищъ министра Нератовъ склоненъ былъ приписать инициативу ея А. Ф. Трепову, который хотѣлъ-де такимъ путемъ создать для себя особо выдающійся постъ за границей, а Н. Н. Покровскій, поддерживая эту мысль, отплачивалъ будто бы Трепову за проведенное имъ назначеніе его, Покровскаго, министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Но, мнѣ кажется, вопросъ лежалъ глубже. Какъ разъ в это время покойный великій князь Николай Михайловичъ началъ энергично работать, выдвигая съвою кандидатуру на постъ перваго делегата Россіи на будущей мирной конференціи. Великій князь считалъ, что онъ имѣетъ право на такую роль, благодаря своимъ многочисленнымъ историческимъ трудамъ (вѣрнѣе, изданіямъ). Я очень подозреваю, что мысль о русскомъ главноуполномоченномъ в междусоюзныхъ совѣщаніяхъ была выдвинута Н. Н. Покровскимъ в качествѣ контр-маневра противъ претензіи великаго князя, которому для ея осуществленія пришлось бы сначала устранить другаго, уже избраннаго главноуполномоченнаго. Это впрочемъ моя личная догадка, никѣмъ мнѣ не подтвержденная.

Перехожу теперь къ описанію революціонныхъ дней в Петроградѣ.

В четвергъ 23 февраля 1917 г. я былъ званъ с женою на помолвку дочери графа и графини Орловыхъ-Давыдовыхъ в ихъ особнякъ на Сергіевской улицѣ.

По выходѣ оттуда мое вниманіе было привлечено скопленіемъ множества людей передъ воротами Литейнаго завода на Сергіевской улицѣ. Желѣзныя ворота завода были заперты, и къ нимъ изнутри прижалась толпа рабочихъ, кричавшихъ что то стоявшей снаружи толпѣ. Между тѣми и другими проскакивалъ одинокій казакъ вдоль по Сергіевской, впередъ и назадъ.

Пройдя далѣе до Царицына Луга, я встрѣтилъ знакомаго полковника Преображенскаго полка Н. Н. Мансурова, который сказалъ мнѣ, что на Невскомъ серьезные беспорядки: будто бы убиваютъ полицейскихъ. Послѣ этого я в городъ болѣе не выходилъ; дальнѣйшія событія видѣлъ изъ окна моей квартиры на Дворцовой площади. В субботу 25 и воскре-

сенье 26 февраля ничего особенного впрочем не было. Все ограничивалось рассказами очевидцев об уличных беспорядках, которые не только не утихали, но все разгорались. В воскресенье впервые говорили уже о том, что во время беспорядков на Знаменской площади против Николаевского вокзала, войска не только отказались стрѣлять в толпу, но даже убили нѣсколько полицейских.

Наконец, в понедѣльник 27 февраля, около полудня, Покровский, очень разстроенный, сказал мнѣ: “знаете, очень плохо. В Волынском полку военный бунт. Бѣляев (военный министр) увѣряет, что мятеж будет немедленно подавлен, но я не вижу, как”. Втеченіе дня на Дворцовой площади наблюдалось необычайное движеніе. Нѣсколько раз через нее проскакали небольшіе кавалерійскіе отряды. Раза два я видѣл, как обезоруженных офицеров куда то вели между двумя, вооруженными винтовками солдатами. На Милліонной один генерал открыл из окна стрѣльбу по проходящим военным мятежникам. Нѣсколько солдат ворвались в его квартиру, вывели его по Машкову переулку на набережную и тут застрѣлили.

Поздно ночью вернулся Н. Н. Покровский с послѣдняго засѣданія совѣта министров в Маріинском дворцѣ. Состав министров был уже неполный и случайный. Засѣдали под постоянной угрозой, что к ним ворвутся мятежники. Во время одной из тревог, Покровский, по его собственным словам, укрылся под стол засѣданій, покрытый длинным зеленым сукном. В концѣ концов, всѣ разошлись, один за другим, по домам, къ нам в министерство ночью пришел министр земледѣлія А. А. Риггих, умоляя его прійти, так как у него дома его ждут, чтобы арестовать. Он остался ночевать у Покровских.

На слѣдующій день, около 3 часов дня, перед комендантским подъѣздом Зимняго дворца построилась воинская часть и какой то генерал, будто бы генерал Хабалов, главнокомандующій в столицѣ, начал объѣзжать фронт. Мы из окна с интересом слѣдили, что будет дальше. А дальше послѣдовала команда и эти войска ушли куда то в направленіи Сената. Еще через полчаса с Милліонной появился другой отряд, предшествуемый красным флагом. Эта часть тоже остановилась перед комендантским подъѣздом, но затѣм солдаты начали входить во дворец. Еще немного спустя, из дворца начали выходить отдѣльные солдаты, из числа видимо смѣненнаго недавно вошедшими стараго караула. Эти солдаты расходились по городу. А мы из окна вдруг увидѣли, что на флагштокѣ над Зимним дворцом взвился к р а с н ы й флаг! Было около 4 часов дня.

В этот день, уже с утра, по улицам начали разѣзжать автомобильныя платформы с вооруженными людьми. Этими людьми иногда разбрасывались листовки. В одной из таких листовок было напечатано, что образован Особый Комитет Государственной Думы и Временное правительство под предсѣдательством князя Г. Е. Львова и с П. Н. Миллюковым в качествѣ министра иностранных дѣл.

Одновременно шли повсюду поиски городских, будто бы разставленных министром внутренних дѣл Протопоповым на крышах домов с пулеметами, для стрѣльбы по толпѣ. Послѣднее было вымыслом. Но,

под этим предлогом, в нѣкоторыя министерства врывались вооруженныя лица, которыя начинали там и распоряжаться. Когда я узнал, что такая попытка имѣла мѣсто совсѣм рядом с нами, в министерствѣ финансов, я рѣшил пойти к телефону. Соединившись с Государственной Думой, я назвал себя и сказал, что мнѣ нужно поговорить с П. Н. Милоковым. Через нѣсколько минут я услышал в трубку его голос. Я поставил его в курс происходящих у нас событій и сказал, что у нас есть секретные архивы, нарушение цѣлости и секрета которых будет одинаково нежелательным для любого правительства. Поэтому, я спросил, не имѣет ли он средств дать нам военную охрану, во избѣжаніе каких-либо инцидентов. Милоков отвѣтил, что очень охотно это сдѣлает. Должно быть в эти дни распоряженія Временнаго правительства уже кѣм то выполнялись. По крайней мѣрѣ, менѣе чѣм через три часа в наше министерство прибыл караул из двадцати (приблизительно) довольно растерзанных солдат под командой совсѣм юнаго подпрапорщика, которому едва ли было болѣе 20 лѣт. Он доложил, что прислан для охраны министерства. Через два или три часа ко мнѣ пришел наш буфетчик, который сказал мнѣ, что наша кухарка не может пойти в город за провизіей, так как ее не выпускает на улицу караул. Я вызвал командира караула, который ничего не мог мнѣ сказать по возникшему затрудненію. Я тогда опять вызвал по телефону Милокова и, извинившись, сказал, что караул, видимо, совершенно превратно понял свою задачу, считая необходимым держать всѣх нас как бы под арестом. Я услышал в отвѣт в телефонную трубку смѣх Милокова, послѣ чего он попросил меня позвать к аппарату командира. Я отвѣтил, что он по моей просьбѣ слушает в другую трубку. Тогда Милоков распорядился снять запрет выхода из министерства и сказал, чтобы за нужными указаніями караульный начальник обратился ко мнѣ.

В то время, пока в столицѣ происходили описываемыя событія, на желѣзнодорожных путях между ставкой верховнаго главнокомандующаго, станціями Дно, Бологое и Псков рѣшались судьбы российской Имперіи и династіи Романовых. Подробности изложены в воспоминаніях генерала А. С. Лукомскаго, опубликованных в Архивѣ Русской революціи и в воспоминаніях дворцоваго коменданта В. Н. Воейкова. В дополненіе к тому, что там сказано, могу только прибавить, что начальник нашей дипломатической канцеляріи в Могилевѣ, Н. А. Базили был послан из Ставки, для врученія Государю телеграфных отвѣтов всѣх главнокомандующих фронтами по вопросу об отреченіи Государя и проектом манифеста. Базили сумѣл добраться до царскаго поѣзда и повидать Государя. Впрочем, выработанный в ставкѣ проект манифеста не был одобрен. Тот, который Государь вручил в Псковѣ эмиссарам Государственной Думы был другой, составленный самим царем. Но какой глубокой трагизм в том, что в такую историческую минуту, когда царь получает единодушные отзывы всѣх главнокомандующих в пользу отреченія, в том числѣ и от великаго князя Николая Николаевича, при русском императорѣ нѣт ни одного государственнаго дѣятеля, который помог бы ему принять

окончательное рѣшеніе! Кто около него? Глубоко непопулярный даже в бюрократических кругах дворцовый комендантъ и второстепенный дипломатическій чиновник ставки!

В четверг 2 марта эмиссары Думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин приняли из рук Государя в Псковѣ акт отреченія и повезли этот документ в Петроград.

На слѣдующій день П. Н. Милоков дал мнѣ знать, что будет в министерствѣ в пять часов дня и желал бы познакомиться со служащими. Выйдя в приемную, гдѣ, насколько я помню, были собраны только начальники отдѣльных частей, он обратился к нам с краткой рѣчью о создавшемся положеніи. Как всегда, Милоков говорил без пафоса, ясно, спокойно. Мы уже знали о его рѣчи, сказанной наканунѣ перед рабочими, знали, что он пытался защитить судьбу династіи. Может быть, поэтому мы были настроены по отношенію к нему скорѣе сочувственно. Помню еще, что б. посланник в Пекинѣ И. Я. Коростовец спросил министра, когда тот кончил свою рѣчь, имѣет ли он надежду совладать с тѣм бурным настроеніем, которое охватило страну. Все тѣм же спокойным и ровным голосом Милоков отвѣтил приблизительно так: "Сейчас мы стоим перед несущимся нам навстрѣчу потоком. Этот поток, если мы станем прямо против него, не принявъ никаких мѣр, конечно неминуемо все перед собой сметет. Но если мы сумѣем как то отклонить его порыв и направить его в болѣе тихое русло, то, я надѣюсь, справиться будет можно. Надо попытаться это сдѣлать".

Затѣм, товарищ министра Нератов, начальник ближне-восточнаго отдѣла Петряев и я пошли в кабинет министра. Я прочел заготовленный мною проект циркуляра о переворотѣ и образованіи Временнаго правительства. В этом циркулярѣ говорилось, что обновленная Россія еще болѣе твердо, чѣм доселѣ, намѣрена продолжать навязанную ей войну до побѣднаго конца. Не помню сейчас точно выраженій, но знаю, что тон дешени был настолько категорическій, что я, как будто предчувствуя послѣдующія на этой почвѣ осложненія, спросил министра, не слишком ли я "перетянул тон усвоенной мной "фанфары". Милоков отвѣтил: вовсе нѣтъ, "так именно и надо". Думал ли первый революціонный министр иностранных дѣл, что через мѣсяц и нѣсколько дней, он — именно на почвѣ этой фанфары — потеряет свое мѣсто! Но сейчас он мой проект циркуляра одобрил и только в том мѣстѣ, гдѣ у меня новый строй, в Россіи установленный, был назван либеральным, он вычеркнул это слово и замѣнил его словом демократическій.

Затѣм мы обмѣнялись мнѣніями по нѣкоторым главнѣйшим политическим вопросам, польскому и другим. Я был удивлен до чего Милоков уже в курсѣ всѣх этих вопросов. По каждому из них у него было вполне опредѣленное, обдуманное рѣшеніе. В вопросѣ о Польшѣ он стоял на почвѣ полной самостоятельности этой страны, ея независимости от Россіи. Но думаю, что при опредѣленіи этнографической границы он также твердо и непримиримо стал бы отстаивать интересы русскаго народа.

В смыслѣ перемѣн в личном составѣ нашего министерства Милоков повел себя очень осторожно. Немедленно уволен был от должно-

сти только посланник в Лиссабонъ П. С. Боткин, который, впрочем, был извѣстен своим англофобством и германофильством; против такой мѣры возражать было трудно. Другой жертвой оказался мой шурин Вибиков, который временно управлял миссіей в Бернѣ. Подозрѣваю, что мой шурин, при свиданіи с Милюковым, когда тот в 1916 г. ѣздил из Парижа в Швейцарію, обошелся с ним нѣсколько пренебрежительно (что он очень умѣл дѣлать), за это и поплатился. Кромѣ этих двух случаев, других жертв не было. В Бухарестѣ, как я указал выше, был даже возвращен на мѣсто уволенный при Штюрметѣ Поклевскій-Козелл.

Тотчас же послѣ государственнаго переворота в Россіи, два посла заявили о нежеланіи их продолжать службу при новом режимѣ. Это были князь Иван Александрович Кудашев в Мадридѣ и Юрій Петрович Бахметев в Вашингтонѣ. Мѣсто перваго из них П. Н. Милюков хотѣл предоставить товарищу министра иностранных дѣл А. А. Половцову, назначенному Штюрмером, положеніе котораго представлялось довольно шатким. Сын бывшаго государственнаго секретаря А. А. Половцова и его супруги, приемной дочери извѣстнаго богача Штиглица, Половцов являлся несомнѣнно типичным представителем царской Россіи. В нашем министерствѣ он служил сравнительно недавно. Был дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторѣ, гдѣ женился на своей красавицѣ женѣ, рожденной Куницкой; впоследствии недолго был генеральным консулом в Индіи. На пост товарища министра был приглашен Штюрмером. Только поразительно миролюбивому настроенію П. Н. Милюкова, в момент революціи, можно приписать тот факт, что он не хотѣл видѣть рѣзкаго несоотвѣтствія Половцова типу того политическаго дѣятеля, который мог бы быть назначен первым послом обновленной Россіи. Князь Львов оказался в данном случаѣ болѣе чутким, чѣм его казалось бы испытанный министр иностранных дѣл. “Я лучше отрублю себѣ руку, чѣм подпишу это назначеніе”, будто бы сказал он. Милюков примирился с неудачей. Пост посла в Мадридѣ был замѣщен гораздо позднѣе М. А. Стаховичем, тоже представителем стараго режима и дворянства, но по крайней мѣрѣ имѣвшим на своем либеральном активѣ выступленіе против К. П. Побѣдоносцева в защиту свободы совѣсти.

Что касается Ю. П. Бахметева в Вашингтонѣ, то на его мѣсто Временное правительство назначило профессора Бориса Александровича Бахметева, командированнаго сначала в Америку для веденія переговоров по финансовым и экономическим вопросам.

Мой лицейскій товарищ Ону, в то время совѣтник посольства в Вашингтонѣ, рассказывал мнѣ по этому поводу, что бывшій посол Бахметев остался и послѣ отставки жить в Вашингтонѣ, гдѣ у него были большія связи по его женѣ (американкѣ). В мѣстном обществѣ его допрашивали безконечными допросами о том, какія родственныя и иныя связи у него с новым русским послом, носящим ту же фамилію. Юрій Бахметев терпѣть не мог Бориса Бахметева до такой степени, что как-то раз спросил даже американца к нему пристававшаго: “Знаете ли вы Джорджа Вашингтона?” — “Разумѣется”, отвѣтил тот, “это

основатель нашей республики и ея первый президент”. “А извѣстен ли вам Бутлер Вашингтон?” — спросил Юрій Петрович. “Знаю и его”, был отвѣтъ, “негр, наш чемпион по боксу”. “Так вот я Джордж Бахметев, а тот Бутлер Бахметев”, послѣдовало “разясненіе*”).

Какъ министр иностранныхъ дѣлъ, Милоковъ былъ в курсѣ всѣхъ главныхъ политическихъ вопросовъ и по каждому изъ нихъ имѣлъ опредѣленное рѣшеніе. Видно было, что онъ уже давно готовился къ тому дню, когда онъ призванъ будетъ къ активной политической дѣятельности. В отставаніи своей точки зрѣнія про каждому изъ этихъ рѣшеній, онъ обнаруживалъ большую твердость. Всего болѣе, конечно, в основномъ вопросѣ: о цѣляхъ войны. На этомъ вопросѣ Временное правительство с первыхъ же дней своего существованія вошло в конфликтъ съ Совѣтомъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ. Совѣтъ выступилъ съ шресловутымъ “приказомъ № 1”, подорвавшимъ в корнѣ дисциплину в арміи и дѣлавшимъ фактически невозможнымъ продолженіе войны. П. Н. Милоковъ, долженъ отдать ему эту справедливость, при всемъ моемъ отрицательномъ отношеніи къ его прежней и послѣдующей политической дѣятельности, былъ человѣкомъ твердымъ. За эту твердость очень скоро онъ и поплатился своимъ мѣстомъ, достиженіе котораго в царскія времена являлось для него желанной мечтой.

Зато в вопросѣ о людяхъ онъ часто готовъ былъ итти на большія уступки, забывая, что в военное время это могло оказаться чреватымъ самыми серьезными послѣдствіями. Я говорю о потокахъ старыхъ эмигрантовъ-революціонеровъ, обнаружившихъ тотчасъ послѣ революціи стремленіе хлынуть в Россію.

Из-за немедленной ликвидаціи нашихъ старыхъ розыскныхъ органовъ, какъ в Россіи, такъ и за границей, правительству, конечно, трудно было разобраться в массѣ эмигрантовъ и отдѣлить для начала хотя бы такъ называемыхъ оборонцевъ отъ явныхъ пораженцевъ. Но мнѣ доподлинно извѣстно, что союзныя державы, особенно англичане, предупреждали Милокова объ опасности такихъ людей, какъ Ленин, Троцкій, Черновъ и другіе. Несмотря на это, Милоковъ, не только не препятствовалъ прибытію такихъ лицъ в Россію, но, напримѣръ, для Троцкаго, содержавшагося под арестомъ у англичанъ, самъ добивался и добился его освобожденія.

Тѣмъ временемъ, бѣшеная агитація противъ продолженія войны продолжалась съ удвоенной силой в средѣ деморализованнаго петроградскаго гарнизона. 1-го апрѣля два какихъ-то полка вышли на улицу и выстроились передъ Маріинскимъ дворцомъ, гдѣ засѣдало Временное правительство.

Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы правительство объявило об отставкѣ Милокова и назначеніи на его мѣсто М. И. Терещенко. С уходомъ Милокова собственно отпалъ всякій смыслъ дальнѣйшей работы людей моего образа мыслей в министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Я горячо сожалѣю, что не оставилъ службу именно тогда. Послѣдующіе,

*) Но ни «вашиingtonовское величіе» самого Ю. П. Бахметева, ни рѣзкое очерненіе имъ П. А. Бахметева не были ни на чемъ рѣшительно основаны.

до большевистскаго переворота, семь мѣсяцевъ были уже агоніей русской государственной власти.

Когда, в газетахъ я прочелъ извѣстіе, что новый министр иностранныхъ дѣлъ Терещенко беретъ в начальники канцеляріи извѣстнаго стараго эмигранта Н. Д. Авксентьева, я отправился на квартиру М. И. Терещенко на Дворцовую набережную. Но при первыхъ же словахъ о моемъ желаніи оставитъ министерство, онъ горячо противъ этого возсталъ, заявивъ, что свѣдѣнія объ Авксентьевѣ абсолютно невѣрны. Министръ настаивалъ на сохраненіи мною моей должности. Къ сожалѣнію, я имѣлъ слабость уступить.

В 5 часовъ дня былъ назначенъ приѣмъ служащихъ. На этотъ разъ собраны были всѣ рѣшительно чиновники в большой бальной залѣ министерства. Когда всѣ собрался, я вошелъ в кабинетъ министра и заставъ тамъ Терещенко, ходящимъ большими шагами по комнатѣ и заучивающаго ту рѣчь, которую онъ имѣлъ в виду произнести. Онъ вышелъ в залу и произнесъ ее. Ничего интереснаго эта рѣчь в себѣ не заключала. Построена она была такъ: “слава Богу, что революція произошла во время войны, иначе она была бы просто ужасна. Но в чемъ именно заключается теперешнее обусловленное войной благополучіе, осталось не разъясненнымъ. Ту же “легкость в мысляхъ” новый министръ проявилъ передъ нами и еще много разъ, пока переѣздъ в Петропавловскую крѣпость, черезъ семь мѣсяцевъ, не положилъ предѣла его дипломатическимъ успіямъ.

Причина появленія М. И. Терещенко в министерствѣ у Пѣвческаго моста крылась исключительно в его близкихъ дружескихъ отношеніяхъ с Керенскимъ, котораго онъ, Терещенко, былъ горячимъ почитателемъ.

А Керенскій все время разъѣзжалъ по фронтамъ и подготавливалъ разлагающіяся войска къ наступленію.

Наконецъ, в іюнѣ, мы дожили до этого наступленія, о которомъ газеты прожужжали уши всему міру и къ которому противникъ относился с олимпійскимъ спокойствіемъ. Для всякаго человѣка, имѣющаго крупицу здраваго смысла, было ясно, что в томъ видѣ, в какомъ были наши войска на фронтѣ лѣтомъ 1917 г., ни о какихъ военныхъ операціяхъ и разговора быть не могло. Такъ это и случилось. Послѣ первыхъ успѣховъ на юго-западномъ фронтѣ, достигнутыхъ цѣной гибели такъ называемыхъ “отрядовъ смерти” с исключительно офицерскимъ составомъ, началась неизбѣжная расплата. Части войскъ, даже не понесшихъ никакихъ потерь, самовольно бросали фронтъ и уходили в тыл. Это зрѣлище подробно описано генераломъ Врангелемъ в книгѣ “Бѣлое дѣло”. Тамъ обрисованъ и трагическій эпизодъ Калуца, гдѣ “войска” звѣрски расправились с мирнымъ населеніемъ.

Вскорѣ, в Петроградѣ, произошло іюльское возстаніе, одинъ изъ эпизодовъ котораго я хорошо помню.

На нашу Дворцовую площадь къ штабу округа, гдѣ находился главнокомандующій генералъ Половцовъ, прибыла конная артиллерійская батарея из Царскаго Села, под командой графа Ребиндера, брата моего товарища по Парижу.

Вышедшій из штаба генералъ Половцовъ далъ какія то распоряженія

Ребиндери, который сѣлъ на поданную ему лошадь и отдал команду. Батарея, эскортируемая отрядом казачков, тронулась в направлении на Милліонную. Вдруг, на Дворцовую площадь из под арки Главнаго штаба вылетѣлъ каміон с мятежными пѣхотинцами. Казаки немедленно повернули им на встрѣчу и атаковали каміон. Тот застопорил против комендантскаго подъѣзда Зимняго дворца; всѣ его сѣдоки как горох посыпались на мостовую и обратились в бѣгство. Этот каміон, в качестве перваго трофея был поставлен на нащей площади близ министерства. Батарея ушла дальше. Вскорѣ послышалась артиллерійская стрѣльба. Поползли слухи, будто батарея захвачена и всѣ вѣрныя войска сдались. Мы было совсѣм упали духом. Вдруг начали, раз за разом прибивать отбитые каміоны и устанавливаться рядом с прежним. К вечеру их накопилось много десятков. Оказывается, что против Лѣтняго сада батарея Ребиндера дѣйствительно была обстрѣляна с другого берега Невы, но без результата; а дойдя до Литейнаго моста, Ребиндер пустил нѣсколько выстрѣлов по мосту и обратил в бѣгство шедшія оттуда войска. Подробностей я не знаю, но не подлежит сомнѣнію, что на этот раз большевики были разбиты. Многие вожаки, в том числѣ Троцкій арестованы, успѣх правительства — полный.

На слѣдующій день вернулся с фронта Керенскій, уволил генерала Половцова и назначил на его мѣсто полковника Полковникова, кстати сказать, того самаго, который оказался во главѣ гарнизона в день октябрьскаго переворота, когда был свергнут сам Керенскій. Вмѣстѣ с тѣм, Керенскій распорядился освободить из под стражи Троцкаго и других вожаков мятежа. Не удивительно, что послѣ этого сочувствовавшія правительству войска перестали за него драться.

Дальнѣйшія событія общеизвѣстны.

Продолжать далѣе комедію войны становилось бессмысленным и недостойным. Возникла мысль о совѣщаніи с союзниками в Парижѣ; в нем должен был принять участіе М. И. Терещенко. Это было уже в октябрѣ мѣсяцѣ. Одновременно шли приготовленія к переѣзду присутственных мѣст в Москву — из Петрограда, угрожаемаго, в виду нѣмецкой высадки близ Ревеля.

Терещенко должен был выѣхать в Париж вмѣстѣ с назначенным уже довольно давно новым послом В. А. Маклаковым. Мы должны были выѣхать утром, но в послѣднюю минуту Терещенко увидѣлъ, что положеніе в Петроградѣ таково, что ни о каких переговорах за границей и рѣчи быть не может. Он поэтому рѣшил остаться. Маклаков уѣхал один.

Через день мятежныя войска уже начали занимать дворцовую площадь, во время засѣданія Временнаго правительства в Зимнем дворцѣ, под охраной единственно оставшагося ему вѣрным женскаго батальона. С вечера под окном моего кабинета началась пулеметная стрѣльба. На Невѣ стоял против дворца крейсер “Аврора”, тоже мятежный. Около 10-ти часов вечера меня вызвал курьер Карпенко, говоря, что министр просит меня подойти к его телефону на письменном столѣ в его кабинетѣ. Я отправился туда, при продолжающейся на площади стрѣльбѣ, когда курьеру вдруг пришла безумная мысль за-

жечь большую люстру в кабинетѣ. Я крикнул ему немедленно ее потушить, если он не хочет получить залп в окно. Подойдя к аппарату, я услышал голос Терещенко, спрашивавшій меня, “как у вас”. Я отвѣтил, что в зданіи спокойно, но на площади он сам слышит, что происходит. Он отвѣтил: “Да, не хорошо. Если к вам придет представитель новаго правительства, то я вас прошу отнестись к нему отрицательно”. Я отвѣтил, что он может быть увѣрен, что я встрѣчу этого эмиссара без восторга.

Слѣдующій раз я увидѣл Терещенко уже при большевиках, послѣ его освобожденія из крѣпости.

Впослѣдствіи, я узнал, что, когда Терещенко еще содержался в крѣпости, то туда же привезли арестованнаго большевиками румынскаго посланника Діаманди. Его и Терещенко выпускали одновременно гулять и Терещенко прямо убѣгал от Діаманди, чего тот никак не мог себѣ объяснить. Как то раз Діаманди все же удалось поймать Терещенко и спросить его: “отчего вы меня так избѣгаете?” Тот отвѣтил: “Ах, знаете, господин посланник, мнѣ невѣроятно стыдно за нарушение вашей дипломатической неприкосновенности, — вѣдь я же считаю себя отвѣтственным!” Румын разсмѣялся и сказал: “Будьте спокойны, ваше присутствіе здѣсь — лучшее доказательство вашей невинности!”

На слѣдующій послѣ переворота день, около трех часов дня, к подъѣзду нашего министерства подъѣхал автомобиль, из котораго вышли, прося их провести ко мнѣ, предсѣдатель совѣта рабочих и крестьянских депутатов Троцкій и сопровождавшій его Урицкій, в то время еще мало кому извѣстный.

Троцкій объявил об образованіи новаго, рабоче-крестьянскаго правительства и спросил меня готов ли я работать при этом правительствѣ. Я отвѣтил, что отказываюсь. “Но почему?”, — спросил он. — “Как же могу я работать с правительством, которое только что заключило на улицах призыв к сепаратному миру”. — “Это невѣрно”, — отвѣтил Троцкій, — “мы зовем к общему миру”. Я возразил, что союзники на такое соглашеніе не пойдут и мир, если он будет, то будет сепаратным. А я, оставаясь на почвѣ подписаннаго уже обязательства не заключать сепаратнаго мира, в такой работѣ участвовать не могу. Подумав немного, Троцкій сказал: “Может быть вы и правы. Главным участникам прежняго курса, дѣйствительно, может быть с нами не по пути”. Затѣм он выразил желаніе повидать служащих министерства “ин корпоре”. Я велѣл предупредить товарища министра Нератова и пригласить всѣх наличных чинов собраться в кабинетѣ министра. Пока шли эти приготовления, Троцкій сказал мнѣ: “Вот еще у нас затрудненіе. Нам нужно послать телеграмму за границу, с извѣщеніем об образованіи новаго правительства, а вы вот отказываетесь помочь даже в переводѣ этой телеграммы”. На это я отвѣтил, что телеграмма может быть прямо передана в РТА (Россійское телеграфное агентство), гдѣ умѣют дѣлать переводы, потом прямо передадут текст за границу. Троцкій благодарил за справку.

Пришел А. А. Нератов и мы всѣ вчетвером поднялись в квартиру

министра. Когда проходили через так называемую “экспедиционную” комнату канцелярии, Урицкий, указывая на какой то зеленый картон, в котором вероятно лежала бичевка и сургуч для заклеивания экспедиции, спросил меня со значительным видом: “А это что? секретные соглашения?” — Я ответил отрицательно.

Наверху уже почти все служащие были в сборе. Троцкий назвал себя и просил дать ему ответ, — согласны ли служащие министерства работать с новым правительством. Один из младших служащих (Б. А. Чемерзин) спросил, с кем они имеют честь говорить. Троцкий ответил, что уже назвал себя. Чемерзин выразил удивление: “я думал, что имя комиссара не Троцкий, а Бронштейн”. Тот очень резко и не без гордости ответил, что под именем Троцкого он работал в печати, под этим именем боролся против царского правительства, под ним он сидел в царской тюрьме и считает его своим.

Потом он начал комментировать обращение советов к заграничным правительствам о заключении общего мира и о прочих делах рабоче-крестьянской власти. Было заметно, однако, что Троцкий говорит без всякого одушевления; повидимому, атмосфера была слишком отличной от той, которая царила при его выступлениях на рабочих митингах. Он как бы чувствовал, что сегодняшнюю аудиторию все равно он не убьют. Закончив он просил нас обсудить вопрос и сказать ему наше окончательное решение. Я напомнил, что мое решение я уже сообщил комиссару, который с ним согласился и лично от участия в обсуждении устранился.

Менее чем через полчаса председатель нашего “общества служащих” князь Лев Владимирович Урусов сообщил Троцкому, что служащие министерства иностранных дел единогласно решили от совместной работы с новым правительством отказаться. Троцкий выразил готовность выдать каждому из нас охранную грамоту, чтобы оградить нас от немотивированного ареста. Текст такого удостоверения был тут же размножен в нужном количестве экземпляров на ротаторе в нашей литографии и подписан Троцким, после чего Троцкий и Урицкий отбыли из Министерства.

Сказав жене, что по моему мнению в здании министерства мне лучше не жить, я тоже спустился в швейцарскую, надел пальто и пошел к дяде кн. А. Б. Мещерскому на Басков переулок в помещение “Женской гимназии Оболенской”, директриссой коей была теперь моя двоюродная сестра М. А. Мещерская. Там я прожил неделю. В ближайший четверг, начальники отдельных частей были приглашены прийти в министерство для сдачи дел и вручения ключей вновь назначенному помощником комиссара Залкинду. Я пришел в министерство и без каких либо формальностей, просто вручил Залкинду ключ от несгораемого шкафа с особо секретными бумагами, вделанного в стену в моем служебном кабинете.

Прошло три с половиной года междоусобной войны белых против красных. Вспоминаю опять октябрьский вечер 1920 г. Теперь уже французский крейсер “Вальдек Руссо”, только что покинувший севастопольский рейд, мощно разбивший черноморские волны, уносил

меня в темное неизвѣстное будущее... “Вальдек Руссо” шел в кильватер русскому крейсеру “Генерал Корнилов”, на котором послѣдній главнокомандующій русской арміи покидал послѣднюю пядь русской территоріи, не залитой еще красным потоком.

Я стоял на палубѣ и смотрѣл не вперед по ходу корабля, — впереди я не ждал ничего хорошаго, а жадно вглядывался назад, в удалявшіяся уже очертанія Крымскаго побережья, быстро ступшевывающіяся в ночном сумракѣ. Оттуда еще хватали до нас маленькіе мигающіе огоньки, но они дѣлались все рѣже. Вот их осталось три, вот два, вот, наконец, мигнул и потух во мглѣ послѣдній. Прощай, моя родина! Прощай старая пушкинская Россія!

Б. Татищев.

« О П Е Р Е Т Т А »

Памяти моего отца.

1.

Необычайный успѣх американскаго фильма «Большой вальс» и фильма Вилли Форста «Оперетта» напомнили все очарованіе этого жанра, который начинают постепенно забывать. Не одни люди нашего поколѣнія, заставшіе разцвѣтъ оперетты в Россіи, переживали волненіе поздней, на склонѣ лѣтъ, встрѣчи с чарующим спутником их молодости. Молодежь смотрѣла фильм, охваченная неиспытанным чувством радости жизни. Это было до войны, и, по вечерним улицам, неслись звуки штраусовскаго вальса, распѣваемаго молодыми голосами:

Я люблю тебя, Вѣна,
Горячо, вѣзмѣнно!
Лишь один старый клен
Знает, как я влюблен...

Радость жизни! Вот — сущность оперетты, разгадка ея обаянія, сказочнаго успѣха, и в ней же — разгадка постепеннаго ея увяданія. Ибо, оперетта это, — прежде всего, радостное воспріятіе жизни; это жизнь — полная радостнаго опьянѣнія, это — бьющее через край веселье:

Венера любит смѣх,
Веселіе у всѣх,
Чтобы ей угодить —
Веселѣй надо быть!

Искусство веселья, радости и опьянѣнія могло прійти только в опредѣленные эпохи довольства и удовлетворенія окружающій жизнью.

Напрасны, в сущности, были попытки прослѣдить генеалогію оперетты во Франціи — от Монсиньи и Обера, в Австріи — от зингшпилей Моцарта, народнаго театра Раймунда и Венцеля Мюллера. Это был совершенно новый жанр, и то, что мы зовем опереттой, было своеобразным и неповторимым театральным явленіем, ограниченным временем от половины прошлаго, и до начала нашего вѣка.

То было время смѣлых стяжаній и наслажденія жизнью, время расцвѣта буржуазіи, не выродившейся еще в формы «край-

няго» капитализма, расцвѣта личности, не подточенных рефлексіей конца вѣка.

И весь уклад жизни был устойчивый и крѣпкій, как устойчивой и крѣпкой была буржуазная мораль. Чѣм больше к концу вѣка личность охватывали сомнѣнія, тѣм дальше уходила из жизни радость. На переломѣ «индивидуальнаго» 19-го и «соціальнаго» 20-го вѣка наступил конец оперетты.

2.

Замѣчательное разнообразіе и богатство характеризуют этот театральный жанр.

Исторія и легенда, идиллія и сказка, мір, в котором реальныя событія смѣшиваются с фантастикой; боги, цари, герои и рыцари, крестьяне и крестьянки, принцессы, фермеры и содержатели гостиниц — все служит сюжетом для оперетты, все участвует в ней.

И все правдоподобно в этом веселом мірѣ фантазіи. Пастушка Флеретта оказывается дочерью короля, а прелестная горожанка Фіаметта — дочерью флорентинскаго герцога. Статуя Галатеи оживает, и превращается в капризную и жадную жену Пигмаліона. Юпитер и Плутон спорят из-за любви Эвридики, жены бѣднаго учителя музыки Орфея. Убитыя жены Синей Бороды продолжают жить в своих могилах, которыя превращаются в роскошныя будуары. Онѣ весело проводят время, и танцуют в масках на седьмой свадьбѣ жестокаго рыцаря.

Экзотика заморских стран, Африка и Китай, Венеція и Сиракузы, набобы и морскіе разбойники, купцы и контрабандисты, весь пестрый мір Леванта — отражали эпоху стяжанія, морской торговли и колониальных завоеваній.

Чтобы захватить миллионы Герцога Мантеуанскаго — атаман шайки разбойников — Фальсакаппа, выдает свою дочь за невѣсту герцога — Гранадскую принцессу. Пираты похищают дочь Болеро-Жирофля, помолвленную с мавританским князем Мурауком. От него скрыли похищеніе невѣсты, и мѣсто ея заступает, как двѣ капли воды похожая на нее, сестра Жирофле. И, рядом с этим, буколика «Свадьбы на фонарях»!

Эмигранты и иностранцы пользуются особым расположеніем оперетты: Маркиз Генрих де Корневиль возвращается, послѣ многих лѣтъ эмиграціи, в наследственный замокъ, и дѣлает предложеніе Жермен. Под звон колоколов, которые, по преданію, должны будут звонить в день возвращенія владѣльца, он представляет Жермен жителям Корневилля:

— Чтоб этот замокъ оживился,
Ему владѣлица нужна!..

В «Цыганском баронѣ», Баринкай возвращается на родину. Народ привѣтствует его грандіозным чардашем:

— В край родной земли,
Снова вы пришли,
В нем вы только дѣтство провели.
Но гдѣ-б венгерец жизнь свою провел —
Все-ж обожает он свой край родной!

Все ликует в этом вдохновенном созданіи Штрауса: соли, хор, оркестр. Приведены в движеніе огромныя массы балета, на фонѣ декораций, изображающей вѣнскія городскія ворота. Сверкают яркія краски одежд, словно ожившая фреска на стѣнѣ стариннаго зданія. Впечатлѣніе так велико, что перед ним должен ступеиваться финальный вальс:

— Это все, вѣрьте мнѣ,
Испытал я вполнѣ,
Для меня смѣльчака,
Жизнь легка, жизнь легка!

Это понимал ставившій оперетту директор Юнер. На премьерѣ 24 октября 1885, отмѣченной дыханіем двух геніев театра — Александра Жирарди, игравшаго Зупана, и самого Юнера — Баринкай въѣзжал на огромном бѣлом конѣ, во время вальса Штрейтман подымал коня на дыбы, и так шел весь финал до паденія занавѣса.

3.

Создателем оперетты обычно считают Оффенбаха, и при этом часто цитируют крылатую фразу Пауля Марсопа: «Когда Обер перестал писать, он стоял у дверей оперетты. Эрве открыл эту дверь, а Оффенбах вошел в нее». В этом — большая доля истины, но не вся истина.

Флоримонда Ронжэ (1825-1892) — писателя, режиссера и композитора, выступавшаго под именем Эрве, называли Колумбом оперетты, славу которого присвоил Америго-Оффенбах. Это он — Эрве, создал жанр пародій, который Оффенбах перенял у него, и Эрве первый ввел канкан на сценѣ. Он был одно время организатором церкви св. Евстафія, и вспоминал потом эти годы в «Мамзель Нитуш»:

— «В монастырѣ я Августин,
Для театра же — я Флоридор!..»

Введеніе автобіографическаго элемента в спектакль-буфф было характерно для стиля опереточной игры, болѣе свободнаго, болѣе интимнаго стиля, в котором больше «представляют», чѣм «переживают». Это — фейерверк, в сверкающих брызгах, котораго авторскій текст смѣшивается с импровизаціей актера, с «шуткой, свойственной театру». Старый Сарсэй знал, что дѣлает, когда послѣ «Прекрасной Елены», писал, что оперетта является родом комедіи дель арте.

Эрве уже был автором «Разорваннаго глаза» и директором

Фоли Нувель, когда Оффенбах пришел к нему, чтобы выразить восхищеніе его новым жанром. Он хотѣлъ бы передать Эрве написанную им одноактную оперетту. Эрве дружески расположен к новому коллегѣ, и, через нѣсколько недѣль, ставит «Ой-я, ой-я или королева островов», в которой сам играет главную роль.

Геній Оффенбаха был музыкальным гением *par excellence* — Россини назвал его, не без ироніи, «Моцартом Елисейских Полей». Едва ли сам Оффенбах, с его религиозным поклоненіем творцу Дон Жуана, остался доволен сравненіем. Жюль Жанэн выразился удачнѣе: «Россини Варьетэ». Гектор Берлиоз рекомендовал ему Оффенбаха, бывшаго тогда дирижером *Théâtre français*. — Пѣсенка Фортуніо к пьесѣ Мюссе прославила его, хотя ... никогда не была исполнена в пьесѣ. Вот как вспоминает об этом сам Оффенбах: «Однажды, в директорскую комнату Арсэна Гуссэй вошел Мюссэ, комедія котораго «Подсвѣчник» готовилась тогда: — «Если вы увидите Оффенбаха, попросите его написать музыку к пьесѣ Фортуніо». Я был тут же представлен поэту, и тут же набросал музыку к извѣстному стихотворенію Мюссэ, начинающимися словами:

— Si vous croyez, que je vais dire —
Qui j'ose aimer,
Je ne saurais pour un empire
Vous la nommer ! —

на другой день, я понес музыку Делоннэ, игравшему Фортуніо. Все говорило за то, что у него был тенор. Я сажусь за рояль, напѣваю ему первые такты. О, Боже! пальцы мои застыли на клавишах: у Делоннэ был великолѣпный, глубокій бас! Пѣсенка не была спѣта, но Делоннэ «сказал» ее, и, — прибавляет Гуссэй. — один Бог знает, с каким искусством!

Оффенбах влюблен в эту пѣсенку, первый свой шедевр. И если она не была спѣта, то тѣм хуже для Мюссе! Пѣсня Фортуніо сама станет опереттой. 9-го января 1861 г., через десять лѣтъ послѣ премьеры «Подсвѣчника», в Буфф Парижен была поставлена новая оперетта «Пѣсь Фортуніо». В ней Фортуніо уже не пылкій, молодой юноша, а старый нотариус, ревниво влюбленный в прекрасную Марию. Пѣсенку поет другой клерк — Валентин. Оперетта произвела фурор. Роль Валентина играла *Lise Totain*, первая Эвридика «Орфея», — «полная вакхическаго огня, сверкающаго веселья и увлеченія, каких не было больше ни у кого», как писал современный критик.

Но геній Оффенбаха был не в меньшей степени комическим гением. «Россини Варьетэ» обладал тайной писать «смѣшную» музыку, заставлявшую хохотать до упаду «Эта музыка способна разбудить мертвецов», — писал Сарсэй послѣ Орфея.

Оффенбах считал идеалом возвращеніе к исконной французской веселости «*genre primitif et gai*». Он достиг большаго: апофеоза комизма. Комизма характера и ситуациі, комизма

шутки, пародіи, гротеска и трагедіи, комизма чистой музыки, и музыки, соединенной с словом и театральной игрой. Не ищите большого смысла в этом каскадѣ веселья, цѣль котораго — дѣйствовать на нервы зрителя всѣми способами, всѣми средствами: смѣшным повтореніем слогов, искажающих смысл:

— Вот, мы шли величаво,
шли величаво,
шли величаво,
Два Аякса вдруг,
Да, два Аякса вдруг!
Громка побѣдная слава,
бѣдная слава,
бѣдная слава,
Наших сильных рук
На тридцать верст вокруг!

карикатурной цитатой моднаго опернаго мотива — Россини, Беллини. Не пощажен хорал Лютера из «Гугенотов», и даже синагогальный нагѣв (в концѣ куплетов Стикса в «Орфеѣ») и т. д.

Изрѣдка, в этот вихрь врывается нотка грусти. Ванька Стикс вспоминает время, когда на землѣ он был Аркадским принцем. Он не жальет ни о былом величїи, ни о славе, ни о богатствѣ. Ему жаль одного: что в том, надземном, мїрѣ он не знал Эвридику. В большом финалѣ перваго акта Периколлы:

— Пил я водку и напился,
Надо, чтобы я женился,
И пускай мнѣ черти скажут,
С кѣм теперь меня свяжут!,

завучат минорныя ноты: это грусть о счастьѣ прежней любви. Смахнем слезу. Тучка разсѣивается, все кружится дальше в бѣшеном grand rond! Макс Нордау сравнил Оффенбаха с дроздом-насмѣшником, вьющим гнѣзда в порталах церквей и дворцов: его трели нарушают торжественность церемоній. Только стихи его либреттистов придавали опереттам вольность; как искры молнїи, они освѣщали формы и архитектурныя линїи темных фасадов. Не слишком ли невинно это сравненіе? Нѣтъ, Оффенбах не был только дроздом; сила его насмѣшки была разрушающей. В его музыкѣ было что-то схожее с усмѣшкой Гейне, чьи «Боги в изгнанїи» были литературной параллелью «Прекрасной Елены» и гомерическим оргїям «Орфея». Еще в годы молодости, когда Оффенбах появился в Парижѣ никому невѣдомым віолончелистом, находили в его фигурѣ и лицѣ что-то дьявольское, как у Паганини. И потом всю жизнь он оставался «джеттаторѣ», человѣком, чей дурной глаз приносит несчастье. Суевѣрный Теофил Готье, в своих статьях, никогда не писал имени Оффенбаха; он оставлял пустое мѣсто, и, уже потом, его дочь вписывала это страшное имя.

Нѣтъ, стихи Мельяка, Галеви, не повора о болѣе скромных —

Кремье, Шиво и др. были болѣе мягки, болѣе благодущны, болѣе наивны, чѣм музыка Оффенбаха. В них было больше от озорства Гавроша, чѣм от каррикатуры Домье.

И в том сляніи музыки и текста, которое представляла собой оперетта, музыка играла первую роль. Иначе — не было бы оперетты, а водевиль с куплетами на музыку «airs connus», как у Скриба

От сатиры Оффенбаха в наши дни не осталось почти ничего. От музыки и театра его, его изумительнаго спектакля, ибо Оффенбах был в высокой степени театральным гением, — осталось многое. Постоянное возвращеніе к «Разбойникам», «Парижской жизни», «Периколлѣ», — как раз «игровым» его опереттам — служит этому доказательством.

4.

Ничто не вѣчно, и жанр пародій и больших «оффенбахіад» должен был уступить мѣсто новой разновидности оперетты. Шарль Лекок (1832-1918), музыкальный талант перваго ранга, написал много оперетт, пока «Зеленый остров» не принес ему перваго большого успѣха. Забавная исторія о двух парижанках, попадающих по ошибкѣ на остров и предназначенных в жены поселенцам. Вальс Габриэли

— О, Париж!. Край родной,
По тебѣ я изнываю,
И твой образ дорогой,
Ежечасно призываю!, —

скоро обошел весь мір.

То был старый Париж, «край чудес, и любви, и наслажденья», любовь к которому трепетала в сердцах всѣх. За этим слѣдовал совершенно несслыханный успѣх «Дочери Анго» на текст Клервила. Оперетта выдержала 400 рядовых представлений, и принесла автору 63.000 франков. С «Дочерью Анго» установился новый тип «игровой» оперетты. Время пародій подходило к концу и один Эрве оставался им вѣрен. Исторія и легенда не служили больше предметом насмѣшки и пародіи, а только фоном и сюжетом сценическаго дѣйствія.

Можно представить с каким захватывающим интересом публика премьеры «Анго» в театрѣ «Ренессанс» ждала поднятія занавѣса. Интригующій пассаж настраиваемой флейты в оркестрѣ, в сотый раз пробующей трудный ритурнель к выходной ариэттѣ Анжа Питу:

— Влюбленный в нѣжную Клеретту
Ея измѣн я не боюсь!, —

подстрекал любопытство. До этой аріи публика услышала прелестную нѣжную пѣсенку счастливаго жениха Помпонэ:

— О, как сладко сердце бьется
От одной моей мечты!
И душа моя несется
В царство дивной красоты!, —

и куплеты рынка, слишком извѣстные, чтобы их повторять. Исторія и политика врываются на сцену. Клеретта поет запрещенную пѣсенку Анжа Питу:

—И это было безконечно,
Всегда так было, будет вѣчно;
Лариводьера, Ланж, Барра —
Короновать давно пора!

Второй акт у Ланж. Тайное сборище заговорщиков. Солдаты Ожеро, предупрежденные о заговорѣ, входят в дом. Как истые французы, они галантны, и все кончается великодушным вальсом — классическим финалом всѣх вторых актов!

Успѣх Леккока в «Ренессанс» затмил успѣх Оффенбаха. С плохо скрываемой ревностью, он слѣдит за успѣхом соперника. Он пробует бороться с ним, и пишет «Продавицу фіалок», фактура которой во всем слѣдует «Анго», но неудачно. Через два года Мельяк и Галеви измѣняют ему и пишут для Леккока либретто «Маленькаго Герцога»; оперетта имѣет огромный успѣх. Оффенбах раздражается градом упреков. Он то клеймит их бранью, то умоляет не измѣнить окончательно человѣку, «с которым их связывает столько успѣхов в прошлом».

Игровая оперетта получила дальнѣйшее, блестящее развитие у Эдмонда Одрана. Его шедевр — «Маскотта», повѣсть о Бетти-Красном Солнышкѣ, приносящей всѣм счастье, оказался Маскоттой самого автора. Она обошла всѣ европейскія сцены и принесла автору славу и деньги. С 1880 по 1907 в одном Парижѣ Маскотта прошла болѣе 1.800 раз. Но «Маскотта» приносит счастье всѣм, кромѣ.. театра. Актерская примѣта говорит, что «Красное солнышко» часто приносит какую нибудь неудачу за кулисами. И, слѣдуя куплету Лорана:

— Да, всѣ примѣты, сновидѣнія
Полны значенья,
Так, всѣ пророчества и сны
Свидѣтельства полны!, —

актеры не то, что боятся, а избѣгают ставить Маскотту.

Как у Одрана была одна прославившая его оперетта, так и у Робера Планкетт (1842:1903) была одна такая же оперетта — «Корневильскіе Колокола». Она была поставлена в «Фоли Драматик» в 1877, и за 10 мѣсяцев выдержала болѣе 300 представлений. 16-го апрѣля 1878 г. шло 416 представлений; дирекція раздавала публикѣ молочные хлѣбцы и пиво. Слава «Колоколов» во время Всемирной выставки угрожала славѣ «Анго». Этот ше-

девр Планкетта, сюжетом котораго послужила старинная нормандская легенда, изобиловала прелестной музыкой, счастливыми сценическими положениями и богатством образов. Образ скупца Гаспара манил всегда больших актеров. Так, на провинциальной сценѣ, замѣчательным Гаспаром был Н. П. Новиков-Иванов. Не помню теперь, в каком «гала» спектакль Гаспара играл «великій из великих» — Ф. И. Шаляпин. В большой залѣ Корневильскаго замка, освѣщенной одной свѣчей, он высыпает червонцы из сундуков и шкатулок, дрожащими руками перебирает их, боязливо оглядываясь по сторонам

— Вот, гдѣ всей жизни моей радость,
Гдѣ наслажденье и любовь,
Вкушаю я восторг и сладость,
И закипает в жилах кровь! —

нѣтъ сильнѣе страсти, чѣм любовь к золоту! И все ему подвластно:

— Я не красив, но между тѣм,
Мог бы имѣть я цѣлый гарем.
И нѣтъ красавицы такой,
Кто б устоял при звуках пѣсни той,
Кто б устоял при звуках пѣсни той! —

Его открывают. Он сходит с ума. Вся сцена заканчивается грандиозным, «мейерберовским» ансамблем.

Оффенбах больной, растерянный, но не сдающійся, инкогнито слушает всѣ эти оперетты. Всѣ онѣ искрились «старинной французской веселостью», но все в них было по другому. Он должен был признать, что молодые соперники не уступают ему в богатствѣ мелодій, структура их тоньше, оркестровка мягче, прозрачнѣе, с чудесным употреблением деревянной группы, что так подходило к преобладающей лирикѣ новаго стиля. Но в них не было разнообразія Оффенбаха, его огня, его многограннаго образа, в котором сочетались фривольный насмѣшник, безпощадный сатирик, мечтательный романтик и танцмейстер адских балов!

5.

В 1858 г. Оффенбах с своим ансамблем приѣхал в Вѣну. Прославленный маэстро не подозревал, что его оперетты каждый вечер приходит слушать дирижер театра «Ан дер Вин». Путь был долгій, надо было переходить мост через Дунай, но это не останавливало молодого энтузіаста. Дирижер этот был — кавалер Франческо Езекиеле Ерменеджильдо Зуппе Демелли из Спалатто (1819-1895), далматинец по отцу и австріец по матери, в жилах котораго текла еще фламандская кровь. Это было роскошное дарованіе, в котором чудесно сочетались юг и сѣвер, здоровый разумок и горячая кровь, способность улекаться и мастерство формы.

Все в его комических операх было полнокровно, дышало здоровьем и весельем, как здоров и весел был этот гигант, имѣвшій исполинскій аппетит и вкус к веселой вѣнской жизни. Он начал с подражанія Оффенбаху, но его «Прекрасная Галатея» была, в сущности, буржуазкою из вѣнскаго предмѣстья, и только геній Яунера одѣл ее в античныя гирлянды амуров, плодов и цвѣтов. Его «10 невѣст» служили хорошим отдыхом вѣнскому подмастерью. Но большое полотно «Бокаччио» сверкало всѣми цвѣтами радуги на фонѣ горячаго флорентинскаго неба. Какая музыка, и какія возможности для режиссера!

Быт и костюмы Флоренціи XIV вѣка, и 3-й акт: голая площадка, выложенная мраморными плитами, и только мраморный фонтан посрединѣ. И группы флорентинских женщин — *donne gentile*, — которым Бокаччио рассказывает сказки о всемогуществѣ Амура: «*Fritti gli miei pensier parlan d'Amore*», и введенное в текст — представленіе комедіи *делль арте* — Скапино, Коломбина и Арлекин — очаровательный анахронизм, потому что эти маски появились столѣтіем позже.

Карл Миллекер (1842-1900) оставил нѣсколько шедевров, из которых «Гаспарон» и «Нищій студент» не сходят с репертуара и сегодня. «Гаспарон» был излюбленною опереттой в Россіи; всѣ распѣвали вальс о мужьях

— Муж в каждом домѣ всегда глава!
Только на дѣлѣ все вздор, слова,
Совсѣм не так,
Глядят на брак
Жены всѣ без сомнѣнья! —

Это созвѣздіе вѣнской оперетты вѣнчал Иоганн Штраус (1825-1899). Он уже был автором всемірно извѣстных вальсов, и уже возвратился из Россіи, гдѣ, в теченіе шести лѣтъ подряд, дирижировал лѣтними концертами в Павловскѣ, когда Оффенбах вновь посѣтил Вѣну. Они сидѣли послѣ спектакля в трактирѣ «Золотого барашка», и Оффенбах, искавшій всегда новых авторов для своего театра, сказал:

— «Дорогой Штраус, из вас вышел бы ютличный опереточный композитор. Пишите и пишите!»

Штраус скромно возражал, но почему бы, в концѣ концов, не попробовать? Скоро послѣдовали «Индиго», «Карнавал в Римѣ», и замѣчательный шедевр — «Летучая мышь».

В противоположность Оффенбаху, Штраус никогда не имѣл вліянія на разработку либретто; он просто не интересовался им. За него работали его либреттисты — Жене и Целль, и старый Игнац Шницер, не особенно удачно приспособившій для «Цыганскаго Барона» повѣсть Мавра Юкай — «Саффи». Они имѣли больше театральнаго опыта, больше чутья, чѣм Штраус. Послѣдній, напр., яростно возражал против дуэта «Кто нас вѣнчал», и выходнаго куплета Зупана:

— Да, писаніе и чтение,
 Совсѣм не наше назначенье;
 Меня к ним и не тянет:
 Я свиньями лишь занят.
 Я вовсе не писатель,
 Писать охоты вовсе нѣтъ.
 Свиней я воспитатель,
 А вовсе не поэт!
 Да, жизни всей моя краса:
 И жир свиной, и колбаса!! —

как пошлых и неподходящих к его музыкѣ. Между тѣм, именно дуэт и куплет в исполненіи Жирарди рѣшили успѣх оперетты. Успѣх, котораго никто не ждал. Жена Штрауса, его вѣрная Адель, часто вспоминала ужасный вечер наканунѣ премьеры. В этот вечер директор Яунер устроил раут, который больше походил на похороны. Никто не рѣшался заговорить о завтрашней премьерѣ, заранѣе обреченной на провал; никто не подошел к четѣ Штраус. Успѣх «Цыганскаго барона» был успѣхом разорвавшейся бомбы. Не один Жирарди превзошел себя в этот вечер. Вербовая пѣсня Омона:

— Руку дай, так быть должно,
 И не спорь ты даром.
 С нами вмѣстѣ пей вино,
 Будь лихим гусаром!,

и чардаш, в исполненіи Йозеффи, произвели фурор и навсегда остались популярными.

Штраус не писал музыку «ситуацій», как Оффенбах, и, может быть, Ганслик был прав, говоря, что его оперетты были скорее шопури из вальсов, полек, и просто музыки. Но это была гениальная музыка, подслушанная им у птицъ вѣнскаго лѣса и в журчаніи дунайских волн!

6.

Нѣтъ ничего удивительнаго в том, что в Россіи никогда не было создано собственной оперетты. Всѣ элементы ея были чужды *основной реалистической линіи*, русской литературы и искусства. А к 60-м годам, когда создавалась оперетта, эта линія осложнилась еще больше явленіем народничества. От искусства требовалась двоякая правда: правда о народѣ и правда для народа. То было время, когда Григорович писал «Антоня Горемыку», Мусоргскій — «Калистратушку» и «Спи, усни, крестьянскій сын», и «правдой» дышала живопись передвижников. Ни в русской жизни, ни в искусствѣ не было ни одной предпосылки для оперетты, все было ей противопоказано. Но высшіе круги и нарождающаяся буржуазія с восторгом приняли новый театральнй жанр.

Первым, поставившим оперетту Оффенбаха, был Алексан-

дринскій театр. «Прекрасная Елена» с Лядовой, затмѣвавшей, по свидѣтельству современников, Гортензю Шнейдер и Сазоновым (Парис) прошла множество раз с громким успѣхом. Увлечение опереттой охватило всѣх.

За Петербургом слѣдовала Москва, гдѣ «Елена» была поставлена в Большом театрѣ с А. М. Додоновым (Парис) и О. А. Правдиным (Аякс). Для Елены «выхватили из балета маленькую г-жу Гиллерт», которая не произвела большого впечатлѣнія. В ней не было шика Шнейдер, не было, в сущности, и внѣшних данных для Елены. Но было что то в «маленькой Гиллерт», какой то изумительный дар театра, что сдѣлало ее, потом, лучшей опереточной актрисой в Россіи

Она выступала в каскадных ролях под фамиліей Райчевой, и в ея каскадѣ было легкое опьяненіе, много лиризма, и бездна актерскаго мастерства. Как и Шнейдер, она играла в Периколлѣ мечтательных и страстных женщин Флобера. Она не была вульгарна, и, в сценѣ опьянѣнія, слѣдуя подлиннику — «je suis un peu grise, peu grise» — была только чуть весела.

Было столько грусти в ея письмѣ Периколлы:

— Хоть страсть я в себѣ поборола,
Повѣрь, дорогой, что не лгу:
До гроба твоя Периколла,
Но больше страдать не могу. —

И какая-то извѣчная женская мудрость, лукавый задор в сценѣ объясненія с Пиколло:

— Мой друг, к чему вся эта ссора?
Я, право, не могу понять.
Когда, быть может, очень скоро
Мы перестанем голодать.
Какіе будем ѣсть мы супы!
Какой обѣд нам подадут!
Дурак, дурак, и ты не понял?
Ах, Боже мой, как всѣ мужчины глупы!

Сколько очарованія было в бержереттѣ из «Корневильских колоколов»:

— Несмотря на блеск наряда,
Бѣгать по полям я рада,
Бѣгать по полям я р-а-а-а-да!
Возвращаюсь к вам сюда
Серполетт, Серполетт навсегда! —

Огромное мастерство позволяло ей создавать маленькіе шедевры в ролях трагистки, как в «Маленьком Герцогѣ», искусство танца дѣлало ее несравненной Камарго, а искусство «сказывать», то, что зовется «l'art de bien dire», позволяло и в старости блистать в куплетном ансамблѣ «Мартына Рудокопа»:

— Коль на зайца набредешь —
Не иди по слѣду,
А в оленя попадешь,
Воструби побѣду!! —

мелодрамѣ Цыпры из «Цыганскаго барона» и монологѣ англичанки в Гейшѣ, всегда прерывавшемся оваціями. Это не были оваціи молодости и красоты; это была овація таланту, который толпа всегда инстинктивно чувствует.

В 1909 г. Райчева праздновала сорокалѣтній юбилей в Воронежѣ. Замѣчательно, что, почти оторванная от столиц, она получила в этот день привѣтствія от Савиной, Далматова, Варламова, Правдина, Южина и др. корифеев. То было признаніе равными равной. И еще два признанія: Н. Н. Синельников говорил шотом, что, играя с Райчевой Периколлу, он постиг тайну опереточной игры. В годы первой войны, совсѣм не опереточный актер, и совсѣм не по поводу оперетты, Н. П. Россов — интереснѣйшая фигура стараго русскаго театра, безумный друг Шекспира, тепло помянул «изящнѣйшій, трепетный талант» Цециліи Арнольдovsky

Время, когда Ц. А. Райчева, сыграв Елену, уѣхала в провинцію, было временем созданія перваго русскаго опереточнаго ансамбля. Пionером и подлинным рыцарем оперетты был Григорій Ставрович Вальяно

7.

Путникъ, 35 лѣтъ назад, проѣзжавшій проселочной дорогой между станціями Неклиновка и Синявка, по границѣ Таганрогскаго и Ростовскаго округов, мог еще видѣть возвышающійся над густой зеленью усадьбы, купол стараго зданія. Не одни окрестные крестьяне, но и городскіе извозчики знали, что это зданіе было театром в «имѣніи господ Вальяно». В этом театрѣ разыгрывались любительскіе спектакли, героем которых был сын хозяина, обрусѣвшаго таганрогскаго грека и таганрогскаго «градскаго главы» — молодой гвардейскій офицер, до самозабвенія любившій театр.

И в один прекрасный день офицер-любитель торывает с прошлым. Он выходит в отставку, и становится антрепренером и актером.

Г. С. Вальяно начал с того, что взял в аренду два театра — в Таганрогѣ и сосѣднем Ростовѣ, и собрал очень большую и удачную труппу. Репертуар составляли драмы, комедіи и оперетты. Сам Г. С. всѣ симпатіи перенес на оперетту. Зная хорошо музыку, и владея отлично французским и нѣмецким языками, он завел сношенія с Парижем и Вѣной, получая из первых рук всѣ новыя оперетки, которыя сам и переводил. За исключеніем «Елены», «Орфея» и «Периколлы» переведенных ранѣе, всѣ оперетты ставились впервые у Вальяно в Таганрогѣ и Ростовѣ, а затѣм уже в других городах, не исключая и столиц. Работоспособность

Г. С. Вальяно была изумительной: он был одновременно директором, режиссером, переводчиком и актером труппы. Спал он не болѣе 4-х часов в сутки, болѣею частью сидя в креслѣ. Оперетты он переводил по ночам, и, обязательно, стоя за конторкой. Он сам рисовал модели костюмов, сам дѣлал макеты декораций. В огромном залѣ его квартиры шили костюмы и изготовляли бутафорію. Это был энтузіаст, дышавшій одним театром; внѣ театра его ничего не интересовало, без театра он не мог прожить ни одного часа. Он не жалѣл денег на постановки оперетт и онѣ шли у Вальяно полностью, с сохраненіем всѣх, даже второстепенных ролей, и обставлялись роскошно. «Дочь Анго» в маленьком ростовском театрѣ обошлась в 3.500 рублей, что, по тѣм временам, было просто безуміем!! 15-го ноября 1873 г. в Таганрогском театрѣ, впервые в Россіи, шла оперетта Оффенбаха — «Разбойники» с участіем двух хоров, в том числѣ хора тамошней итальянской оперы. Труды Вальяно дѣлили его вѣрные сотрудники его жена М. А. Славина, которую он увлек тоже на сцену, пом. режиссера Ив. Ив. Бецкій, Д. И. Зубович, замѣчательный актер прошлаго вѣка, начинавшій вмѣстѣ с Щепкиным в крѣпостных труппах юга Россіи, Егор Чернов, впоследствии актер Малаго театра в Петербургѣ (суворинскаго) и, тогда еще совсѣм юный, С. А. Пальм.

Жили в Ростовѣ, далеко от театра, за Сѣнным базаром, бывшей в то время глухой и небезопасной окраиной. Ѣздили послѣ спектакля на трех линейках, большой компаніей, оставляли Зубовича у его домика, против цирка Машонкина, и ѣхали дальше.

Маланья Андреевна, Славина была не только хорошая актриса, но и прекрасная хозяйка. Отыграв спектакль, в котором она являлась Чайным Цвѣтком или Орестом, она принималась за изпотвлениѣ муссака и др. южных блюд, принимавшихся с восторгом проголодавшимися гостями. Пока ужинали и веселились, Григорій Ставрович уходил в сосѣдній кабинетик писать за конторкой. Было что то дѣтски трогательное в этом зачарованном оперетоманѣ, в этом безумном другѣ театра, когда, к утру, он выходил из кабинетика, и дѣлился плодами ночных вдохновеній. Одно мѣсто в «Анго» совершенно не удалось:

— Клеретта плачет,
Что это значит?

С такими стихами можно было попасть, чего добраго, на зубок страшным насмѣшникам и юстрякам, кузенам Г. С. — братьям Алфераки. Он улыбался своими умными глазами, насмѣшливо глядящими через очки.

— Зато, послушайте баркароллу из только что полученной «Креолки» Оффенбаха:

— Зыбь по волнам едва пробѣгает,
И ярко глядят небеса.

Зефир отрадный, чуть вздымает
Морские паруса.
Вот благодатный полдень приносит
Отрадный покой морякам,
И легкий вѣтерок разносит
Их пѣнье по волнам.

И он объясняет ситуацію; в оркестръ шум морского прибора. Знойный полдень. Истомленные зрѣем, матросы поют, прислонясь к реям и мачтам плывущаго корабля. Гр. Ст. увлекается все больше, Но пора ѣхать; репетиція в девять, а Вальяно и его актеры не привыкли опаздывать!

И вот, наступил конец, который можно было предвидѣть. Несмотря на переполненный театр, Вальяно влѣз в долги, потерял состояніе, и вынужден был закрыть дѣло. Больной, с разбитыми нервами, бѣдняк Григорій Ставрович переселился в Петербург, гдѣ вынужден был подвизаться у Егарева, перед полушьяной публикой. Затѣм перекочевалъ в Москву, гдѣ его приютил Лентовскій. Здѣсь он работалъ сколько хватало сил, и скоро умер в далеком Ставрополѣ.

Он был счастлив по своему: он прошел жизненный путь, отдавшись своей страсти. Он не измѣнил ей всю жизнь. Он был идеалистом и романтиком, и вот, безжалостная машина театра раздавила его. Машина театра — безжалостна, но театр... «о, театр возвышен и очарователен, est cela n'empêche pas de sentiment», как сказал когда-то А. Р. Кугель.

Вслѣд за Императорскими театрами в Москвѣ и Петербургѣ и Таганрогским театром Вальяно — появилась частная антреприза оперетты в Москвѣ.

Первым опереточным театром был театр «Эрмитаж» М. В. Лентовскаго, в Екатерининском паркѣ, на Божедомкѣ.

Он имѣлъ громадный успѣх и приобрѣлъ массу поклонников новаго жанра.

Михаил Валентинович Лентовскій уже являлся крупной фигурой в театральном мірѣ Москвы. Послѣ громаднаго успѣха, как организатора народных празднеств во время коронаціи Императора Александра III в 1883 году, он стал очень популярным и любимцем московской публики.

Умный, талантливый артист, начитанный, с большим вкусом и фантазіей — он был бы в наше время выдающимся *metteur en scène*.

Не говоря уже о блестящих постановках оперетты, декораций, костюмов, она была обставлена лучшими силами:

А. Давыдов, I. Тартаков, М. Е. Медвѣдев (два послѣдних перешли потом в Маріинскій театр и служили оба его украшеніем), В Родон, талантливѣйшій комик, Серафима Бѣльская, Волынская, Запольская, В. Зорина.

Это были выдающіеся таланты, пользовавшіеся громадным успѣхом.

М. Лентовскій прославился также своими постановками феерій, как напр., Непса-Саиб, Лѣсной Бродяга и др., в которых он играл главные роли.

Он же пропагандировал итальянскій балет, в котором у него выступали такія звѣзды, как Дели-Эра, Ленъяни, Джури (перешедшая потом в Большой театр) и др.

Много позже, в началѣ девятисотых годов, частым гостем в Петербургѣ и Москвѣ была вѣнская оперетта, во главѣ с очаровательной примадонной Бетти Стоян, тенором Шпильман и талантливѣйшим комиком Штейнбергером, восхищавшая нас такими шедеврами Иоганна Штрауса, как Летучая Мышь, Цыганскій Барон и др.

8.

Первый опереточный ансамбль Г. С. Вальяно не ограничивался названными актерами. Много актеров, составивших себѣ блестящее имя, начинали у Г. С. Прежде всего, цѣлая галерея опереточных примадонн.

Оффенбах сказал когда то: «Так как зал невелик, и зрители будут близко от сцены, позаботьтесь об одном: чтобы женщины были красивы; остальное приложится». Вальяно слѣдовалъ этому совѣту. Но примадонны его были не только красивы, но и талантливы, образованны, увлекательны и хорошо, свѣтски, воспитаны. Н. Л. Полонская, Ц. А. Райчева, О. В. Кольцова, Т. А. Борисова, сестры Корбіэль — составили ядро этого замѣчательнаго ансамбля. Многія из них рано оставили сцену. Н. Л. Полонская, в замужествѣ, заняла видное положеніе в обществѣ, и жила в Пензѣ; одна из сестер Корбіэль — Кругловская — вышла замуж за Н. Д. Бенардаки, и салон их пользовался извѣстностью в литературных и артистических кругах Парижа.

В одно августовское утро, в сад перед театром, гдѣ только что начиналась репетиція, вошел молодой высокій брюнет, с усиками, слегка прикрывающими большой рот. У юноши оказался превосходный баритон, его выпустили Агамемноном в «Еленѣ». Это был Аркадій Эйнгорн, учившійся в Таганрогской гимназій с Чеховым, — впоследствии извѣстный опереточный и оперный пѣвец Чернов.

Тогда же пришли братья Синельниковы: рано умершій Владимір — суфлер, и Николай, впоследствии извѣстный театралный дѣятель и режиссер

«Я пѣлъ Пиколло, — вспоминает он потом эти первые дебюты у Вальяно, — и в теченіе двух часов любил, ревновал, бѣсновался от злобы, оскорбленной гордости, и испытывал счастье возвращенной любви».

Актрис было больше, чѣм актеров. На роли героев пока не было подходящих, опытных исполнителей. Роль Фальсакапа в «Разбойниках» приходилось играть самому Г. С. Меньше всего он походил на блестящаго Дюнои, игравшаго эту роль на пре-

мьере Буфф Паризьен. Вальяно немного измѣнял роль, и дал ей новое имя — Злого Горнаго Духа. Но с Парисом было труднѣе. Его положительно некому было играть. И, уступая роль Елены своей соперницѣ О. В. Кольцовой, — роль Париса играла Н. Л. Полонская. В это время многія мужскія роли исполнялись актрисами. Позже это стало традиціей, даже когда актеров хватало. Так, Гренише пѣла А. Н. Антонова, чудесная, каскадная актриса французской школы. И в тѣ годы не было строгаго раздѣленія на драматических и опереточных актеров. Тѣ же актеры сегодня играли драму, а завтра оперетту, и наоборот. А. Н. Антонова в одном спектаклѣ играла Офелію, и зрители, как зачарованные, слушали пѣснь сумасшедшей Офеліи:

— Моего ль вы знали друга,
Был он бравый молодец,
В бѣлых перьях, статный воин,
Первый Даніи боец —

М. Г. Савина, совсѣм молоденькой, играла «Днѣпровскую Русалку», в которой пѣла знаменитые куплеты:

— Мужчины на свѣтѣ,
Как мухи, к нам льнут, —

и принцессу Гермію в Синей бородѣ; В. Н. Давыдов начинал в опереттѣ и с благодарностью вспоминал потом эти годы. Именно оперетта, содержащая всѣ элементы театра, как «игры» и «представленія», открывала молодым актерам тайну сценическаго мастерства.

И многое множество других актеров, о которых вспомнит исторія русскаго театра, если она когда нибудь будет написана.

Е. Я. Недѣлин, один из тончайших и разнообразнѣйших актеров русской сцены, играл д-Обинье в «Парижских нищих», Ларета, и пѣл Пиколло и Мараскина в «Жирофле-Жирофля»:

— Вот перед вами Мараскин,
Сын Мараскина и компанія. —

А. К. Ильинскій, игравшій Маркиза в «Колоколах» и Гонтрана в «Мушкетерах», впоследствии играл в московском Малом театрѣ Урїэля Августу и Дон-Карлоса.

Драматическим и опереточным актером одновременно был Н. П. Новиков-Иванов. Многогранный, тонкій талант, — он блистал в водевилях. Извѣстный водевиль «Бродяги» с Н. П. Новиковым-Ивановым в роли Бертрана и Никифором Новиковым в роли Роберта, — не сходил с репертуара. А. П. Ленскій, в своих воспоминаніях, говорит о «замѣчательной легкости его игры» и о его замѣчательном искусствѣ «бросать слово» — *lancer le mot* — в водевильном куплетѣ. Он был неподражаем в характерных ролях, как Груміо в «Укрощеніи строп-

тивной». Его Гаспар был страшен, и, с трепетом, публика слушала балладу 4-го акта:

— Было нас пятьсот бродяг,
Мы разбоем промышляли,
Встрѣтить нас боялся всяк,
И пощады мы не знали... —

Ильинскій и Новиков-Иванов встрѣтились через два года в театрѣ Горевоѣ, в романтическом спектаклѣ «Маріон де Лорм», в котором Маріон играла Е. Н. Горева, Дидье — А. К. Ильинскій, короля — В. В. Чарскій, и Н. П. Новиков-Иванов — шута.

В тѣ годы Михаил Иванович Михайлов был еще строен и подвижен, он еще выѣзжал из Новочеркаска, и для него не надо было заказывать особых кресел на сценѣ. Он был замѣчательным Андреем Бѣлугиным, и пѣл в «Малабарской вдовѣ», и генерала в «Фатиницѣ»:

— Показать чтоб дисциплину,
Разрисую я вам спину!

В восьмидесятые годы продолжалась оффенбаховская традиція красивых женщин на сценѣ. Блестящая Е. А. Соковнина была едва ли не единственной настоящей «Еленой» на русской сценѣ:

— Что я борюсь, никто не знает,
Но кто же может устоять,
Когда Венера предлагает
Сердцами нашими играть?
Неужто, боги, вас веселит,
Коль наша честь кувырком,
кувырком полетит?

И тогда же Н. П. Новиков-Иванов открыл 19-лѣтнюю ученицу вѣнской консерваторіи Женю Кестлер. Евгения Францевна Кестлер была красавицей замѣчательной. Она дебютировала Фіаметтой, и когда А. В. Шорохова — Бокаціо, пѣла, обращаясь к ней, — знаменитый вальс:

— У нас красавиц много,
Но лучше всѣх ты,
Чиста, ясна дорога
Твоей красоты! —

зал разразился аплодисментами.

Она пѣла Марію в «Мушкетерах», в большой аріи которой много настоящей музыки, схожей немного с аріей Микаэлы в ущельи:

— Красавец не подозревает,
Что в тишинѣ
Воображенье представляет
Гонтрана мнѣ.

И этот чудесный дуэтик бѣгства:

— Милый мой, бѣжим,
Надо торопиться,
Счастьем насладиться
Не успѣем мы!,

фактура котораго так похожа на другой ансамбль «отъѣзда», — финал перваго акта «Маскотты»:

— Сядем в почтовую карету скорѣй,
Динь-динь, звенит бубенчик у лошадей! —

Среди этих актрис, была одна, вовсе некрасивая, но очаровательная, тонкая актриса — Рашель ван Лир, дочь кievскаго антрепренера Сѣтова и жена дирижера Пагани. Она пѣла и говорила прозу по-французски, и это нисколько не нарушало иллюзии. «Правда» оперетта не была реальной правдой, и не могла ею быть. Двухязычный діалог Рашель и А.Я. Чернова в «La petite magiée, » Лекока, звучал очаровательно, и имѣл громадный успѣх. В восьмидесятые годы директорство в таганрогском театрѣ, бывшем колыбелью оперетты, и поддерживавшем с честью славу перваго опереточнаго театра Россіи, перешло от Вальяно к моему отцу, Константину Николаевичу Авьерино, памяти котораго я посвящаю эти строки.

9.

В это же время расцвѣла пышным цвѣтом оперетта в Москвѣ. Маг и чародѣй — М. В. Лентовскій дал Москвѣ познаться с такой труппой, какую москвичи до тѣх пор не видѣли. В этом знаменитом ансамблѣ блистала С. А. Бѣльская, очаровательная, стройная, задорная. Ея Эрмини в «Гаспаронѣ» было трудно забыть. И сейчас она стоит перед глазами:

— Ночь была так темна,
Уже зашла давно луна,
Звѣзды мерцали лишь,
Лица не разглядишь...

Ея партнером был знаменитый комик Родон. В то время были в модѣ куплеты на злобу дня, и Родон пѣл в «Бокаччіо» куплеты о гремѣвшем тогда дѣлѣ Солодовникова:

— Над гладѣтелем Пассажа
Разразился страшный гром:
Этот миленькій папаша
Очутился под судом!
Хоть улики были ясны,
Но твердил сей муж прекрасный:
Не моя в том вина,
Наша жизнь вся сполна
Нам судьбой суждена!

Восходила звѣзда Саши Давыдова, знаменитаго премьера, а послѣ — еще болѣе знаменитаго исполнителя цыганскихъ пѣсен. Он — Антип и В. В. Зорина — Стеша, блистали в мозаикѣ «Цыганскіе пѣсни в лицахъ». Таланты-самородки, они имѣли настоящій театральный инстинкт, и создавали множество незабываемыхъ по красотѣ деталей. В 3-м актѣ «Периколлы» есть мѣсто, когда Периколла поет, обращаясь к Пиколло, что, вот, он некрасив, бѣдняжка, и то, и се, а меж тѣм...

— «Что ж меж тѣм?» — спрашивает Давыдов — Пиколло.

— «Обожаю, люблю, мой разбойник, тебя,
Так люблю я тебя, что умру я любя!»

и В. В. Зорина опускалась на колѣни, но Давыдов, не допуская этого, заключал ее в свои объятья.

Успѣхъ А. Д. Давыдов имѣл фантастическій. Он был кумиром москвичей и москвичек. Он выходил Раулем Синей Бородой в траурѣ по убитым женам — черная повязка на розовом трико:

— Супругѣ забывенной
Роскошный мавзолей,
Поставлю непременно,
И к чорту грусть о ней!! —

Было что то стихійное в его разсказѣ Париса:

— «Видѣл я мра-амо-ор плѣч бѣлоснѣжны-ы-ых!»,
и буйное веселье в пѣсенкѣ из «Малабарской Вдовы».

— У набоба друзья,
Ждет на славу угощенье,
И так много вина,
Веселитесь господа! —

Начинал великолѣпный комик, впоследствии сам антрепренер и актер — А. Э. Блюменталь-Тамарин, его жена Никитина-Тамарина — очаровательная Елена, Эвридика.

А. Э. Блюменталь-Тамарин был не только актером, но и автором многих цыганских романсов, из которых один — «Чаруй меня» пользовался особой славой:

«Встрѣтись с тобой,
Ангел ты мой,
Забуть хочу я цѣлый мир.
Ты для меня,
Радость моя,
Блаженство, рай, земной мир!»

Пѣла Р. М. Раисова, Полина Волынская, Долин. То было золотое время оперетты.

90-е годы не дали в опереттѣ ничего равнаго эпохѣ Оффенбаха, «больших» французов и вѣнцев. Целлер, и потом Легар, недавно умершій, должны были поддерживать славу вѣнской оперетты. Первый написал прелестныя оперетты «Мартын Рудокон» и «Продавец птиц», но это было только эпигонство, второй писал позже; в началѣ вѣка он дал «Веселую Вдову», имѣвшую у нас сказочный успѣх. Затѣм написал много оперетт, с прекрасной музыкой. Она была тоньше, ученѣе музыки его предшественников, создателей классической вѣнской оперетты. Гармонія и фактура ея был богаче и сложнѣе, как сложнѣе была окружающая жизнь и мироощущеніе эпохи. Но исчезла непосредственность, веселость, наивность и простота. Чувствовался упадок жанра. Но было еще много выдающихся актеров в эту эпоху. Одним из них был А. С. Полонскій, умершій в Парижѣ в 1938 г. Настоящая его фамилія была Кузьменко; он, как и Вальяно, и как многіе, потом, опереточныя актеры и режиссеры (Д. Д. Греков, И. К. Воронин, Ф. С. Яковлев), был уроженцев Таганрога (поистинѣ, Таганрог был колыбелью оперетты). Он играл в Петербургѣ, и его огромный комическій талант, его изумительная мимика создала ему необычайный успѣх. Но и ему, и другим актерам — его современникам, как — І. Д. Рутковскій, А. А. Смолина, С. О. Троцкая, Шиллинг, и позже Н. К. Дмитриева, М. Н. Дмитриев, В. М. Майскій, и многим другим, нечего было играть. Такой большой актер, как С. А. Пальм, опускался до откровеннаго балагана и непристойнаго фарса. Времена его учителя Г. С. Вальяно были далеко! Гибнул талант замѣчательнаго простака Алени Долина

В 1900 г. А. А. Брянскій открыл театр «Буфф», собрав замѣчательную по тому времени труппу, в которой играли В. М. Шувалова, Наталья Ивановна Тамара, первая исполнительница «Веселой Вдовы», Монахов, М. И. Вавич, А. С. Полонскій, Н. Г. Сѣверскій. «Веселая Вдова» прошла несчетное число раз. А. С. Полонскій пѣлъ в ней куплеты:

— Я — посланник Понтеведро
И правительство мнѣ щедро
За приказом шлет приказ,
Раз!!

Все боится, что миллионы
Перейдут в карман другому,
Выйдет замуж вдруг вдова,
Два!!

и т. д. — имѣвшіе большой успѣх.

Особое мѣсто занимала в Петербургѣ и Москвѣ польская оперетта, вѣрнѣе, польскіе актеры, игравшіе в опереточных ансамблях. Они соединяли рѣдкое мастерство, изящество, легкость, какой-то особый шик, приближавшій их к временам классической

оперетты Люцина. Мессаль, «польскій соловей» — В. В. Кавецкая, В. Г. Пюнтковская, Невяровская, игравшая неподражаемо Ореста в «Еленѣ», Катерина Наровская, Щавинскій и др. — вот имена — неизмѣнно приходящія на память, когда вспоминаешь оперетту этого времени.

Позднѣе в Москвѣ отличалась Е. В. Потопчина, чей изящный талант был чѣм то средним между комедійной тонкостью Е. М. Грановской и каскадным шиком В. М. Шуваловой. Партнером ея был Костя Греков, когда то обладавшій прекрасным баритоном, потом ставшій простаком, и, наконец, опытным режиссером, срисовывавшим свои постановки в Вѣнѣ, как, за сорокъ лѣтъ до того, дѣлал его землякъ Г. С. Вальяно.

В провинціи тоже не было недостатка в больших актерских дарованіях. Замѣчательный комик — М. Т. Чужбинов — сын Тимофея Александровича Чужбинова и его жены — извѣстных всей Россіи актеров, оставил незабываемыя воспоминанія. Это был подлинный актер, чувствующій «комическое» в театрѣ. Когда маркизом в «Гейшѣ» он, выражая гнѣвъ, подпрыгивал очень высоко, дѣлал в воздухѣ причудливый пируэт, и вновь спускался на землю; когда старшиной в «Корневильских колоколах» он с невозмутимо серьезным лицом, открывал до невѣроятных размѣров рот, чтоб показать, что и он «поет» в большом ансамблѣ, то это были приемы чистаго театра, чистаго комизма. Конец Миши Чужбинова был печальный: разбитый параличем, он потерялъ способность рѣчи, и должен был оставить сцену молодым. Каждый вечер можно было видѣть Чужбинова, пробирающагося на галерку соловцовскаго театра, чтобы смотрѣть спектакль. Лицо его выражало страх, страх встрѣтить знакомых, которые с ним заговорят, а он не в состояніи отвѣтить. Ему казалось, что никто не знает о его несчастьи; и смотрѣть он любил драмы, и часто, когда он спускался с галереи, на глазах его можно было видѣть слезы. Какая трагедія актера, один вид котораго вызывал стон смѣха в залѣ!

И, рядом с «смѣшным» Мишей, был другой «Миша» — Михаил Семенович Дальскій, изящнѣйшій из опереточных премьеров, хрупкій, с прелестным голосом. Он имѣлъ невѣроятный успѣх у женщин и платил им благодарностью: в каждом городѣ, в бенефис, он ставил оперетку «Дон Жуаны», в которой пѣлъ вальс:

— Бывал я в Курскѣ и Орлѣ
Казани, Кіевѣ, Москвѣ,
Видал я много чудных дам,
Но лучше Н-ских не видал.
Дамы, Дамы,
К вам льнем всегда мы!!.

И он вставлялъ каждый раз названіе города, — в котором шел бенефис.

Ф. П. Барвинская, С. М. Жулинская, П. И. Полинова, Аня Бертолетти, Чебышева, Щетинина, С. П. Эспе, Туманскій, В. С.

Горев, Я. Е. Градов, Глумин, Грѣхов, Дунаев и др. с честью поддерживали былую славу оперетты в это время.

II.

Как далеко было от того времени, когда Г. С. Вальяно, отдав театру все, и не получив от него ничего, кромѣ горя, умирал в далеком Ставрополѣ! Новое время, новыя пѣсни, новые вкусы!

Играли современные фарсы с музыкой, которой могло и не быть, и которые почему то назывались «опереттой». Когда то Ленок сказал, что он не понимает оперетты «в городском костюмѣ». Что, когда он видит на сценѣ актера в современном жакетѣ, ему всегда кажется, что он присутствует на скучной респетиции.

Он чувствовал, что оперетта не могла существовать, когда ожили романтики и пафос, будь то романтика разбойничьих походовъ, подвигов любви или историческаго анекдота.

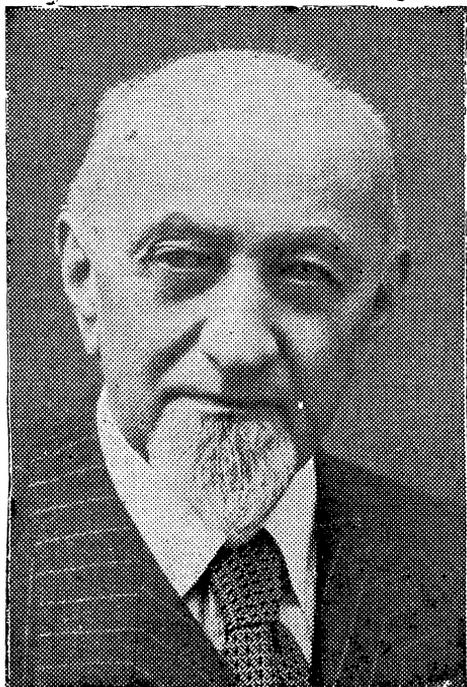
Оперетта не могла существовать без масок и сверкающих одежд театра, хотя бы под ними скрывалась современная дѣйствительность, вот как Кармен — современная опера, хотя появленіе Микаэлы в ущельи напоминает выход Алисы в «Робертъ» и романтику «Бал Маскарада».

Оперетта перестала существовать, когда умерла непосредственность и наивность чувств, и из жизни ушла радость.

Не звонят больше колокола Курневила, и в свой замок не возвращается уж давно маркиз Генрих. Мѣсто Жермен-лирической и Серполэтты-каскадной, заняли сомнительныя закулисныя дивы, баядерки и ресторанныя ведетты. Ушла безвозвратно очаровательная безмыслица старой оперетты, милая путаница стараго водевиля! Кто вернет их, кто вернет радость жизни, bukuлику и романтизм театру, тот возродит вновь оперетту.

С. К. Авьерино.

ПАМЯТИ А. А. БАШМАКОВА

На-днях исполнится 6 лѣтъ со дня смерти большого русскаго челоуѣка: Александра Александровича Башмакова.

Всѣ кому пришлось соприкасаться с этой исключитель-но обаятельной личностью, хорошо помнят статнаго, энергичнаго старца, выѣхавшаго из Россіи уже в шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, но еще болѣе четверти вѣка продолжавшаго и за рубежомъ неутомимо работать на самыхъ разнообразныхъ научныхъ и общественныхъ поприщахъ.

Не насталъ часъ, в наше все еще столь смутное время, для безпристрастной оцѣнки политическихъ теорій покойнаго и его непоколебимой вѣрности государственнымъ устоямъ великой російской державы, в строительствѣ которой его предки играли такую полезную и видную роль. Потомокъ, по женской линіи, фельдмар-

шала кн. Суворова Италійскаго, Александр Александровичъ былъ сыномъ Одесскаго губернатора А. Д. Башмакова, проводившаго в Новороссіи освобожденіе крестьянъ и другія либеральныя реформы Императора Александра II. Послѣ блестящей юридической карьеры по министерству ин. дѣл, сынъ его сталъ однимъ изъ близкихъ сотрудниковъ П. А. Столыпина, поручившаго ему, в 1906 г., главное редакторство "Правительственнаго Вѣстника". Ниже читатель найдетъ текстъ впервые появляющагося в печати письма, адресованнаго А. А. Башмаковымъ, при уходѣ его с этого отвѣтственнаго поста в 1913 г., министру внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакову, какъ представителю властей, с которыми А. А. разошелся во взглядахъ на общеимперскую политику. Здѣсь-же хотѣлось-бы только напомнить, что этотъ бывшій царскій сановникъ и представитель одного изъ древнѣйшихъ русскихъ родовъ (Башмаковы ведутъ свою родословную отъ варяга Симона,

по прозванію “Желѣзный Башмак”, основавшего в 1027 г. Успенскую Церковь в Кіевѣ) не удовольствовался одной своею “старорежимной” жизнью, а сумѣл не менѣ добросовѣстно прожить за границей и вторую, эмигрантскую, в качествѣ только что посмертно-увѣнчаннаго французской Академіей Изящной Словесности ученаго этнографа и палеонтолога.

Будучи большим знатоком-любителем в этой области еще в молодые годы, А. А. Башмаков — знавшій прекрасно цѣлую дюжину новых и древних языков и написавшій еще в Россіи нѣсколько сот этнографических статей — специализировался на старости лѣтъ в вопросах доисторической миграціи европейских народностей и возымѣл блестящую мысль частично прослѣдить ее по давно извѣстным, но никѣм еще для этой цѣли систематически не использованным памятникам древнегреческой письменности: т. н. “периплам” (на современном морском языкѣ — “лоціям”), періодически составлявшимися мореходами для плаванія по берегам извѣстных тогда морей, в частности, Чернаго, и содержащим перечисленія всѣх, до и послѣ Рождества Христова, населявших эти берега народов.

Сравненію древнѣйшаго из этих “путеводителей по Черному морю”, восходящему к 6-му вѣку до Р. Хр., с дальнѣйшими, составленными в началѣ и в 6-м вѣкѣ нашей эры, и посвящена была главнѣйшая научная дѣятельность маститаго русскаго лектора парижскаго Антропологическаго Института, а результаты этих изысканій запечатлѣны были им, послѣ долголѣтних лекцій, в двух интереснѣйших трудах: «*Cinquante siècles d'évolution ethnique autour de la mer Noire*», опубликованном изд. Гэтнером еще в 1937 г. и «*Synthèse des Périples Pontiques*», посмертно выпущенном в прошлом году вдовою покойнаго, Маріей Николаевной, при содѣйствіи того-же издателя и французскаго Национальнаго Центра Научных Изысканій.

Вот, что написал в предисловіи к этой прекрасно изданной книгѣ старый друг ея автора, извѣстный французскій общественный и научный дѣятель, б. министр коалиціонных кабинетов и предсѣдатель Этнографическаго Общества **Louis Marin**:

“Всѣ, кто слушали в Антропологическом Институтѣ столь захватывающе-интересныя и столь новыя по содержанію лекціи покойнаго русскаго ученаго А. Башмакова, будутъ безконечно благодарны его вдовѣ и издательству Гэтнер за то, что они сдѣлали доступным его многочисленным почитателям, и всей культурной публикѣ вообще, его главнѣйшій труд: Синтез Понтійских Периплов, позволяющій точно (хоть дѣло порою идет о народностях, исчезнувших двѣ тысячи лѣтъ тому назад) прослѣдить различныя этническія наслоенія Черноморских побережій, этого географическаго района, столь важнаго для выясненія происхожденія и доисторическаго развитія индо-европейских народов.

А, как уже сказано, французская *Academie des Inscriptions et Belles Lettres* присудила труду этому высоко цѣнимый специалстами приз *Saintour* за 1949 г. (нѣсколько лѣтъ перед тѣм никому не присуждавшійся), посмертно воздавая должное оригинальному и не-

утомимому, до 85 лѣтъ трудившемуся, разнообразно-талантливому русскому человѣку.

Да не забудут его и косвенно этим польщенные и благодарные ему соотечественники.

МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДѢЛ Н. А. МАГЛАГОВУ.

Ваше Высокопревосходительство Николай Алексѣевич,

Пользуясь данным мнѣ Вами разрѣшеніем в видѣ частнаго письма на Ваше имя — изложить мой отвѣтъ на поставленную дилемму: или отказать от выслушаній по славянскому вопросу — или уволиться в отставку, я повинуюсь голосу моей совѣсти и выбираю послѣднее.

Я ни минуты не сомнѣваюсь, в том, что Правительство в правѣ требовать не одной только безукоризненной службы от каждаго из своих старшеников, но также и подвига молчальника, смотря по обстоятельствам. Поэтому позвольте засвидѣтельствовать, что распоряженіе, имѣющее пресѣчь мою 27-лѣтнюю службу, я встрѣчаю безропотно. Но, вмѣстѣ с тѣм, я поирону позволенія мотивировать то рѣшеніе, в силу котораго я свое личное благополучіе приношу в жертву моим убѣжденіям.

Было время, когда служеніе славы и силъ Царя и Отечества было понятіе нераздѣльное и незыблемое. Внук, умирая за этот идеал, был гарантирован в том, что он не разрушает свѣтлых дѣяній дѣда.

Нынѣ, сохранилась та же формула; но это только блестящій щит, за которым содержанія нѣтъ, или же оно вѣчно колеблется и само себя противорѣчит.

Как я имѣлъ честь изложить Вам на словах, революція — побѣжденная только в наружных проявленіях, заѣдает хронически самое начало правительственной власти.

Неопровержимые примѣры недавняго прошлаго вселили в рядах радикально-оппозиціонных слоев населенія убѣжденіе, что, убивая выдающихся государственных дѣятелей (Плеве, Столыпина и др.), они дѣлают все не бесполезное дѣло, т. е. курс государственнаго корабля вслѣд затѣм мѣняется к их выгодѣ. Одновременно с тѣм, происходит нѣчто хотя хелѣ замѣтное, но страшное по своим неминуемым послѣдствіям: складывается привычное в верхах представленіе о том, что с дойяльно настроенными волнами и кругами общественной жизни можно и не считаться, именно потому, что они не в состояніи сдѣлаться опасными. Таким образом сложилось как бы внутреннее предопредѣленіе того, что власть, повторяя старыя консервативныя формулы, незамѣтно идет на буксирѣ революціонной идейности.

Внутри Имперіи идет глухая, неустанная борьба: под инородческим натиском — вывѣтривается самая кладка построеній Петра Великаго. Разрушеніе не может не идти вперед, а именно вот почему: а) на сторонѣ атакующей — вѣрность каждаго инородца-сепаратиста своему флагу и неминуемость того, что свои не выдадут; б) на нашей (т. е. на государственной сторонѣ) измѣна почти поголовно всей интеллигенціи, всей литературы, мысли, кафедры, книги — и громѣ того ненадежность того чино-

вно-государственного аппарата, который знает, что сама правительственная власть, как флюгер, будет завтра карать за то, что сегодня поощряет, или наоборот.

Естественно складывается, при таких условиях, тип людей, ловящих всякій вѣтер как флюгера.

Постараемся угадать куда идет — за предѣлы ближайшаго горизонта при таких условиях — русская государственность, твореніе Петра. Отвѣтъ один: к гибели, с постепеннаго соучастія правительственнаго аппарата.

Не сочтите это за уклоненіе от прямой цѣли моего письма. Весьма прочными внутренними связями эти вопросы соединяются с тѣм, что происходит в международном положеніи Россіи. Славянскій вопрос — лишь одна из чувствительных пластинок, которыя нѣжныѣ воспринимают эти едва видимые, я сказал бы “ультрафіолетовые” лучи политическаго міра. И эта пластинка отсылает нам тот же образ смерти, по крайней мѣрѣ в том направленіи, куда мы сейчас идем.

Сила, подчиняющая себѣ сейчас все мое существо, не есть какое-либо узкое настроеніе, подобно тому, как грѣшно было бы считать односторонним заблужденіем то чувство, с которым умирал Столыпин в Кіевѣ, Щербина в Митровицѣ, Макаров на “Петропавловскѣ”. Это — чувство поднятой русской души вслѣдствіе аналитически-понятаго долга. По этот долг иной раз выливается в форму государственнаго служенія, иной раз, как в данном случаѣ для меня, он принимает внѣ-служебную форму.

Четверть вѣка я изучаю ту область проявленія зарубежных интересов Россіи, которая сейчас привлекла вниманіе всего міра на Балканах. По мѣрѣ того, как истина обрисовывалась в моем опытѣ, я ее излагал. Когда я изслѣдовал в 1899 г. Македонію и издал затѣм свою книгу о ней, я подверг свою карьеру потрясенію при Графѣ Ламсдорфѣ; но она временно укрѣпилась благодаря тому милостивому вниманію с которым Государь Император изволил отнестись к моему докладу, прочтенному им в ноябрѣ 1899 г. Вслѣд затѣм, послѣдовали мѣропріятія в финансовой поддержкѣ болгарскаго княжества против закабаленія его Австріею — в полном согласіи с моим докладом. Впослѣдствіи, когда Граф Ламсдорф пожелал узнать мою оцѣнку неудачной мюрцигетской системы реформ, я с полной откровенностью ее раскритиковал, как вредную православному славянству и Россіи, но полезную только для Австріи и Турціи.

Уйдя из вѣдомства иностранных дѣл, зная, что в нем никогда не пожелают использовать приобрѣтенныя и накопленныя свѣдѣнія и силы, я нашел в почетном, но безцвѣтном пристанищѣ “Правительственнаго Вѣстника” мѣсто, гдѣ казалось — меня не достигнет сила старых счетов с представителями дипломатіи, ненавидящими во мнѣ поборника славянскаго идеала в политикѣ Россіи. Функціи, возложенныя на меня по “Правительственному Вѣстнику” казались до того безразличными, с точки зрѣнія этих вопросов, что я многіе годы не чувствуя ударов по личному благополучію, мог не мало поработать в излюбленной отрасли знаній. В 1908 году я изслѣдовал положеніе затравленных наших сербских единовѣрцев в наиболѣе недоступной части дикой Албаніи; это тот узел, в котором совершаются, при участіи Австріи, непрерывныя преступленія, ради разрушенія основаній исторической роли Россіи. Мои изслѣдованія в этой не-

вѣдомой странѣ я позволю себѣ Вам представить в видѣ моей книги “В странѣ диких Гегов”.

Во время анекдотнаго кризиса Босно-Герцеговины 1908-1909 гг., я громко выступал в средѣ Славянскаго Общества, в цѣлом рядѣ рѣчей перед тысячами слушателей и в печати. Но и тогда фатальной коллизіи с моей должностью не было. Наконец, в нынѣшній балканскій кризис я счел тѣм болѣе своим долгом стоять за то, что мы всѣ, славянофилы, считаем священнымъ призваніемъ Россіи, что в этомъ подъемѣ сердецъ славянскіе народы чувствуютъ нѣчто большее, нежели простую партійную агитацію. Они в этой непрерывности историческаго чувства къ нимъ усматриваютъ преемственную цѣнность русскаго народа, независящую отъ случайныхъ вѣяній.

В этой силѣ духа, в этомъ залогѣ нашей цѣнности и историческаго значенія нашего народа в будущемъ — естественные союзники Россіи нуждаются для того, чтобы противостоять чувству презрѣнія къ Россіи, которое растетъ изъ года в годъ за границую. Насъ всегда ненавидѣли, насъ всегда страшился Западъ, но никогда не было того, что теперь: насъ презираютъ... И не за Цусиму, не за развалъ нашихъ силъ — нѣтъ, а за то, что политика наша сбѣетъ сознание, увы, растущее с каждымъ днемъ, что выгоднѣе быть врагомъ, нежели другомъ Россіи, потому что возникло понятіе новое, которое прежде не было — именно что мы выдаемъ своихъ друзей и служимъ интересамъ Австріи, вѣкового соперника и врага.

Не буду утомлять долѣе Ваше Высокопревосходительство. Мнѣ кажется, что предыдущіе доводы неотразимо подкрѣпляютъ ясную теперь и в Вашемъ сознаніи, невозможность для меня согнуть свою душу. Я предпочитаю видѣть разрушеніе того благополучія, которое я построилъ в моей жизни 30-лѣтнимъ трудомъ, нежели отказаться отъ исполненія того, что я считаю долгомъ своей совѣсти.

Позвольте в заключеніе, отстранить отъ себя тѣнь одного послѣдняго упрека, будто дѣятельность моя “антиправительственная” — потому что она затрудняетъ работу Правительства, в тяжелую годину. Всею душою желаю напротивъ оказать мощное содѣйствіе Правительству моей Родины и моего Государя, в самой зыбкой и трудной области международныхъ осложненій, сознавая, что на насъ надвигаются грозныя событія, которыя потому столь неминуемы, что мы ускоряемъ эту гибель безпринципной слабостью нашей внѣшней политики. Между тѣмъ, кто же будетъ отрицать, что при безпрограмности нашей внѣшней политики, самый честный, самый вѣрный способъ оказать Правительству единственную помощь, в которой оно нуждается, это — высказать правду громко и нелицемѣрно, а за нее быть готовымъ хотя бы и погибнуть.

Пользуясь случаемъ прошу Ваше Высокопревосходительство принять отъ меня увѣреніе в совершенной моей преданности и глубокомъ уваженіи.

А. А. Башмаков.

21 января 1913 г.

ВОЗСТАНОВЛЕНИЕ СОВѢТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В своей рѣчи по радио 9-го февраля 1946 г. Сталин так опредѣляет задачу совѣтской промышленности.

“В противоположность капиталистическим странам, которыя прежде всего развивают легкую промышленность, сов. правительство направляет свои усилія на развитіе тяжелой промышленности, так как без нея невозможно обезпечить безопасность страны”. Он указал далѣе необходимую минимальную годовую ея производительность в слѣдующих цифрах:

Чугун	50.000.000	тонн
Сталь	60.000.000	”
Уголь	500.000.000	”
Нефть	60.000.000	”

и добавил “только при достиженіи такой производительности наша страна может быть гарантирована от случайностей”. Он допускает, что выполнение подобной программы потребует три “пятилѣтки”, а, может быть, и болѣе.

Приведенныя цифры необходимо сопоставить с приводимыми ниже данными о производительности в настоящее время и заданиями первой послѣвоенной “пятилѣтки”, чтобы видѣть, как велик путь, отдѣляющій дѣйствительность от поставленной цѣли.

Цифровой материал, послужившій основаніем настоящаго обзора, взят из совѣтских данных, поскольку они оказались доступными по эту сторону “железнаго занавѣса”.

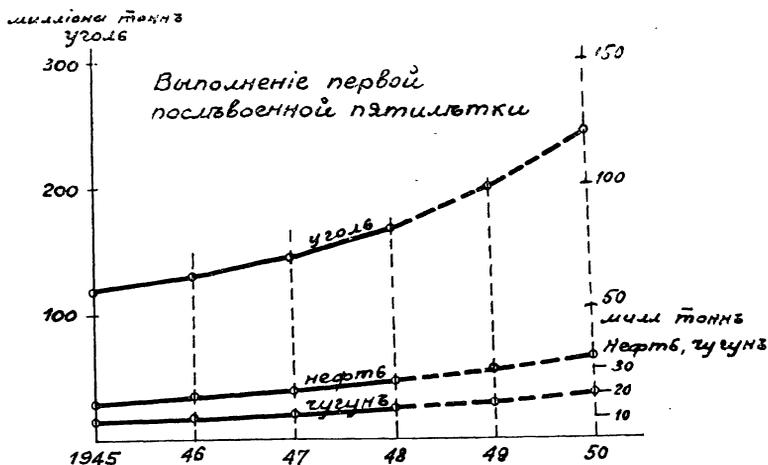
В отношеніи сов. отчетов, надо указать, что они явно составляются в цѣлях пропаганды, не дают никогда абсолютных цифр, а процентныя соотношенія даются при мѣняющихся исходных данных, так что задача приведенія отчетов в удобопонятную для западнаго читателя форму равносильна разрѣшенію трудной крестословицы, к которой ключ к тому же отсутствует (См. «The Economist» 1948, стр. 974).

Приведем, послѣ сдѣланных оговорок, данныя по первой пятилѣткѣ (1945—1950) в том видѣ, как они изложены в цитированном журналѣ.

Производство в абсолютных цифрах и милл. тонн.

	1945	1948	1950 план
Чугун	7—8	11—12	19.5
Сталь	12	18	25.4
Уголь	120	170	250
Нефть	15—16	22—24	35
Электр	40	60	82

милліард. к. в. ч.

Фиг. 1

По тѣм же данным, но в процентных соотношеніях, производство тяжелой советской промышленности представляется в слѣдующем видѣ (если принять производство в 1940 году за единицу): по плану в процентах:

Годы	1940	1945	1946	1947	1948	1950
Выработка во всей Сов. Рос. в зап. район. бывш. под Герм. оккуп.	100	58	70	92	114	148

Приведенная выше таблица соответствует слѣдующей выработкѣ основных матеріалов и силы в процентах, при чем в этом случаѣ за единицу принята выработка 1945 г.

	1945	1946	1947	1948
Чугун в болванках	100	112	128	150
Стальные отливки	100	109	119	149
Прокатная сталь	100	113	130	164
Уголь	100	110	123	140
Нефть	100	112	133	145
Электричество	100	110	126	145
Цемент	100	185	259	339
Лѣс	100	106	133	153

Такое построение таблиц явно показывает желаніе их авторов подчеркнуть успѣхи уже первых годов первой послѣвоенной пятилѣтки. Тѣм не менѣе бросается в глаза значительная разница между продукціей, достигнутой в 1948 г. и заданіем 1950 года. Возможно, однако, что в послѣдніе годы этой пятилѣтки начнут дѣйствовать новые, нынѣ

сооружаемые заводы и фабрики, и таким образом, прирост производства будет значительнѣе.

Этого, однако, нельзя сказать про добычу нефти, здѣсь отставаніе слишком велико, нѣтъ никаких перспектив на рѣзкое улучшеніе и, к тому же, опыт довоенных пятилѣток показал постоянное недовыполненіе плановых заданий в этой области, весьма существенной для всего хозяйства Сов. Россіи.

Нижеприводимая таблица показывает рост производства нѣкоторых предметов промышленнаго характера в процентах.

	1945	1946	1947	1948
Тракторы	100	172	359	696
Земледѣльч. машины ...	—	100	206	430
Грузовики	100	138	180	257
Электр. двигатели				
до 100 к. в.	100	169	257	385
свыше 100 к. в. ...	100	138	192	253
Станки	100	134	174	205
Ткацкое оборудование ...	100	3.200	—	—
Искусст. удобрение	100	152	205	293
Красящія вещества	100	129	186	251

В этой таблицѣ желаніе подчеркнуть успѣхи первых лѣтъ пятилѣтки особенно замѣтно и 1945 г. выбран именно потому, что в теченіе этого года фабрикація нѣкоторых предметов была мала или (как, на примѣр, ткацкое оборудование) почти отсутствовала. Производство, отнесенное к 1940 году, дает значительно меньшій, но все же замѣтный прирост, который доказывает серьезныя усилія возстановить довоенный уровень и подойти к заданію пятилѣтки.

В то время, как прирост производства предметов промышленнаго характера составляет, как видно из вышеприведенной таблицы, от 250 до 600% %, прирост производства предметов широкаго потребления (широтреб) не достигает, в среднем, и 200% %, что видно из нижеприводимой таблицы:

	1945	1946	1947	1948
Хлопчато-бум. издѣлія	100	117	156	184
Шерстяныя "	100	130	173	218
Кожаныя "	100	128	176	220
Бумага	100	161	201	239
Мясо	100	118	—	—
Сахар	100	100	210	—
Жиры животныя	100	169	189	223
Жиры растительныя	100	119	167	178
Мыло	—	100	128	174
Розничная торговля	100	130	152	200

Из таблицы видно критическое положеніе в производствѣ и сахара и мяса. Таблица не дает данных о домостроительствѣ, хотя наибольшее стѣсненіе населеніе послѣ войны испытывает в этом отношеніи (на Украинѣ, напр., многіе еще живут в землянках военнаго времени). По

другим данным, постройка домов, в течение первых трех лет пятилетия, составила не больше 1/3 намеченного по плану для этих годов строительства, почему можно предвидеть, что план не будет вообще выполнен несмотря на начало постройки домов фабричного производства. (préfabriqués).

Число рабочих возросло с 27 до 33 миллионов, т. е., достигло цифры, намеченной по плану на 1950 год. Такая цифра уже на 25% выше довоенной, благодаря, как увеличению числа рабочих, так и продолжительности рабочего времени.

Выше было указано, что продукция всей промышленности должна по заданию в 1950 году достигь довоенного уровня (1940 г.). В своей речи, в годовщину октябрьской революции, в прошлом году, Мологов сказал, что благодаря исключительному урожаю, этого года, земледелие уже достигло этого результата. Поэтому, можно предполагать, что и национальный доход С. Р. достиг опять уровня 1940 г.

Заметим, что только национальный доход значительно превышает этот уровень может позволить С. Р. залечить раны, нанесенные войной, восстановить производственный аппарат, повысить, хотя бы незначительно, уровень жизненных потребностей населения и предназначить известную часть национальных ресурсов на военные надобности.

Пятилетний план предполагает, что национальный доход в 1950 г. будет на 38% выше довоенного.

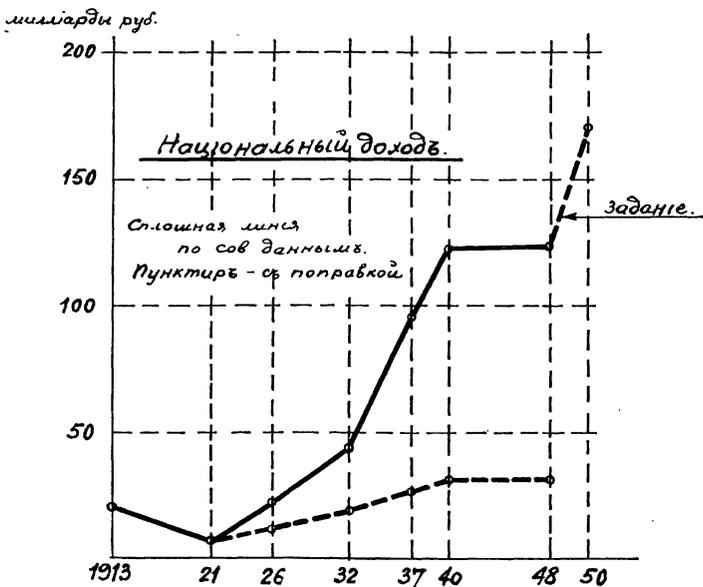
Возникает вопрос, как он выражается в абсолютных цифрах, как можно его сравнить с национальными доходами других стран и в какой пропорции он распределяется на потребности населения, государственные потребности мирного времени и, наконец, на военные надобности.

Отвѣтить на поставленные вопросы пытались многие известные экономисты англо-саксонских стран и ниже мы приводим результаты таких работ. Предварительно отмѣтим, что в этой области особенно чувствуется это затруднение, о котором мы говорили выше, вытекающее из советских статистических приемов. Достаточно указать, что цифры в них даются в твердых цѣнах 1926/27 года, тогда как сов. рубль давно потерял покупательную способность этих годов и его цѣнность в 1948 году понизилась, по крайней мѣрѣ, в четыре раза*).

В приводимой ниже таблицѣ национальный доход Сов. Россіи дан в твердых цѣнах 1926/27 годов согласно советским данным:

	Миллиард. руб.	% к 1913 году
1913	21	100
1921 (Конец гражд. войны)	8	38
1926 (Середина НЭП-а) ..	22	103
1932 (Конец первой пяти- лѣтки)	45	217
1937 (Конец второй пятил.)	96	459
1940	128	614
1948 (Предположит.)	130	—
1950 (Намѣч. по пл.)	177	843

*) Уже больше 20 лет сов. статистика не дает отчетов о движении цѣн основных продуктов.

Фиг. 2

Из таблицы слѣдует, что національный доход в 1940 г. был в шесть раз выше 1913-го года. Но если сдѣлать поправку, соответствующую падению покупательной способности рубля, т. е. подойти к дѣйствительной цифрѣ національнаго дохода, то это увеличение будет не в шесть, а всего в полтора раза. Таким образом, дѣйствительный, отвѣчающій реальным цѣнам продуктов потребления, національный доход Сов. Россіи в 1940 году (до начала второй мировой войны) будет всего на 50% выше этого дохода в 1913 году. Эта цифра находит подтверждение в трудах Харвардскаго Университета, а именно в работѣ Колин Кларк, который нашел, что національный доход в 1938 г. был не болѣе, как на 50% выше 1913-го года*). Отмѣтим, однако, что другіе статистики дают болѣе высокія цифры, однако, всѣ они признают, что совѣтскія исчисления грѣшат преувеличеніем.

Любопытная попытка была сдѣлана *И. А. Баран* для сравненія національнаго дохода Сов. Россіи с Соединенными Штатами Сѣв. Америки. Из сдѣланнаго сравненія слѣдует, что нац. доход Сов. Россіи в 1940 году составляет 0,4 американскаго. Этот доход на одного жителя, по его исчисленіям, состоял: в Сов. Россіи 153 доллара, в Сѣв. Америкѣ — 600 долларов, т. е. в 4 раза болѣе. К этому нужно добавить что за время войны *реальный* нац. доход в Соед. Штатах (за 5 лѣт послѣ 1940 года) увеличился на 50%, т. е. достиг в 1947 г. 900 долларов на жителя, тогда как в Сов. Россіи в наиболѣе благоприятных обстоя-

*) В 1938 г. началось усиленное вооруженіе, а потому, исключая военные (непроизводительные) расходы, можно принять, что реальный нац. доход 1940 г. не превышал цифры 1938 г.

тельствах в 1948 г. он достигнет лишь цифры 1940 г., т. е. будет в 6 раз ниже.

Англо-саксонские экономисты задают себе вопрос, как в этих условиях Сов. Россия, базируясь исключительно на свои собственные экономические силы, может соперничать с Соед. Штатами С'в. Америки? Между тем, такое соперничество налицо, и экономистам ставится вопрос, выяснить, или, в'рнѣе, угадать те способы, которыми пользуется сов. правительство для р'шѣнія этой грандіозной задачи.

Посмотрим теперь как этот вопрос представлен упомянутым экономистом.

«The Economist» в номерѣ от 25.XII.48 дает слѣдующія цифры національного дохода Сов. Россіи в 1948 г., в предположеніи, что сов. рубль этого года составляет 25% золотого рубля 1926 года.

1. Частное потребление	314 миллиард.	60 %
2. Чистый прирост націон. капитала ..	109 "	21 %
3. Государств. оборона	66 "	12,5 %
4. Образование запасов	31 "	6 %
Общій національный доход	520 "	100 %

«The Economist» отмѣчает что частное потребление на 10% ниже соответствующих данных для Великобританіи, тогда как прирост національного капитала, прим'рно, на те же 10% бол'ше соответствующих цифр англійской статистики. С другой стороны, капиталовложения в предприятия государственной обороны на 50-75% бол'ше в Сов. Россіи, ч'м в Англии или Америкѣ, даже по сравнению с годами, когда такое финансированіе шло наибол'ше интенсивно. Можно предполагать, дал'е, что значительная часть капитала, указанного в таблицѣ, как "прирост" (пун. 2 таблицы), идет так'е на усиленіе государственной обороны. Однако, не имѣется никаких данных, чтобы опред'лить хотя бы с грубым приближеніем, разм'ры таких капиталовложений.

Можно, однако, считать, что, по крайней м'рѣ 13-14% общаго національного дохода идет на надобности обороны, против 6-8% на ту же надобность Великобританіи или Соед. Штатов. Относя эти данныя к абсолютным цифрам національного дохода, указанным выше, необходимо придти к заключенію, что, несмотря на большія жертвы сов. населенія, Сов. Россія значительно отстает от англо-саксонских стран*).

Обращает на себя вниманіе пун. 4 таблицы "образование запасов", которое составляет 6% общей суммы національного дохода. Эти запасы состоятъ из продовольствія, сырья для промышленности и топлива. Вообще, такіе запасы являются необходимыми для обезпеченія нормальных условий жизни и работы предприятий, напр., в зимнее время, когда р'чной транспорт отсутствует, а жел. дороги испытывают серьезныя затрудненія. Но, кром' того, накопленіе таких запасов показывает, что

*) В самое последнее время стали доступны н'которыя новыя данныя. Из доклада Сов. Министра Финансов, А. Г. Зв'рева, можно видѣть, что на оборону расходуется около 20% нац. дохода, а не 14%, как несрѣтчески было подсчитано автором статьи в «The Economist».

Сов. Россія уже начала возобновленіе запасов военного характера. Ея руководители помнят, что только благодаря таким запасам, сдѣланным в 30-ых годах, Сов. Россіи удалось выдержать войну, несмотря на занятіе непріателем огромных пространств и несмотря на временную потерю промышленных районов исключительнаго значенія для обороны страны *).

ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.

Уже с самаго начала пятилѣток, Сов. Россія испытывала серьезные затрудненія в выполненіи промышленной программы вслѣдствіе недостаточнаго развитія своего земледѣлія. Это может с перваго взгляда показаться парадоксальным, если вспомнить, что Императорская Россія была житницей Европы. Однако, это неоспоримый факт. Императорская Россія могла быть главнѣйшим экспортером сельско-хозяйственных продуктов вслѣдствіе того, что городское населеніе было немногочисленно и вслѣдствіе того, что потребление сельскаго населенія было меньше. В теченіе послѣдних десятилѣтій перед второй міровой войной городское населеніе Сов. Россіи увеличилось на 25-30 милліонов, без пропорціональнаго увеличенія сельскаго населенія. Этот факт, в связи с вѣроятным увеличеніем пищевого потребления сельским населеніем, вслѣдствіе измѣнившихся условій работы этого послѣдняго (механизация), в корнѣ измѣнил соотношеніе между потребленіем и производством и не только лишил Сов. Россію возможности что-либо экспортировать, но явился тормозом для развитія промышленных предприятий.

Такое положеніе еще болѣе ухудшилось за время второй войны, вслѣдствіе огромных потерь, понесенных наиболѣе хлѣбородными мѣстностями Россіи во время оккупации.

Сбор зерновых продуктов в 1944 году был не болѣе 50-70 милл. тонн. В 1946 году засуха удержала этот сбор, несмотря на восстановленіе посѣвов на югѣ Россіи, на уровнѣ 60-70 милл. В 1947 г. он поднялся до 100 милл. тонн. По заявленію Молотова, сбор 1948 года достиг уровня 1940 г., т. е. должен быть около 120 милл. тонн, хотя, согласно тому же заявленію, площадь посѣвов еще не достигла довоенных размѣров, и огромныя потери в тракторах и других сельско-хозяйственных машинах еще не были пополнены. Возможно, что это заявленіе преувеличивает достигнутые результаты. Однако, статистика показывает, что послѣ исключительных засух на югѣ Россіи, почти всегда слѣдуют исключительные урожаи. Кромѣ того, новые тарифы оплаты сельско-хозяйственного труда, введенные в началѣ 1947 года, по которым заработная плата поставлена в прямую зависимость от размѣра урожая, могла также оказать вліяніе на результаты сбора хлѣббов.

Однако, и теперь, указанное выше несоотвѣтствіе между производством и потребленіем, продолжает существовать, и это несоотвѣтствіе

*) Приписывать рѣшающее значеніе этим запасам, однако, не приходится. Помощь союзников на сумму 11 милліардов долларов, кот. теперь Сов. Россія должна Америкѣ, имѣла в этом отношеніи большое значеніе.

особенно замѣтно в области животноводства. Ниже приводимая таблица показывает положеніе в этой области:

	Лошадей. Рог. скота, Бараны и овцы, Свины			
	в м и л л и о н а х			
1929	34.6	67.1	147.0	20.4
1938	17.5	63.2	102.5	30.6
1943	8.8	31.0	61.0	7.6
1945	10.5	47.0	69.4	10.4
1950 задание	15.3	65.3	121.5	31.2

Наблюдаемый в таблицѣ регресс объясняется огромными потерями при коллективизации, начала 30-х годов и во время военных дѣйствій. В результатѣ этих потерь сельское населеніе попало в полную зависимость от правительственных машино-тракторных станцій.

Итак, если до войны промышленная дѣятельность тормозилась недостатком сельско-хозяйственного производства, то теперь недостаток промышленной продукціи замедляет возстановленіе сельско-хозяйственной дѣятельности. Сов. отчеты не дают дальних о потребленіи нефтяных продуктов машино-тракторными станціями. Очень сомнительно, что при весьма ограниченной добычѣ нефти (22-24 милл. тонн в 1948 г. и 35 милл. тонн по плану на 1950 г.*), эти станціи могли получить необходимое им количество бензина и смазочных масел.

Задача возстановленія скотоводства в Сов. Россіи представляет особья трудности так как нельзя забывать, что даже рекордный урожай 1940 или 1948 годов всего на 50% выше нормального урожая Императорской Россіи, а потому пока нѣтъ никакого избытка сельско-хозяйственных продуктов, которые можно было бы выдѣлить на развитіе скотоводства. По этим причинам нельзя ожидать существеннаго улучшенія в области сельскаго хозяйства ранѣе пятидесятих годов.

Опубликованныя в послѣднее время данныя приводят англо-саксонских экономических обозрѣвателей к заключенію, что Сов. Россія в экономическом отношеніи была к концу войны наканунѣ полного истощенія. Скопленные в 1940 году продовольственные запасы для городского населенія были, примѣрно, в 3 раза больше, чѣм во время войны 1914-18 годов, но, как было указано выше, численность этого населенія была в то же время в 3 раза больше. Паденіе Императорской власти эти обозрѣватели склонны приписывать продовольственным затрудненіям, возникшим в 1917 году.

При тѣх же, если не худших, условіях, во вторую войну сов. власть удержалась, что надо приписать свойствам тоталитарнаго режима, не допустившаго, чтобы голод городского населенія сдѣлался опасным (жены рабочих не бросали хлѣбные хвосты, чтобы участвовать в революціонных демонстраціях).

Опыт войны показал сов. правительству абсолютную необходимость сдѣлать рѣшительное усиліе для развитія земледѣлія в самом ближайшем будущем.

Катастрофическая засуха 1946 года была дополнительным преду-

*) Против 220 милл. тонн Соед. Штатов.

преждем. Замѣтим, что хороший урожай 1948 г. был бы еще лучше, если бы не засуха, постигшая обширные районы нижней и средней Волги. Больше трети земледѣльческаго района Сов. Россіи подвергается періодическим засухам, или обезцѣнивается образованием оврагов. Это объясняет то значеніе, которое совѣты придают многолѣтнему плану ирригаціонных работ и облѣсенію, по которому предполагается отвести часть Волги от Куйбышевской (Самарской) гидро-электрической станціи для орошенія Заволжья и засадить 150.000 десятин между 1950 и 1960 годами.

Постепенное перемѣщеніе промышленных центров в сторону Урала и за него, создали новую тяжелую проблему. Недостаточно увеличить общее производство сельско-хозяйственных продуктов, нужно, чтобы это увеличеніе наблюдалось вблизи новых промышленных центров. Возникает вопрос, поскольку земледѣльческій район может быть сдвинут на сѣвер и на восток. Все будущее внутренней колонизаціи Россіи зависит от рѣшенія этих вопросов, политическое и экономическое значеніе которых не подлежит никакому сомнѣнію.

Предстоящая Россіи задача не имѣет прецедентов в колониальном опытѣ других стран, так как ни одна нація не вела подобных работ при столь неблагоприятных климатических условіях.

П. Дмитренко.

Д Ъ Л А И Л Ю Д И

“ЯЗЫК ФАКТОВ И СИЛЫ”

Как это ни парадоксально, но практические результаты самого важного дипломатического события за последние месяцы — парижской конференции “четырёх великих” — не заслуживают даже изложения в виду их полной бессодержательности. Английский министр иностр. дѣл Бевин, как это и можно было ожидать, в полном согласии со своими коллегами, выразил удовлетворение всѣм происшедшим, но в его словах ясно чувствовалась недоговоренная фраза: “могло быть и хуже...” Болѣе откровенным оказался президент Трумэн, который, выразив свое разочарование в слабых успѣхах конференции, возложил за это отвѣтственность на Совѣтскій Союз. Само собой разумѣтся, что Вышинскій заявил корреспонденту “Правды”, что, если, что и вышло, то только благодаря инициативѣ и уступчивости СССР и вопреки западным державам, — но к заявлениям Вышинскаго никто — и даже в Москвѣ — серьезно не относится.

Видный французскій журналист Раймон Арон (“Фигаро” 7.6) помѣстил большую статью под заглавіем: “Можно ли вести переговоры с СССР?”, гдѣ он отвѣчает отрицательно на поставленный вопрос и говорит: “Эксперты (Объединенных Націй) не смогли распутать денежной неразберихи в Берлинѣ, послы в Москвѣ ничего не добились от Сталина, но “воздушный мост” и контр-блокада убѣдили, в концѣ концов, людей Кремля. Они никогда не будут слушать аргументов дипломатов, но быть может настанет день, когда им придется прислушаться к языку фактов и силы.

НЕУДАЧИ ТОВА. ВЫШИНСКАГО

Попутно, Раймон Арон дает уничтожающую характеристику дипломатических приемов Вышинскаго. “Методы г. Вышинскаго построены на прямо обезоруживающей простотѣ. Когда заданный вопрос его смущает, то он на него не отвѣчает. Когда какой либо факт ему неприятен, то он его отрицает. Когда обсужденіе грозит стать для него затруднительным, то он начинает читать курс исторіи или права и доказывает всѣ преимущества общаго контроля и принципа единодушія”. Техника Вышинскаго, по мнѣнію сотрудника “Фигаро”, это — “техника обструкціи и лжи”. “Когда главный прокурор на московском процессѣ произносил свою обвинительную рѣчь против Бухарина или Зиновьева, он оперировал ложными фактами, лгал и знал, что лжет. Когда тешерешній министр ин. дѣл СССР заявляет, что в совѣтской зонѣ существует свобода, он лжет и знает, что лжет”.

Но на этот раз “игра” Вышинского была разгадана еще до начала конференции и американский гос. секретарь Эчесон не постылся сказать, что “в рѣчах г. Вышинского пропаганды столько же, сколько блох на собаках, при чем из за блох не видно самой собаки”.

В Парижѣ Вышинскій попробовал повторить прием своего великаго учителя Сталина и “вбить клин между союзниками”. Сталин, как известно, в своем письмѣ к Генри Уоллесу, а потом в заявленіях, сдѣланных им американскому журналисту Кингсбюри Смигу безуспѣшно пытался разорвать союзный фронт и отколоть Америку от Англии и Франціи. Вышинскій на этот раз принялся за Францію и намекнул Роберу Шуману, что СССР выдаст французских коммунистов с головой, если только Франція согласится, хотя бы иногда, поддерживать СССР на совѣщаніях министров ин. дѣл. Французскій министр счел лишним отвѣчать на подобныя предложенія, но дал понять, что Франція остается в тѣсном союзѣ с Англіей и Соед. Штатами.

Вышинскій сам чувствовал неуспѣх своей “дипломатіи” и на частном обѣдѣ, в присутствіи Эчесона, крайне нервничал и все время говорил о том, что он с радостью бросил бы заниматься внѣшней политикой и отдался бы своему настоящему жизненному призванію — праву. О том, как Вышинскій понимает право, достаточно ясно показали знаменитые московскіе процессы, на которых он выступал. Возможно, что совѣтскій прокурор-дипломат уже предвидит скорую опалу: не даром, по словам “Юнайтед Нэшн Уорлд”, во время парижской конференции ему не удавалось, несмотря на отчаянныя усилія, вызвать к телефону Сталина и получить от него инструкціи. Сталин к телефону не подходил и предоставил своему министру выпутываться, как знает. Вышинскій, хоть и министр великаго государства, но по совѣтской іерархіи, не входя в политбюро, занимает третъестепенное мѣсто.

СССР НА ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ПОЗИЦИЯХ

Тѣм не менѣе, парижская конференція была очень важным событіем — не по практическим результатам, даже в отношеніи Берлина, которые скажутся или нѣтъ, только на совѣщаніях всѣх союзников в берлинской “комендантурѣ”, — но по своей психологической атмосферѣ, значительно отличающейся от той, которая царила еще недавно. Это измѣненіе характеризовано Эчесоном: “В настоящее время западныя державы перешли в Европѣ в наступленіе, тогда как СССР занимает оборонительныя позиціи. Именно поэтому Кремль отказывается ослабить свой контроль над оккупированными областями, что дѣлает невозможным общее соглашеніе по поводу Германіи. Совѣты хорошо знают, что, если они отпустят свои когти, то они потеряют Германію”.

То, что московское правительство от наступленія перешло к оборонѣ, объясняется тѣм, что оно оказалось вынужденным считаться с “языком фактов и силы”. Совѣтским правителям было нужно, по ряду соображеній, важных и неважных, “выставить” союзников из Берлина, освободиться от этого “иностраннаго тѣла”, врѣзавшагося в совѣтскую зону и излучавшаго крайне опасныя идеи свободы и демократіи. Уход

союзников из Берлина был бы связан с огромным падением их престижа и отразился бы на положении во всей Германии, а, может быть, и не только Германии. Поэтому, Москва и объявила блокаду Берлина, рассчитывая на то, что союзники, по своим демократическим и гуманитарным принципам, для большевиков не обязательным, не рѣшатся обречь на голод и холод население города. Советская агентура доносила, что союзники не принимают никаких военных приготовлений — отсюда в Москвѣ был сдѣлан вывод, что на борьбу они не пойдут и что операция пройдет безнаказанно. Лишь один советскій агент в Америкѣ, по словам швейцарскаго еженедѣльника “Вельтвофэ”, сообщил о возможности воздушнаго снабженія Берлина, но слѣшно созванное совѣщаніе советскихъ специалистовъ признало этотъ проектъ чистой фантазіей. Фантазія, однако, оказалась реальностью, “воздушный мостъ”, по которому шло не только продовольствіе, но и уголь и машины, организованный с необычайнымъ техническимъ совершенствомъ, нейтрализовалъ советскую блокаду и демонстрировалъ в глазахъ нѣмцевъ и всей прочей Европы, огромную силу западныхъ демократій. В то же самое время контр-блокада союзниковъ ухудшила и безъ того тяжелое экономическое положеніе Восточной Германии, гдѣ паритъ советская система хозяйства, но говоря уже о томъ, что из нея в СССР были вывезены огромныя количества заводскаго оборудования, машин, станковъ, всевозможныхъ аппаратовъ, подвижнаго состава, рельс, шпал, текстиля, мебели и т. д. Советская “палка” оказалась о двухъ концахъ, один из которыхъ сильно ударилъ по тѣмъ, которые легкомысленно пустили ее в ход.

Если в советской зонѣ Германии дѣла плохи, то Западная Германия возстанавливается с такой быстротой, каковую никто не ожидал и за послѣдніе два года промышленная продукція возросла здѣсь вдвое, — еще одно наглядное доказательство преимущества западныхъ методовъ и западнаго могущества над советскими.

Вот это экономическое и техническое могущество Запада Москва начинает все болѣе и болѣе понимать. В 1939 г. военная продукція Соед. Штатовъ оцѣнивалась в 1 млрд. долларовъ — к 1944 г. она возросла до 86 млрд. и в то же самое время кривая производства предметов “мирнаго” потребленія не только не пошла вниз, но продолжала подниматься — от 88 млрд. до 113 млрд. долларовъ. Для Соед. Штатовъ альтернативы “пушки или масло” такимъ образомъ не существовало. В иномъ положеніи былъ Советскій Союзъ. Совѣмъ на дняхъ, для поученія “американцевъ славянскаго происхожденія”, московское радио еще разъ объявило, что “СССРъ сражался с нѣмецкимъ агрессоромъ только при помощи советскаго вооруженія” и на это бахвальство американское правительство отвѣтило опубликованіемъ фактическихъ данныхъ, из которыхъ явствуетъ, что Соед. Штаты поставили в СССР во время войны 14.795 аэроплановъ, 7.056 танковъ, 8218 зенитныхъ орудій, 345.735 тоннъ взрывчатыхъ веществъ и 427.386 “джиповъ” и грузовиковъ, не считая поставокъ на миллиарды долларовъ продовольствія, одежды, паровозовъ, пароходовъ, нефти, машин и другихъ товаровъ. Конечно, это не помѣшало полковнику советской арміи Васильеву заявить по московскому радио, что западныя арміи сознательно не сражались с нѣмцами и, что онѣ “были спасены отъ пораженія

только совѣтским наступленіем, которое и освободило всю Европу". Но язык фактов побѣждает язык пропаганды.

ПЛАН МАРШАЛЛА И ПЛАН МОЛОТОВА

Сейчас всё уже забыли о том фактѣ, что когда был выработан план Маршалла, к которому СССР отказался присоединиться, заставив сдѣлать то же самое и своих сателитов, то вся печать возвѣстила, о создаваемом в Москвѣ "планѣ Молотова", ставящем цѣлью экономическую взаимопомощь всѣх стран Восточной Европы и СССР и сузившим его участникам молочныя рѣки с кисельными берегами. "Нью-Йорк Геральд" (23. 6) подводит баланс обоих планов. "Стремленія коммунистов захватить Грецію, потом Турцію, потом Италію и Францію из достижимых превратились в неосуществимыя. Страны Западной Европы объединились для максимальнаго использованія плана Маршалла. Атлантическій пакт представляет собой прочную фалангу 12 націй против дальнѣйшей совѣтской экспансіи. Промышленная продукція стран, участниц плана Маршалла, равняется в среднем 99% до-военнаго уровня и к 1952 г. должна превысить его на 30%. В то же самое время план Молотова потерпѣлъ позорное фіаско. По данным организациі Объединенных Націй, даже в Чехословакии, самой передовой в промышленном отношеніи странѣ за желѣзным занавѣсом, новые господа не смогли поддержать прежняго уровня продукціи. На красном Дунаѣ, самой важной торговой артерии до-военной Европы, транспорт при планѣ Молотова составляет только 10% нормальнаго. Эти провалы совѣтских имперіалистов частично объясняют откол Югославіи от восточнаго блока и сумятицу в других странах, находящихся под совѣтским игом. Коротко говоря, силы демократіи увеличиваются благодаря возрожденію Западной Европы, а силы коммунистическаго тоталитаризма уменьшаются вслѣдствіе разрухи в Восточной Европѣ. Два года тому назад казалось, что всё преимущества были на сторонѣ совѣтов. Они знали, чего хотѣли и без стѣсненій шли к своей цѣли. Теперь оказалось, что у них было все, что нужно, кромѣ способности поставлять товары. Этой способностью обладают Соед. Штаты и уровень европейскаго возрожденія показывает, как они ее хорошо использовали. Балансы плана Маршалла и плана Молотова полностью подтверждают ту правду, которую высказал президент Трумэн: "Мы поняли, что, когда свободные народы міра объединены, то они непобѣдимы".

Не только провал блокады Берлина, не только хозяйственныя затрудненія совѣтской зоны в Германіи, нуждающейся в притокѣ товаров из западных промышленных областей, но и рѣзкое ухудшеніе, как политическаго, так и экономическаго положенія во всей Восточной Европѣ заставляет Москву начать своего рода "эластическое отступленіе".

РАЗДОРЫ В СРЕДѢ "НАРОДНЫХ ДЕМОКРАТІЙ"

В маѣ этого года в Москвѣ собралась конференція всѣх "сателитов" (за исключеніем недопущенной Югославіи), на которой была сдѣ-

лана попытка возродить “план Молотова”. Официальные результаты конференции свелись к созданию постоянного бюро, если не считать, что московское радио обещало всем участникам самые радужные перспективы, которые послѣдуют от взаимного сотрудничества, исключая опасность подпасть под “иго империализма доллара” или пережить “капиталистические кризисы”. По неофициальным свѣдѣніям, на конференціи обнаружилось, что слово “сотрудничество” в “народных демократіях” понимается весьма своеобразно.

Чехословакія выступила с жалобой на то, что она поставляет другим странам восточнаго блока больше, чѣм она от них получает и принуждена фальсифицировать свой торговый баланс, показывая в нем вмѣсто дѣйствительных количеств ввоза только тѣ, которые ей обещаны. Образовавшюся “дыру” в чехословацком бюджетѣ Молотов, руководившій конференціей, обещал пополнить займом в 25 млн. долларов, но до сих пор Прага этих денег не получила. Чехи все же не осмѣлились поднять самый острый вопрос: оружейные заводы Шкода день и ночь работают на СССР по весьма убыточным цѣнам.

Далѣе обнаружилось, что Польша и Венгрія упорно не желают согласовать свои экономические планы с таковыми же чехословацкими, рассчитывая, что время работает на них: обѣ страны энергично развивают свою промышленность и надѣются, что рано или поздно онѣ обойдутся и без Чехословакіи — тревога послѣдней болѣе, чѣм понятна. Помимо этих недоразумѣній с сосѣдями, показывающих, что исповѣданіе общей коммунистической вѣры отнюдь не уменьшает національных эгоизмов, Чехословакія дорого платит за навязанный ей коммунистическій режим. До переворота жизненный уровень в этой странѣ был одним из самых высоких во всей Европѣ, промышленный потенциал только возрос за годы оккупации, так как нѣмцы много сдѣлали для переоборудованія заводов, на них работавших, а кромѣ того Чехословакія обладала большими резервами иностранной валюты. Теперь жизненный уровень рѣзко упал, валютные запасы истощены, сырья не хватает, торговля с Западной Европой сократилась, продуктивность рабочих понизилась. Послѣднее явленіе было отмѣчено на недавнем съѣздѣ чешской компартіи и ея лидеры призывали, ни перед чѣм не останавливаясь, бороться с абсентеизмом и “саботажем” рабочих.

На этой почвѣ начались серьезные разногласія в головкѣ партіи. Умѣренное крыло, руководимое президентом республики Готвальдом и министром ин. дѣл Клементисом, дошло до настоящей ереси, утверждая, что Сталин ошибся, запретив Чехословакіи участвовать в планѣ Маршалла. “Вѣрнопопданние”, вродѣ Сланскаго и министра информации Копецкаго, по своим истерическим приѣмам напоминающаго д-ра Геббельса, настаивали на непогрѣшимости “отца народов”. Дѣло приняло такой оборот, что в Прагу примчался главный специалист по чешскому вопросу замѣститель министра ин. дѣл СССР Зорин (тот самый, который сверг Бенеша), а вслѣд за ним пріѣхал и парижскій посол Богомолов — им было поручено привести чешских товарищей в коммунистическую вѣру. Вопрос осложнился тѣм, что пражскіе еретики начали ссылаться

на авторитет... Микояна, одного из самых влиятельных советских сановников, который не скрывает своего критического отношения к политике Молотова и к запрету сателитам участвовать в плане Маршалла. Такие осведомленные американские журналисты, как Олсон и Дрю Пирсон предвидят, что, Америка создаст "малый план Маршалла", специально для стран Восточной Европы, которым Москва будет принуждена разрешить в нем участвовать.

ТРЕЩИНЫ В КОМИНФОРМЪ

Но Чехословакия не единственная страна, где в правящей компартии обнаружались опасные ереси. Вслед за чисткой в Польше, жертвой которой пал такой видный коммунист, как Гомулка, чисткой в Болгарии, где выгнали и из партии, и из парламента вице-премьера Костова, наступила очередь генерального секретаря албанской компартии, маленького слесаря Коси Ксоксе, который "за участие в заговоре против народной демократии" был разстрелян взводом им же самим организованной политической полицией.

Когда открылась сессия венгерского парламента и депутаты, как один человек встали, чтобы приветствовать местного "хозяина" Ракочи, то все с удивлением замечили отсутствие на министерских скамьях министра ин. дѣл Райка, в прошлом вождя венгерского "сопротивления", потом прославившагося своими жестокостями на посту министра полиции. Через недѣлю правительство объявило, что Райк вместе с 19 другими коммунистами арестован за "шпионаж в пользу иностранной державы", раскрытый "бдительностью товарища Ракочи". По свѣдѣніям коммунистической прессы, Райк оказался помимо того сразу: троцкистом, фашистом и... сионистом.

Почти одновременно московское радио возвестило, что на пост советского посла в Будапештѣ назначен А. В. Тихов, вместо бывшего посла Г. М. Пушкина, "получившаго другое назначение". Далѣе начинаются "тайны будапештского двора". По свѣдѣніям, еще не поддающимся проверкѣ, Сталин, узнав об изменѣ Райка, вызвал в Москву венгерского министра культуры Ревая и приказал ему арестовать не только всех венгерских товарищей, участвовавших в заговоре, но и советского посла Пушкина, якобы помогавшаго заговорщикам в их стремлении установить в Венгрии "режим Тито" и порвать с Москвой. Когда "культурный товарищ" Ревай явился в советское посольство, то тов. Пушкин, очевидно, соблюдая традицию советской дипломатии, выстрѣлом из револьвера ранил его в живот. Во всяком случаѣ, официально известно, что тов. Ревай получил отпуск "по болѣзни".

Из Будапешта "трещина" пошла к Бухаресту и привела к еще большей сенсации: "неблагонадежной" оказалась "самая могущественная женщина Европы", вице-премьер и министр ин. дѣл Анна Паукер. Ей очень не повезло, так как измена этой дамы была разоблачена сразу с двух сторон. Швейцарская полиция арестовала и передала суду за нелегальные сделки с валютой весьма темного проходимца Витяну, именовавшаго себя то совершенно частным лицом, то банкиром, то

дипломатическим представителем румынского правительства — последний предлог позволил Бухаресту бурно протестовать против суда над Витяну, как нарушающего “дипломатический иммунитет”. На самом деле, Витяну был финансовым агентом румынской компартии и, по поручению Анны Паукер, тайно переводил в Швейцарию секретные партийные фонды. В глазах Москвы эта операция равносильна самому тяжкому преступлению. В Коминформе существует строгое правило: все денежные суммы отдельных компартий должны быть неукоснительно заявлены “центру” и, по возможности, храниться в кассе всей организации, находящейся в Москве, которую она не покидала даже тогда, когда Коминформ обитал в Бельград. В денежном отношении Москва явно не доверяет иностранным товарищам. Вот это правило и было нарушено Анной Паукер. Вряд ли она действовала по соображениям румынского патриотизма и точно также ее никак нельзя обвинить в “троцкизм” (она сама выдала мужа, впавшего в этот “уклон”) — эта властная женщина, диктаторски правящая партией, вероятно хотела обеспечить именно за партией известную финансовую самостоятельность и утаила деньги от бдительного ока Москвы.

Когда Витяну был арестован, Паукер, в предвидении неизбежных разоблачений, была принуждена сознаться московскому политбюро в своем преступлении. На ее несчастье, вождь болгарской компартии Дмитров, официально пребывавший в советской “санатории” (иначе говоря, в секретной тюрьме), на допросах, напоминавших тех, которым подверглись в свое время Рыков, Зиновьев, Бухарин и другие члены “старой гвардии”, сознался не только в своих грехах, действительных или мнимых, но утопил и Анну Паукер. Дмитров, проводивший многие годы в различных тюрьмах и привыкший к “допросам”, не смог противостоять московским “специалистам” и рассказал о секретных переговорах между Болгарией и Румынией по поводу создания балканской федерации, которые велись не только против воли, но и без ведома Москвы. В результате всех этих разоблачений, отношения между Советским Союзом и Румынией стали такими, что в декабре прошлого года московское политбюро обсуждало вопрос об аннексии Румынии, конечно, на “основании свободного волеизъявления румынского народа”. План был оставлен, вследствие разногласий между Сталиным и его коллегами о целесообразности подобной меры, но Анна Паукер все же занесена на страшный “черный лист”.

ТРАГЕДИЯ ДМИТРОВА

Официально, Дмитров умер от диабета в московской санатории и сам Сталин пять минут нес почетный караул у гроба “вѣрного друга и ученика”, перевезенного затем в Болгарию и преданного земле с необычайной пышностью и при общем “национальном траурѣ”. На погребении присутствовали Ворошилов и... Анна Паукер. О действительных причинах смерти Дмитрова расскажут когданибудь секретные архивы Кремля, если их во время не уничтожат.

Дмитров родился в 1882 г. в семье бедного ремесленника, где были

очень живы балканскія революціонныя традиціі. Будущій правитель Болгаріи начал свою жизненную карьеру типографским рабочим и в молодости стал увлекаться творениями Ленина, которые и определили его политическія убѣждения. 30 лѣтъ от роду Дмитров был избран в болгарское Собраніе, — гдѣ он был не только самым молодым депутатом, но и первым на всем Балканском полуостровѣ парламентским представителем социалистической партіи. Когда началась первая мировая война, то Дмитров был приговорен к 18 мѣсяцам тюрьмы за пацифистскую пропаганду и перешел на нелегальное положеніе, продолжая революціонную работу и проявляя чудеса изобрѣтательности в борьбѣ с полиціей. В 1919 г. Дмитров основывает болгарскую компартію и вмѣстѣ с нѣсколькими товарищами в маленькой лодкѣ отправляется по Черному морю в Одессу, чтобы потом попасть в Москву на второй конгресс Коминтерна и явиться на поклон к великому Ленину. Но буря выбрасывает лодку на берег реакціонной Румыніи и делегаты, вмѣсто конгресса, попадают в тюрьму. Только год спустя Дмитрову удается лично познакомиться с Лениным и Сталиным.

Послѣ убійства Стамбулійскаго, Дмитров дѣлает первую попытку превратить Болгарію в совѣтскую республику, но возстаніе подавлено в морѣ крови, Дмитров, заочно приговоренный к смерти, бѣжит в Югославію, гдѣ правительство короля Александра, всегда симпатизировавшее болгарским революціонерам (не по идеологическим соображеніям, а для того, чтобы сдѣлать неприятность Болгаріи) дает ему пріют.

О послѣдующих годах жизни Дмитрова мало что извѣстно. Он развѣзжает по всей Средней Европѣ, конспирирует, организует ячейки, налаживает развѣдку и создает боевыя организаціи. Его часто видят то в Вѣнѣ, то в Берлинѣ. В этом послѣднем городѣ полиція его арестует 9 марта 1933 года — за 10 дней до ареста и на третій день послѣ прихода Гитлера к власти горит нѣмецкій рейхстаг, и “вождь”, усмотрѣвшій в этом событіи “перст Божій”, дает приказ “ударить по коммунистам” Дмитров с двумя другими болгарскими, нѣмецким коммунистом Торглером и таинственным психопатом Ван дер Люббе, котораго нашли на пожарнщѣ, предаются суду по обвиненію в поджогѣ.

Весь мір, не только коммунисты, отмѣтил тогда необычайное мужество, проявленное на процессѣ болгарским революціонером. Дмитров защищается сам, дерзко спорит с предсѣдателем, бросает обвиненія в поджогѣ рейхстага в лицо Герингу и Геббельсу, вызванным в качествѣ свидѣтелей. Геринг, котораго чуть не хватил тогда апоплексическій удар, публично обѣщает расправиться с Дмитровым “внѣ стѣн суда”. Поджог ли рейхстаг Ван дер Люббе или нѣтъ, а если поджег, то дѣйствовал ли он, как психически ненормальный или же по чьему то наущенію, — остается тайной, но злополучный голландец платит за это своей головой. Дмитрова и его товарищей суд оправдывает — к немалому удивленію міровой публики. “Есть еще судьи в Берлинѣ”...

Уже много лѣтъ спустя стали извѣстными нѣкоторыя детали этой странной исторіи, рисующія так наз. “героизм” Дмитрова совсѣм в другом свѣтѣ. Извѣстно, что в тюрьмѣ он пользовался необычными льготами, извѣстно, что его сестра во время процесса развѣзжала

между Берлином и Москвой, известно, что болгарский царь Борис хлопотал за Дмитрова и известно, наконец, что в московских тюрьмах находилось в тот момент несколько офицеров генерального штаба немецкой армии, которые еще при республиканском правительстве работали в Советской России, не то по обучению красной армии, не то по созданию тайных немецких военных заводов, которые были потом арестованы и которых Гитлер во что бы то ни стало хотел получить обратно. Не исключено, что между Берлином и Москвой было заключено тогда секретное соглашение об обмене и Дмитров прекрасно знал, что суд является только комедией и, что ему лично ничто не угрожает.

Впущенный на свободу Дмитров с триумфом вернулся в Москву, получил советское гражданство, был избран членом Верховного Совета и больше того: был назначен "генсеком" Коминтерна, которым и руководил до 22 мая 1943 г., когда, для успокоения союзников, организация эта была распущена — она, как известно, снова возродилась после войны.

После занятия Болгарии советскими войсками, Дмитров вернулся на родину и из советского гражданина опять сделался болгарским. В ноябре 1947 г. Дмитров стал первым министром Болгарии, превращенной им в полицейско-коммунистическое государство, где царил террор, сыск, расправа со всякими, даже слабыми, проявлениями оппозиции. На совести Дмитрова тысячи и тысячи жертв и из них надо особо выделить казнь храброго вождя болгарского крестьянства Николы Петкова, вызвавшую возмущение во всем мире.

Дмитров любил сам себя называть "стопроцентным большевиком" и "настоящим пролетарием-революционером". Последнее наименование находилось в некотором противоречии с неудержимой страстью к роскошной жизни, которой он был охвачен, очевидно желая вознаграждать себя за все мытарства и лишения и жить именно так, как жили те "цари и банкиры", которых он так люто ненавидел. Болгарские уполномоченные, прибывшие в Москву просить мира и явившиеся к Дмитрову, были поражены пышной обстановкой, его окружавшей, и даже выразили боязнь, что бедная и скромная Болгария не сможет предоставить ему той роскоши, к которой он привык на посту руководителя Коминтерна. Но об этом позаботился сам Дмитров — прибыв в Софию, еще до низвержения монархии, он первым делом произвел опись имущества всех царских резиденций, а после переворота занял для простоты все дворцы, принадлежавшие царской семье, горько жалуясь на отсутствие в них надлежащего комфорта. "Любимый сын болгарского народа" окружил себя цѣлой тучей охранников и сыщиков и передвигался, подражая Сталину, в черном блиндированном автомобиле, в сопровождении эскорта мотоциклистов. Болгарские цари обычно ходили пешком и без всякой охраны.

БОРЬБА ЗА МАКЕДОНИЮ

"Вѣрный друг и любимый ученик" сорвался на македонском вопросе, из за которого не мало балканских политиков сломали свои головы. Попытки создания балканской федерации и борьба за Македонию, бывшая в центре всей проблемы, долгое время оставались "засекречен-

ными” — теперь, послѣ ссоры Тито с Москвой, жестокой полемикѣ между югославянскими коммунистами и остальными “братскими” партіями и всѣх разоблаченій, чуть ли не ежедневно появляющихся в официальной бѣлградской “Борьбѣ”, на всѣ эти ссоры и интриги пролит нѣкоторый свѣтъ.

Македонія, как извѣстно, раздѣлена на три части: Вардар или “македонская народная республика”, входящая в состав югославянской федерации, Пиринскій округ, принадлежащій Болгаріи и Эгейская Македонія на сѣверѣ Греціи. Еще в період оккупации Югославіи нѣмцами и болгарами, болгарскіе коммунисты занимались не столько борьбой с “фашистами”, сколько установленіем контроля над всѣми македонскими комячейками, для того, чтобы отдѣлить их от югославянской компартіи. Москва на них тогда прикрикнула и заявила, что вардарскіе коммунисты должны слушаться не болгарских, а югославянских товарищей, но и послѣ пораженія Болгаріи и Германіи, болгарская партія продолжала настаивать на включеніи Вардара в состав “Великой Болгаріи”. Придя к власти Дмитров первым дѣлом потребовал от Тито территориальных исправленій болгарско-югославянской границы — в пользу Болгаріи. Бѣлград не только отверг это требованіе, но в свою очередь перешел в наступленіе, отправив в болгарскую Македонію генерала Вукмановича, который повел пропаганду в пользу присоединенія Пиринскаго округа к Югославіи, доказывая, что в этом случаѣ македонцам не придется платить репараций, наложенных на Болгарію.

В 1945 г. между Тито и Дмитровым начались переговоры о созданіи Балканской федерации, которая навсегда должна была прекратить распри славян между собой. Переговоры эти немедленно обнаружили, что каждая из “высоких договаривающихся сторон” думала прежде всего о том, как бы захватить главенство в намѣчавшейся федерации. По словам члена политбюро югославянской компартіи Моше Пижада, Сталин, выступавшій в качествѣ супер-арбитра, сначала поддерживал болгар, потом перешел на сторону югославян и эти зигзаги успѣху переговоров отнюдь не способствовали. Еще в самом разгарѣ переговоров болгарскіе коммунисты пытались произвести переворот в югославянской Македоніи — таково свидѣтельство бѣлградскаго министра внутр. дѣл Ранковича. Переговоры о федерации были прерваны, но в 1947 г. Тито и Дмитров подписали секретное соглашеніе о будущем объединеніи болгарской и югославянской Македоніи, которое отнюдь не помѣшало тому, что Бѣлград послал в Пиринскій округ своих пропагандистов, а Софія продолжала свои попытки расчлененія Югославіи. Наконец, послѣ исключенія Югославіи из Коминформа, так наз. “македонскій фронт національнаго освобожденія”, руководимый болгарскими коммунистами и принимавшій активное участіе в гражданской войнѣ в Греціи, открыто потребовал отторженія от Югославіи всей долины Вардара.

Идея балканской федерации провалилась, однако, не столько из за этих “братских недоразумѣній”, сколько из за сопротивленія Москвы, очевидно испугавшейся — и не без основанія, — что объединенные южные славяне, хотя бы и руководимые коммунистами, рано или поздно постараются в том или ином видѣ ускользнуть из сферы совѣтскаго

влияния. Не успел Дмитрий сдать официальное заявление о желательности федерации, как в "Правду" появилась уничтожающая статья по его адресу и болгарский "хозяин" был принужден принести публичное покаяние. Но "Москва слезам не верит", и Дмитрий получил приказ приехать в СССР для лечения диабета — живым в Болгарию он не вер-

ЕРЕСЬ ТИТО

Год тому назад — 28 июня 1948 г. — Коминформ обвинил Тито и его ближайших соратников, югославянских министров и членов бѣлградскаго политбюро, в "антисовѣтской политикѣ". В монолитном здании мирового коммунистическаго движенія образовалась первая открытая трещина, которая с тѣх пор все расширяется.

Статьи в бѣлградской коммунистической "Борьбѣ" дают представление о тѣх совѣтских политических и экономических методах, которые применяются в странах Восточнаго блока и "плана Молотова". Оказывается, что СССР сознательно мѣшал индустриализаци Югославіи, желая превратить ее в отсталую земледѣльческую страну и источник сырья для вывоза его по чрезвычайно низким цѣнам в Россію. Москва поставляла Югославіи лишь незначительныя количества заводскаго оборудования, при чем оно оказывалось не только неполным, устарѣлым, но и опасным для жизни рабочих. Чехи в этом отношеніи пошли еще дальше и доставили Югославіи моторы Дизеля для нефтянаго буренія с подпильными частями, которые должны были немедленно сломаться. Всѣ машины, шедшія из СССР в Югославію и другія страны Восточнаго блока, стоили значительно выше мировых цѣн — в тоже самое время эти страны были принуждены продавать совѣтам свои издѣлья и сырье по цѣнам ниже себѣстоимости. Вся экономическая политика восточно-европейских государств диктовалась из Москвы и правительства сателитов не смѣли сами принимать каких либо рѣшеній. Так, напримѣр, венгерскіе торговые уполномоченные заявили в іюнѣ 1948 г. в Бѣлградѣ, что они не могут выполнить соглашенія о поставках алюминія, так как вся венгерская алюминіевая промышленность всецѣло подчинена Москвѣ.

Бѣлградское радио и бѣлградская официальная пресса, бывшіе в началѣ ссоры Сталина с Тито, сравнительно умѣренными, теперь рѣзко измѣнили тон и обвиняют московское правительство и политбюро в "лжи", "клеветѣ", "глупости", "абсурдных измышленіях", "контр-революціонном и антисоциалистическом поведеніи", "недопустимом вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Югославіи", и — в "извращеніи доктрины Маркса и Ленина". Последнее обвиненіе является наиболее серьезным. Московское политбюро рассматривает себя не только, как будущее правительство будущаго мирового коммунистическаго государства и уже теперь претендует на диктаторское руководство мировым коммунистическим движеніем, но оно считает себя своего рода конклавом первосвященников коммунистической "церкви", носителем абсолютной истины в видѣ непогрѣшимаго пониманія смысла и направленія хода исторіи — само собой разумѣется, что исторія, в московском толкованіи,

идет, подчиняясь “железным законам”, к побѣдѣ коммунизма. Тито не только отказался от политическаго и экономическаго подчиненія Москвѣ, но он начал и идеологическую борьбу и, как настоящій еретик, объявил себя болѣе правотѣрным, чѣм московскіе товарищи. По мнѣнію Тито. это он, кто дѣйствительно слѣдует завѣтам Маркса и Ленина, тѣм завѣтам и идеям, которые искажены и фальсифицированы в Москвѣ. Все болѣе и болѣе углубляя свою ересь, Тито начал создавать идеологию “подлиннаго и народнаго коммунизма”, весьма отличную от той официальной, которая принята в Москвѣ и объявлена единственной и непогрѣшимой, не подлежащей ни критикѣ, ни измѣненіям. Тито утверждает, что коммунизм должен строиться не сверху и не на основѣ приказов, а снизу, на основѣ дѣйствительных желаній и чаяній народных масс, что средства отнюдь не оправдывают цѣли, что надо, наконец, отказаться от макиавелизма и империализма Москвы, как противорѣчащих первоначальной коммунистической доктринѣ.

Если “Борьба” и бѣлградское радіо не устанут говорить о Тито, как о “славѣ и надеждѣ трудящихся”, о том, что “Тито — это наше настоящее и будущее”, что “товарищ Тито согрѣвает сердца миллионов трудящихся ярким пламенем творческаго социализма”, то мощныя радіо-станціи Коминформа — Москва, Варшава, Прага, Будапешт, Бухарест, Софія и Тирана — держатся совсѣм другого мнѣнія и не стѣсняются в выраженіях. По их словам, Тито — “нацист” и “фашистскій предатель”, “уродливый ублюдок”, окруженный “отвратительной кликой” из “несчастнаго карлика Моше Пишада” и “убійцы” Ранковича, главы политической полиціи.

Московскій официальный журнал “Новое Время” в номерѣ от 22 іюня прямо призвал “трудящихся Югославіи” к “ликвидациі режима, созданнаго предателями социализма”, “продавшими національныя богатства Югославіи американским акулам”, “превратившими Югославію в колонию Уолл-стрита и Сити”, не останавливающимися ни перед какими преступленіями”. Весьма поучительно сравнить эти строки с тѣми, которыя прославляли “героизм” и “большевизм” югославянскаго маршала.

Ссора Тито со Сталиным и развязавшіеся языки товарищей из Восточнаго блока пробили брешь в “железном занавѣсѣ” и дали необычайно цѣнную и недоступную до сих пор информацію о том, что за ним происходит. Болѣе того, они разрушили легенду о монолитности коммунизма, о том, что СССР является “отцом и другом всѣх трудящихся”, о том, что коммунизм уничтожает національную вражду и создает братство народов.

Борьба между Тито и Коминформом, т. е. Москвой, принимает все болѣе и болѣе серьезный характер. Югославія окружена экономической блокадой и торговля сношенія между нею и остальными сателитами фактически прерваны к обоюдному ущербу. Венгрія отказалась не только платить слѣдующія с нее репарациі в пользу Югославіи, но не заплатила и 50 млн. долларов за полученные ею югославянскіе товары.

За экономическим наступленіем слѣдует и политическое. Корреспондент “Юнайтед Пресс” Мак Дермот телеграфирует, что Коминформ

выработал план свержения правительства Тито и замыслы его про-советским. По этому плану, на всех границах Югославии должны начаться "инциденты", которые прикуют к месту армию Тито, а затем, в первых числах августа последует вторжение в Югославию македонских, албанских и греческих банд. На процесс болгарских коммунистов в Скопье, обвиненных в намерении убить высших югославянских руководителей, было выяснено, что в Горной Джумье, городке, расположенном в болгарской Македонии, вблизи югославянской границы, имеется специальная школа террористов и саботажников, предназначенных для операций в Югославии. Но, как заявил на совещании сотрудников министерства обороны генерал Гошняк, член бѣлградскаго политбюро и руководитель всей армии, "Югославия сумеет защитить себя от всякаго агрессора, несмотря на то, что ни страны Коминформа, ни западные демократии не дают ей оружия". Бѣлградская "Борьба" в свою очередь утверждает, что симпатии к маршалу Тито все растут на низах компартии Чехословакии, Венгрии и Румынии.

Одновременно Югославия начинает склоняться к "западной" ориентации: она начала переговоры с Англией о заключении торговаго соглашения, обратилась к Международному Банку с просьбой о займе в 200 миллионов долларов и, наконец, что быть может самое важное, неофициально выразила готовность прекратить всякую помощь греческим повстанцам. Переговоры по этому деликатному вопросу уже идут в Вашингтонѣ, но Бѣлград сдѣлал и публичное заявление о желательности улучшеній между Югославией и Грецией. Надо помнить, что за последнее время возстаніе в Греции явно идет на убыль, особенно послѣ того, как вождь партизан, легендарный Маркос, тоже попал в немилость Москвы и по тѣм же причинам: он пытался совмѣстить коммунизм с греческими национальными интересами и не соглашался уступить Болгарии часть греческой Македонии.

ПРЕСЛѢДОВАНИЯ ЦЕРКВИ

Трещины в зонѣ Коминформа растут в числѣ и размѣрах и напрасно вѣрноподданные Сталина пытаются замазать их человѣческой кровью. Оппозиція, легальная и организованная, повсюду раздавлена, ея вожди и рядовые брошены в тюрьмы, преданы на мученія или расстрѣляны, но многим удалось бѣжать и они, в эмиграции, создают новые центры сопротивления. Сейчас коммунистическіе правители Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии принялись за последнюю, еще легально существующую, оппозицію — церковь. Главные удары приходится по католической церкви, как наиболее опасному противнику, но там, гдѣ нужно, как, на примѣр, в Болгарии, преслѣдованіям подвергаются и протестанты. В данный момент наибольшей остроты эти религиозныя гоненія достигли в Чехословакии и напрасно пражское правительство пытается создать нѣчто в родѣ "живоцерковников", послушных не велѣніям христіанской религіи, а приказам коммунистической полиціи. Но характерно, что гоненія, которым подвергся пражскій архіепископ Беран и католическое духовенство, вызвали в Чехословакии,

особенно среди словацкаго крестьянства, довольно сильное сопротивление, болѣе энергичное, чѣм в Венгрии. Это неожиданное сопротивление народа, принявшее мѣстами характер открытых беспорядков — крестьяне, вооруженные дубинами, как во времена религиозныхъ войнъ — защищали своихъ священниковъ и церкви, повергло в немалое смущеніе пражское правительство. “Вѣроятно”, говоритъ одинъ изъ вождей чешской эмиграціи Рижка, “правительство Готвальда побоялось бы сдѣлать изъ монсеньора Берана мученика... но пражскіе главари не являются хозяевами своихъ рѣшеній — они получаютъ ихъ готовыми изъ Москвы”.

Видимо, не все благополучно и среди православныхъ церквей Болгаріи и Румыніи. Пока что онѣ тѣсно связаны съ московскою патріархіей и сохраняютъ строгій нейтралитетъ по отношенію къ коммунистическимъ режимамъ, переходящій иногда и въ прямую поддержку — однако, совмѣстить религиозныя убѣжденія съ коммунистическою практикою далеко не просто и недовольство начинаетъ проявляться и среди православныхъ. Этимъ видимо собирается воспользоваться Америка и специальный представитель президента Трумэна при Ватиканѣ Тайлоръ ведетъ переговоры съ новымъ вселенскимъ патріархомъ Афиногорасомъ о возможности противопоставить православныя церкви коммунистическому вліянію. Центромъ такой борьбы должна стать румынская эмигрантская церковь въ Парижѣ.

ПРОВАЛ ПОЛИТИКИ КОМИНФОРМА

Финляндія формально въ зону Коминформа не входила и ее даже было трудно причислить къ сателитамъ Москвы, но эта маленькая страна по одному своему географическому положенію всецѣло находилась во власти Совѣтскаго Союза и была принуждена идти на всевозможныя уступки и даже униженія. Несмотря на это и въ Финляндіи начался процессъ внутреннего изживанія коммунизма. Въ маѣ прошлаго года финскій парламентъ рѣшился на смѣлый шагъ и выразилъ недовѣріе всесильному коммунистическому министру внутреннихъ дѣлъ Лейно. Финскіе коммунисты, лишившись контроля надъ полиціей и возможности безнаказанно терроризовать инакомыслящихъ сразу потеряли почву подъ ногами. Въ составѣ правительства нѣтъ больше министровъ-коммунистовъ, недавніе парламентскіе выборы уменьшили число коммунистическихъ депутатовъ, въ рабочихъ союзахъ вліяніе коммунистовъ падаетъ и стачки уже прекратились — послѣдняя, имѣвшая мѣсто въ октябрѣ 1948 г., кончилась полнымъ проваломъ. Финны пользуются полною свободою мнѣній и печать ведетъ рѣзкую кампанію противъ коммунистовъ, несмотря на всѣ увѣщанія правительства соблюдать осторожность, чтобы не раздражать могущественнаго сосѣда.

Насколько ослабили престижъ и вліяніе совѣтскаго правительства, показываетъ недавній эпизодъ съ Норвегіей. Москва попробовала было заставить Норвегію отказаться отъ участія въ Атлантическомъ пактѣ, но норвежское правительство въ очень сухихъ и краткихъ выраженіяхъ отклонило всѣ “дружескіе совѣты” московскаго министерства иностр. дѣлъ — еще годъ тому назадъ Норвегія врядъ ли бы осмѣлилась на подобный шагъ, а Москва врядъ ли бы оставила его безнаказаннымъ. Времена

сильно изменились и Советский Союз действительно начинает отступать.

Известный американский журналист Уолтер Липшман говорит, что “политика Коминформа провалилась”. Коминформ должен был сорвать и план Маршалла и Атлантический пакт, связать всех сателитов стальным кольцом — этих целей он не достиг, но усилил реакцию против коммунизма и создал одно время столь острое положение, что дело запахло войной. Липшман полагает, хотя и сознается, что у него мало доказательств в пользу такого предположения, что политика Коминформа была начата Ждановым в тот период, когда Сталин, по состоянию здоровья, временно устранился от государственных трудов. Теперь Сталин якобы признал эту политику ошибочной и даже пахнущей “троцкизмом”. Во всяком случае Коминформ не сумел даже провести референдума в советской зоне в Германии и, несмотря на весь террор и все фальсификации и подлоги коммунистов, они не получили слываемых по правилу ста процентов верных голосов — около трети избирателей голосовали против них.

Прав ли Липшман в своих предположениях или нет — сказать трудно, но для оценки “доктрины Сталина” полезно вспомнить напущенную в свое время статью советника американского посольства в Москве Моргана, который дал себе труд прочесть все рвительно рвчи и статьи “отца народов” от 1919 года и по сей день, составляющих 16 внушительных томов. Сталин всегда различал, пишет Морган, стратегию от тактики. Советская стратегия по прежнему — и всегда — должна быть направлена на неизбежную войну между двумя “центрами”: капиталистическим (Соед. Штаты) и социалистическим (СССР), предвидя столь же неизбежную победу последнего. Но советская тактика должна предусматривать и периоды перемирия и отступления. По закону “приливов и отливов” надо ожидать, думает Сталин, в некоторого замедления коммунистической волны и временной стабилизации капиталистического мира, надо сделать из этого практические выводы, пойти на уступки и... готовиться использовать новый революционный прилив.

ЗАСЕКРЕЧЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Что происходит в самой России? Советская пресса стала на редкость безсодержательной, наполнена выражениями ввропоподданнических чувств по адресу Сталина и не сообщает каких либо конкретных фактов, тем более цифровых данных. Объясняется это прежде всего тем, что в июле 1947 г. советское правительство опубликовало список “государственных секретов”, который по своей полноте превосходит все аналогичные документы. Секретными объявлены данные, которые касаются не только обороны, армии, флота, авиации, но и науки, промышленности, сельского хозяйства, финансов, транспорта и торговли, а равно и все сведения, которые совет министров сочтет за неподлежащие опубликованию. Насколько это постановление проведено в жизнь, показывает маленький, но характерный факт: первый пятилетний

план был опубликован в 1929 г. в четырех толстых томах и содержал в себя детальную планировку отраслей хозяйства, второй пятилетний план появился в двух томах, третий — в одном (239 страниц), а четвертый, на 1945-50 годы, занял всего шесть страниц “Правды”.

Менше секретными являются данные о “ширпотребе” и на этом “фронт” дело обстоит плохо, судя по многочисленным письмам советских граждан, направляемых почему то в “Литературную Газету”, с безконечными жалобами на рояли, на которых нельзя играть, велосипеды, на которых нельзя ездить, на скверную посуду, на плохо сшитые костюмы, на то, что летом магазины упорно продают только зимние вещи, а зимой летние и т. д., и т. д. Французский журналист Андре Пьер, несколько раз посетивший Москву, был поражен “уродством и дороговизной всех предметов широкого обихода, куда больше худших, чем тех, которые можно найти в самой бедной лавке французской провинции. Так было два года назад и с тех пор качество товаров не улучшилось”.

АНТИСЕМИТИЗМ В СССР

Зато советская печать и советская литература дает очень много сведений об общей “атмосфере” жизни в Советской России. Она характеризуется прежде всего упорным насаждением сверху под видом “патриотизма” и “любви к отечеству” — самого безудержного национализма и отталкивания от всего иностранного, инородного, чужеродного и, в особенности, еврейского и категорического отрицания всех возможных культурных влияний Запада. Это явление, уродливое и иногда анекдотическое по своим формам, чуждое подлинным русским традициям и чреватое грозными последствиями, ибо оно несет с собой культурное оскудение, заслуживает особого рассмотрения. Отметим сейчас лишь одно проявление этого квасного патриотизма и ненависти к инородцам, неизбежно присущее всякому чрезмерному национализму и самое отвратительное по своим качествам — антисемитизм. О пробуждении антисемитизма в СССР уже сообщала месяца два тому назад лондонская “Дэйли Мейль”. Новое подтверждение его дает С. Шварц на страницах обычно хорошо осведомленного “Соц. Вестника” (30 апреля 1949 г.):

“Заграницей — и не только среди иностранцев, но и в среде русской демократической эмиграции — долго было широко распространено мнение, будто в Советском Союзе нет антисемитизма. В действительности антисемитизм никогда не сходил в Советском Союзе цѣликом на нет, а временами кривая антисемитизма даже высоко поднималась, как это было, например, во второй половине двадцатых годов или в годы второй мировой войны. Но всегда антисемитизм в СССР оставался явлением, с которым советское правительство либо боролось, либо, если не боролось, то не по антисемитским мотивам, а по соображениям политического оппортунизма. До самого последнего времени антисемитизм никогда не пользовался в СССР прямыми и открытым поощрением со стороны правительства... Сейчас впервые в

СССР проявились признаки официально и открыто поощряемого антисемитизма.

Всякому, кто читал за последние месяцы советскую печать, не могло не броситься в глаза, что среди множества лиц, которые оказываются повинны в "безродном космополитизмѣ", огромный процент — вероятно больше двух третей — составляют евреи. Верно, что среди литературных, театральных, музыкальных и иных критиков много евреев — сейчас уже правильнее было бы сказать: было много евреев. Но все же евреи составляли среди критиков лишь меньшинство. Причем в подавляющем большинстве своем критики-евреи принадлежали к совершенно ассимилированному слою еврейства и, как внимательно ни присматриваться к тому, что писали советские критики евреи и не-евреи, трудно обнаружить какую-либо идеологическую разницу между ними. Уже самый факт огромного преобладания евреев среди вычищаемых наводит, поэтому, на мысль, что в процессе чистки сознательно проводится отбор не столько на основании прошлой и настоящей деятельности вычищаемых, сколько в расчетѣ на будущее. В этом есть логика: если официальная идеология перестраивается в духѣ воинствующаго русского национализма, евреи в массѣ своей — даже ассимилированные евреи — не могут считаться вполне надежными проводниками официальной политики.

Но евреи не только составляют подавляющее большинство вычищаемых; правительство и партия сознательно принимают мѣры к тому, чтобы новейшая чистка была воспринята населением, прежде всего, как освобождение советской критики от "антипатриотическаго" влияния евреев. Что это именно так, говорит широко применяемый сейчас в борьбѣ с "безродным космополитизмом" прием, явно заимствованный из арсенала антисемитизма. Впервые к нему прибѣгла "Культура и Жизнь", как известно, непререкаемый авторитет в вопросах идеологической чистоты и верности "линии партии". В статьѣ, посвященной "проискам антипатриотической группы театральных критиков" (30 января), которой — вмѣстѣ со статьѣй "Правды" от 28 января — открылась новейшая кампанія, "Культура и Жизнь", перечисляя "антипатриотов", отмѣтила, что фамилія критика, пишущаго под псевдонимом Е. Холодов, в действительности, Меерович. Немного времени спустя "Литературная Газета" (от 12 февраля) "раскрыла" Яковлева-Хольцмана и Мельникова-Мельмана. Втечение февраля печать жевала Мееровича и Хольцмана. В мартѣ этого оказалось недостаточно. 6-го марта "Комсомольская Правда" открыла Яснаго-Финкельштейна, Викторова-Злочевского, Светова-Шейдемана. 9-го марта "Литературная Газета" в статьѣ, посвященной украинским дѣлам, разоблачила Бурлаченко-Бердичевского, Жаданова-Лишпица, Гана-Кагана, Мартича-Финкельштейна, Стебуна-Канцельсона, Санова-Смульсона. В напряженной украинской обстановкѣ, гдѣ до сих пор не изжиты антисемитскія настроенія, получившія очень широкое распространение в годы оккупации и очень резко сказавшіяся в первый период освобождения, такая борьба против евреев-"антипатриотов" — в руководящих кругах этого не могут не сознавать — это социально-психологическій динамит".

Неблагонадежными оказались не только евреи, но и мусульмане. Мухамед Измаил, глава туркестанской делегации при мусульманском университете Аль Азхар в Каире рассказывает на страницах журнала "Акхбар Ал Аалам Излами", что огромное количество мусульман, населявших Крым, Туркестан, Казакстан и Туркменистан изгнаны, по распоряжению советского правительства из своих родных мест, которые заселены теперь русскими. В некоторых районах не осталось ни одного мусульманина. "Мусульмане", пишет Измаил, "сражались и защищали Советский Союз и в награду получили изгнание, рабство и смерть". Все видные представители мусульманского духовенства сосланы в Сибирь или скрылись в подполье. Некоторые, вроде профессора Алтона Кхан Торна и Моуси Гаралла, успели бежать в Египет. Оставшиеся учителя Ислама лишены фактически права толковать Коран". По словам автора статьи, мусульманские военнослужащие в Германии отказались вернуться на родину. Измаил напоминает, что еще в 1920 г. 125.000 советских мусульман, спасаясь от преследований, бежали в Афганистан и Китайский Туркестан.

ПРЕСТУПНЫЙ КОСМОПОЛИТИЗМ

Чтобы дать читателям известное представление о том, что в Советской России понимается под "космополитизмом", зачисленным отныне в число семи смертных грехов, приведем преступление проф. Б. Кедрова, редактора журнала "Вопросы Философии" и автора многих работ по философии естествознания. Этот профессор в своей книге "Энгельс и естествознание" осмелился утверждать, что "Менделеев никогда не ущемлял прав ученых других стран. Он был интернационалистом в науке. При оценке научных заслуг того или иного ученого, он не выдвигал каких-либо посторонних научных соображений, вроде национальности данного ученого и т. д., а строго объективный критерий... Менделеев давал решительный отпор тем, кто нарушал великие принципы международной солидарности среди ученых; он боролся на деле за то, чтобы наука была в полном смысле интернациональной".

Вот эти строки привели в ярость академика М. Митина, প্রধানного главу марксистской советской школы, который разразился в "Литературной Газете" (9-го марта) статьей, назвав рассуждения проф. Кедрова "чудовищными" и "выражающими идеи наиболее отсталых слоев нашей интеллигенции, сопротивляющихся борьбе против рабщины перед иностранщиной". Митин авторитетно разъяснил, что "разговоры о великом принципе международной солидарности ученых, это — бредни, выгодные американским разведчикам". Тот же Митин во время наступившего во всем мире похода на биологию, предпринятого центром комитетом компартии во главе с пресловутым академиком Лысенко, заявил, что "фраза о единой мировой науке является циничной ложью".

Проф. Кедров испугался и покался. В письме в редакцию "Культуры и Жизни" он "категорически и безповоротно" сам осудил свои ошибки, "корень" которых в том, что он — Кедров — "нару-

шил ленинскій принцип партійности философіи и уклонился в сторону буржуазнаго объективизма и аполитизма". Кедров обѣщал "отдать всѣ силы для разоблаченія и разгрома гнусной антисовѣтской идеологіи буржуазнаго космополитизма и ее защитников".

Что касается Лысенко, то извѣстный англійскій біолог Джулиан Гексли посвятил ему обширную статью в научном журналѣ "Нэчур", гдѣ рассказывает, что послѣ личной бесѣды с Лысенко, он пришел к твердому выводу, что этот "настоящій совѣтскій ученый" — совершенно неграмотный человек.

Наряду с руганью по адресу "гнилого Запада", очень напоминающею соответствующія писанія русских черносотенцев, в СССР идет прославленіе всего "самобытнаго", с доказательствами полнаго превосходства русской культуры над западной, если таковая вообще и существует. Главное доказательство состоит в том, что по повѣйшим изысканіям совѣтских историков, всѣ великія изобрѣтенія, открытія и научныя теоріи были сдѣланы в Россіи. Список этот все растет и в него только по недосмотру не включены открытіе огня и каменных тепоров. На днях московское радіо сообщило, что первая подводная лодка была изобрѣтена русским мужиком Никоном, что и подтверждается указом Петра Великаго — плавала ли эта лодка и, как она могла двигаться под водой при отсутствіи электрических двигателей, остается невыясненным, но приоритет мужика Никона доказан.

Конечно, иногда дѣло не обходится и без прямых конфузов. Так, ловкій театральнй дѣлец Иванов, учитывая "соціальный заказ", написал пьесу "Ломоносов", тѣм болѣе актуальную, что только недавно совѣтская печать сообщила, что именно Ломоносов, а не француз Лавуазье открыл закон сохраненія матеріи. В пьесѣ эта исторія рассказана со всѣми деталями — оказывается, что Ломоносов рассказал о своем открытіи нѣмецкому математику Эйлеру, а этот "нѣмецкій предатель" выдал секрет Лавуазье, который его и присвоил. Критика и зрители были очень довольны пьесой, но тут не выдержал член-корреспондент Академіи Наук Капустинскій, который в письмѣ в редакцію "Извѣстій" доказал, что Эйлер никак не мог передать открытія Ломоносова Лавуазье по той простой причинѣ, что в тот момент великому французу пошел всего только седьмой год.

АДМИРАЛ-ДИПЛОМАТ

У американцев есть склонность назначать на дипломатическіе посты крупных генералов и адмиралов. К этой категоріи относится и новый посол в Москвѣ Кирк, только что вручившій свои вѣдательныя грамоты. Элан Кирк считается специалистом по баллистикѣ и во время первой міровой войны руководил борьбой с подводными лодками при помощи особых бомб, взрывающихся глубоко под водой. Послѣ окончанія войны он состоял адъютантом при президентѣ Соед. Штатов и командовал президентской яхтой "Майфлюэр", а в 1939 г. был назначен морским атташе в Лондон. Когда началась война, то Кирк служил в оперативном и развѣдочном отдѣленіях главнаго морского

штаба, затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ штаба командующаго морскими силами США в Европѣ и командиромъ “земноводных” флотилій всего Атлантическаго флота — в этомъ качествѣ онъ принималъ участіе в высадкахъ в Сициліи и Нормандіи. Послѣ окончанія второй міровой войны Киркъ перешелъ на дипломатическую службу и занималъ посты посланниковъ в Бельгіи и Люксембургѣ, хорошо ознакомившись с европейскою политикой. Самъ Киркъ и его жена по русски не говорятъ (они прекрасно владѣютъ французскимъ и англо-китайскимъ “пиджиномъ”, что особенно полезно, такъ какъ вся прислуга американскаго посольства в Москвѣ состоитъ изъ китайцевъ) — зато ихъ сынъ — студентъ русскаго отдѣленія в университетѣ Прэнстоунъ.

Киркъ уже былъ однажды в Россіи — в 1911 г. мичманомъ онъ посѣтилъ Петербургъ на борту американскаго учебнаго судна. Вышинскій завѣрилъ адмирала-дипломата, что это знакомство с царскою Россіей совѣтское правительство не будетъ разсматривать, какъ предосудительное.

ЗАГОВОРЪ МОЛЧАНІЯ

Газеты обошли молчаніемъ знаменательное слово, сказанное 21 іюня на вечерѣ Объединенія писателей, посвященномъ памяти Пушкина, почетнымъ предсѣдателемъ Объединенія И. А. Бунинымъ. Вотъ, приблизительно, это слово:

Полтора вѣка тому назадъ Богъ даровалъ Россіи великое счастье — рожденіе Пушкина. Но не дано было ей сохранить это счастье неомраченнымъ. В нѣкій страшный срокъ пресѣклась при ея попустительствѣ, драгоцѣнная жизнь Того, Кто воплотилъ в себѣ ея высшія совершенства. А что случилось с нею самой, Россіей Пушкина, вѣдомо всему міру. И потому были бы мы лжецами, лицемѣрами — и болѣе того: были бы недостойны произносить в эти дни Его безсмертное имя, если бы не было въ нашихъ сердцахъ и великой скорби о нашей общедѣи с Нимъ родинѣ.

“Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!”

Это Его дивныя слова. Какъ же можемъ мы умалчивать, памятуя Его, что уже не только нѣтъ Града Петра, но что до самыхъ священнѣйшихъ нѣдръ своихъ поколеблена Россія! Не поколеблено одно: наша твердая вѣра, что Россія, породившая Пушкина, все же не можетъ погибнуть, измѣниться в вѣчныхъ основахъ своихъ и что во истину не одолѣютъ ее до конца “Силы Адовы”.

Из-за внезапной болѣзни И. И. Тхоржевскаго, эта тетрадь закончена безъ него. В частности, порядокъ статей и выборъ рисунковъ опредѣлены безъ его участія.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОЗРОЖДЕНИЕ“

73, Av. des Champs Elysées, Paris 8e, 2-ой этажъ.
Tél.: ELYsées 06-03. Compte ch. Postaux, Paris 781-81.

Гурко. Царь и Царица (Опыт характеристики)	0.60
Ген. Данилов. Великий князь Николай Николаевич, его жизнь и дѣятельность	2,—
Ген. Данилов. То-же, номерованн. экз. на роскошной бумагѣ	4,—
Ген. Доманевскій. Мировая война. (Кампанія 1914 г. Достиженія стотрон за первый мѣсяц кампаніи, август)	1,—
Зайцев. Тишина (роман)	1.50
Дѣло Бориса Коверды	0.40
Коровин. Шаляпин. (Встрѣчи и совмѣстная жизнь)	2.—
Корчемный. Человѣкъ с гераніем	0.60
Крачковскій. Избранные рассказы	0.60
Лоло. Пыль Москвы (Лирика и сатира)	1.—
Лукаш. Дворцовые гренадеры	0.60
Лукаш. Бѣдная любовь Мусоргскаго, роман	1.—
Мережковскій. Мессія (роман в двух томах)	1.20
Масловскій. Мировая война на Кавказском фронтѣ	2.—
Муратов. Магические рассказы	0.60
Муратов. Герои и героини	0.60
Нестерович-Берг. В борьбѣ с большевиками (Воспоминанія)	0.80
Плещеев. Что вспомнилось (за пятьдесят лѣтъ). Театр. воспоминанія	1.50
Половцев. Дни затмения. Воспоминанія Главнокомандующаго войсками Петроградскаго военного округа	0.60
Попов. Храм Славы (Подвиги русских войск) 2 тома, с иллюстраціями	2.—
Суворин. Фазан (Роман без любви)	0.60
Тхоржевскій. Русская литература. (2-ое изданіе готовится к печати)	
Чириков. Между небом и землей	0.60
Шмелев. Няня из Москвы, 3-ье изданіе	2.25
Шмелев. Пути небесные, 2-ое изданіе, 2 тома	5.—
Шмелев. Степное чудо	0.40
Яблоновскій. Дѣти улицы (повѣсть)	0.60

Editions „LA RENAISSANCE“

73, Avenue des Champs-Elyssées, Paris (8e).

W. L. WHITE

A TRAVERS L'U.R.S.S. EN GUERRE
(Report on the Russians).

Traduit de l'anglais par TANCREDE.

Prix 500 frs.

Ivan THORGEVSKY

DE GORKI A NOS JOURS

La nouvelle littérature russe.

Prix 100 frs.

N. ADONTZ

ETUDES HISTORIQUES ARMENIENNES

(en langue arménienne).

Prix 1000 frs.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕТРАДИ
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

РЕДАКЦІЯ, КОНТОРА, ПОДПИСКА И ПРОДАЖА
ОТДѢЛЬНЫХ НОМЕРОВ

Tél. Elysées 06-03. Compte Ch. Postaux, Paris 781.81.

ГODOВАЯ ПОДПИСКА НА 6 ТЕТРАДЕЙ ВО ФРАНЦІИ
750 фр.— Загр. Ам. дол. 5.— Отдѣльные номера во Фран-
ціи 150 фр., загр. Ам. дол. 1.—

БЕЛЬГИЯ, ГОЛЛАНДІЯ И ЛЮКСЕМБУРГ
Год. подписка 180 Бельг. фр. Отд. номера 35 Бельг. фр.
«La Sentinelle», Boîte Postale 31, Ixelles 4 Bruxelles,
Compte Chèques 392.503.

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ
Год. подписка 1 Англ. ф. Отд. номера 4 шил.
Russian Book Shop, 26, Tottenham Street; London; W. 1.

ЗАПАДНЫЯ ЗОНЫ ГЕРМАНИИ.
Год. подписка 30 марок. Отд. номера 6 марок.
Georg Meyer.

С. А. С. Ш.
Годовая подписка Ам. дол. 5.— Отд. номера 1 Ам. дол.
Gregory A. Alexieff, 39 West 54 Street, New-York 19, N. Y.
Tel. Circle 75914
A. Beltchenko, 435-20, The Ave. San Francisco 21, Calif.

АРГЕНТИНА.
Годовая подписка Ам. дол. 5.— Отд. номера 1 Ам. дол.
D. Lasko, Calle 3590. Beazley. Buenos-Aires.